

ВѢСНИКЪ

1906 №3-4

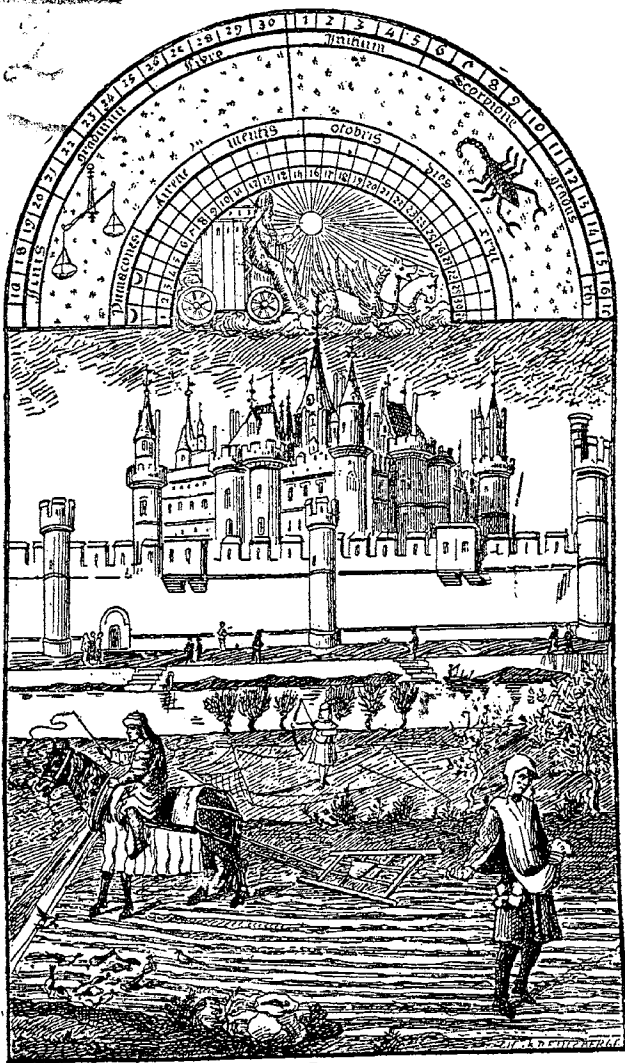
Л И Т Е Р А Т У Р Н О Е
Б И Б Л И О Т Е К А
У Ч Е Б Н О - П Е Д А Г О Г И Ч Е С К О Е

110

ВѢСЫ ☉ МАРТЪ — АПРѢЛЬ ☿ 1906

La Balance. Mars — avril. 1906.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»
Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.

«ВѢСЫ» ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія третій. 1906. N 3—4, МАРТЪ—АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Текстъ.

Д. Мережковскій. Л. Н. В-ой. Стихотвореніе	1
В. Гиппюсъ. Водоскатъ. 13 стихотвореній.	3
Д. Мережковскій. Пророкъ русской революціи. (Окончаніе).	19
Оскаръ Уайльдъ. Сфинксъ безъ загадки. Разсказъ	48
Арт. Лютеръ. Памяти Генриха Гейне.	55
М. Ликіардопуло. Современная греческая литература. (Окончаніе).	59
К. Сюннербергъ. Выставка «Міра Искусства»	64
В. К. Вечера современной музыки	70
Аврелій. Вѣхи. III. Чортъ и хамъ	75
К. Чуковскій. Объ эстетическомъ нигилизмѣ	79
О книгахъ. (I Критика: Е. Desprax. La Maison des Glycines.—А. Swinburne. Selections.—М. Ходырева. Намски и облики.—Н. Hejermans. Allerseelen.—Талашкино.—Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ.—II. Библиографія: Энциклопедическій Словарь. Дополн. том., ч. 2.—Процессъ 1 марта 1881 г.—R. Kipling. They.—R. Haggard. The return of She.—Д. Мережковскій. Гоголь и чортъ).	82
Въ журналахъ и газетахъ. (Эмиль Верхарнъ.—Э. Каррьеръ.—Исландскій театръ.—Memento.—Поправки)	93
Лѣтопись литературы и искусствъ	97
Горестныя Замѣты	100

Рисунки.

Тео ванъ-Риссельбергъ. Портретъ Эмиля Верхарна. (Фототипія)	Передъ текстомъ.
Его же. «Осень» и «Зима». Два рисунка	Передъ стр. 33 и 49
Его же «Августъ»	54
Заставки и концовки его же. Обложка Н. Теофилактова. Фронтиспись—миниатюра XIV века.	

Приложеніе.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная Сказка. Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Переводъ съ рукописи Е. Троповскаго.

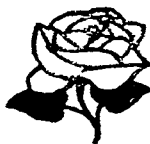
SOMMAIRE.

D. Merejkovsky. Un poème.—M-me Z. Hippius. 13 poèmes.—
D. Merejkovsky. Le prophète de la révolution russe. (Suite et fin).—
Oscar Wilde. Le Sphinx sans énigme. — A. Luther. Heinrich Heine. —
M. Lykiardopoulos. La littérature néo-grecque contemporaine. (Suite et
fin).—C. Synnerberg. Lettre de Pétersbourg.—V. K. Les Soirées de la mu-
sique contemporaine à Pétersbourg.—Aurèle. Le Diable et le laquais. — K.
Chookovsky. Le nihilisme esthétique. — Bibliographie. (Comptes-rendus
sur les livres de MM. E. Despax, A. Swinburne, M. Khodireff, H. Hejermans,
R. Kipling, R. Haggard et autres).—Les revues et les journaux (L'Art Moderne,
Art et Décoration, Mercure de France, Der Amethyst, La Poésie, Deutsche
Rundschau).—Chroniques littéraires et artistiques.

Le portrait de M. Emile Verhaeren—par Théo van Rysselberghe
(inédit).—Dessins, vignettes et culs-de-lampe par le même (tirés des éditions
de M. Deman). Couverture par N. Féofilaktoff. Frontispice—miniature du
Livre d'Heures du duc de Berri.

Supplément: Stanislas Przybyszewski. Le Conte éternel. Drame
en 3 actes, traduit du manuscrit de l'auteur par E. Tropovsky.

Не желая раздѣлять на два выпуска такія произведенія, какъ
окончаніе статьи Д. Мережковскаго и драма С. Шибышев-
скаго, редакція «Вѣсовъ» издаетъ двойной N за мартъ и апрѣль.
Редакція обращаетъ вниманіе г.г. подписчиковъ, что по числу
страницъ (100+60) этотъ двойной N совершенно равенъ двумъ
обычнымъ NN «Вѣсовъ». Слѣдующій, 5 N, выйдетъ въ на-
чалѣ мая.

Эмиль Верхарнъ.

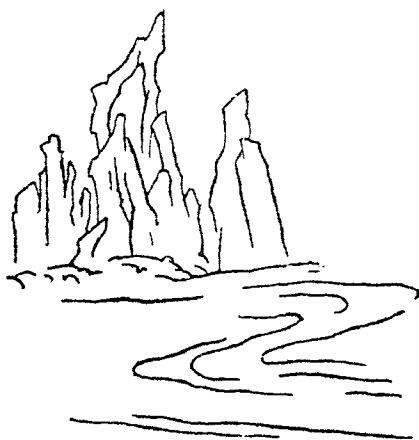
Л. Н. В-ной.

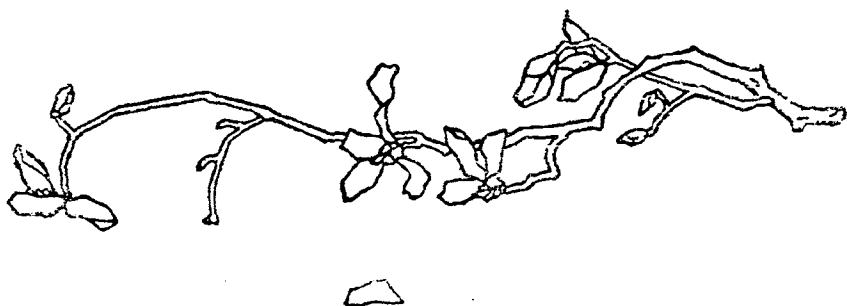
Ослѣпительная снѣжность,
Усыпительная нѣжность,
Безнадежность безмятежность—
И бѣло, бѣло, бѣло.
Сердце бѣдное забыло,
Все, что будетъ, все, что было,
Чѣмъ страдало, что любило—
Все прошло, прошло, прошло.

Все уснуло, замолчало
Гдѣ конецъ, и гдѣ начало,
Я не знаю,—укачало
Сани легкія скользять,
И лечу, лечу безъ цѣли,
Какъ въ гробу или въ колыбели,
Сплю, и ласковыя ели
Сонъ мой чуткій сторожать.

Я молюсь или играю,
Я живу пль умираю,
Я не знаю, я не знаю,
Только тихо стынетъ кровь.
И бѣло, бѣло, безбрежно,
Усыпительно и нѣжно,
Безмятежно, безнадежно,
Какъ послѣдняя любовь!

Д. С. М е р е ж к о в с к і й.

ВОДОСКАТЪ.

ТРИНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

І. ВОДОСКАТЪ.

Душа моя, угрюмая, угрозная,
Живеть въ оковахъ словъ.
Я—черная вода, пѣноморозная,
Межъ лдяныхъ береговъ.

Ты съ бѣдной человѣческой нѣжностью
Не подходи ко мнѣ.
Душа мечтаетъ съ вѣщей безудержностью
О снѣговомъ огнѣ.

И если въ мгlistости души, въ игlistости
Не видишь своего—
То отъ тебя ея кипящей льдистости
Не нужно ничего.

2. КЪ НЕИ

О почему Тебя любить
Мнѣ суждено неодолимо?
Ты снишься мнѣ, иль, можетъ быть,
Проходишь гдѣ-то близко, мимо.

И шагъ Твой дымный я ловлю,
Слѣжу глухія приближенья...
Я холодъ ризъ Твоихъ люблю—
Но трепещу прикосновенья.

Теряетъ блѣдныя листы
Мой салъ, Тобой завороженный...
Въ моемъ саду проходишь Ты—
И я тоскую, какъ влюбленный.

Яви же грозное лицо!
Пусть разорвется дымъ покрова!
Хочу, боюсь—и жду я зова...
Войди ко мнѣ. Сомгни кольцо.

3. ТЫ —

Вешняго вечера трепеть тревожный—
Съ тонкаго тополя вѣточка нѣжная.
Вихря порывъ, горячо - осторожный—
Синей бездонности гладь безбережная.

Въ облачномъ небѣ просвѣтъ просіянный —
Свѣжихъ полей маргаритка росистая.
Мечъ мой небесный, мой лучъ острогранный —
Тайна прозрачная, ласково чистая.

Ты—на распути костеръ ярко-жадный—
И надъ долиною дымка невѣстная.
Ты—мой веселый и беспощадный —
Ты моя близкая и неизвѣстная...

Ждаль я, и жду я зари моей ясной,
Неуголимо тебя полюбила я...
Встань же, мой мѣсяцъ серебряно-красный,
Выйди, двурогая, милый мой—милая...

4. БРАЧНОЕ КОЛЬЦО.

Надъ темностью лампы несаженной
Я увидалъ сіяющій отсвѣтъ.
Послѣднимъ обнаженьемъ обнаженной
Моей душѣ—предѣловъ больше нѣтъ.

Желанья были мнѣ всего дороже...
Но ихъ, себя, святую боль мою,
Молитвы, упованья,—все, о Боже,
Въ Твою Любовь съ любовью отдаю.

И этотъ часъ бездоннаго смиренья
Крылатымъ пламенемъ облекъ меня.
Я властенъ властью—Твоего вельнѣя,
Одѣтъ покровомъ—Твоего огня.

Я къ Близкому протягиваю руки,
Тебѣ, Живому, я смотрю въ лицо,
И, въ свѣтлости преображенной муки,
Мнѣ легокъ крестъ, какъ брачное кольцо.

5. ПЕРЕБОИ.

Если сердце вдруг останавливается...
 На душѣ безпокойно и весело.
 Точно сердце съ кѣмъ-то уславливается...
 А жизнь свой ликъ занавѣсила.

Но вдругъ—

Нѣтъ свершенья, новый кругъ,
 Сердце тронуло порогъ,
 Перешло—и вновь толчокъ,
 И стучить, стучить, спѣша,
 И опять болить душа,
 И опять надъ ней законъ
 Чисель, сроковъ и времянь,
 Кровь бѣжитъ, темно звеня,
 Нѣту ночи, нѣту дня,
 Трепетъ, ропоть, торопъ, стукъ...

И вдругъ—

Сердце опять останавливается...
 Вижу я очи Твои, Безмѣрная,
 Подъ взоромъ Твоимъ душа расплавливается...—
 О не уходи, моя единая и Вѣрная,
 Овитая радостями тающими,
 Радостями знающими

Все.

6. ВСЕ КРУГОМЪ.

Страшное, грубое, липкое, грязное,
 Жестко-тупое, всегда безобразное,
 Медленно-рвущее, мелко-нечестное,
 Скользкое, стыдное, низкое, тѣсное,
 Явно-довольное, тайно блудливое,
 Плоско-смѣшное и тошно трусливое,
 Вязко, болотно и тинно застойное,
 Жизни и смерти равно недостойное,
 Рабское, хамское, гнойное, черное,
 Изрѣдка сѣрое, въ сѣромъ упорное,
 Вѣчно лежачее, дьявольски-косное,
 Глупое, сохлое, сонное, злостное,
 Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
 Непереносное, ложное, ложное!

Но жалобъ не надо; что радости въ плачѣ?
 Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе.

7. УЗЕЛЬ.

Сожму я въ узель нить
Межь сердцемъ и сознаньемъ.
Хочу разъединить
Себя съ моимъ страданьемъ.

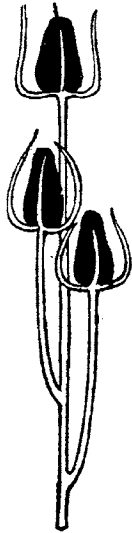
И будетъ кровь не течь,
Ползти, сквозь узель, глухо.
И будетъ сердца рѣчь
Невнятною для духа.

Пусть, теплое, стучить
И бьется, спотыкаясь.
Свободный духъ молчить,
Молчить не откликаясь

Храню его полеть
Отъ всѣхъ пугей страданья.
Онъ данъ мнѣ—для высотъ
И счастья созерцанья.

Узломъ себя дѣлю,
Препрадой размыкаю.
И если полюблю.—
Про это не узнаю.

Покой и тишь во мнѣ,
Я волей кругъ мой сузиль..
...Но плачу я во снѣ,
Когда слабѣетъ узель.

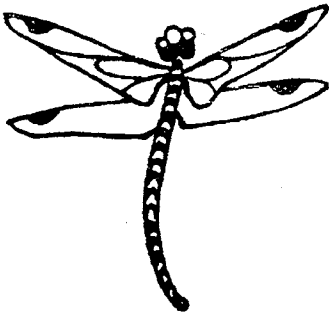
8. ОНО.

Ярко покаютъ копыта...
Что тамъ видно, у моста?
Все затерто, все забыто,
Въ тайнѣ мыслей—пустота...
Только слушаю копыта,
Шумъ, да крики у моста.

Побѣжало тѣсно, тучно,
Многоногое Оно.
Упоительно—и скучно.
Хорошо—и все равно.
И слѣжу, гляжу, какъ тучно
Мчится грозное Оно.

Покатилось, зашумѣло,
Раскусило удила,
Все размыло, все разѣло,
Чѣмъ душа моя жила.
И душа въ чужое тѣло
Пролилась—и умерла.

Жадны звонкія копыта,
Шумно, дико и темно,
Тамъ—веселье съ кровью слито
Тѣло въ тѣло вплетено...
Все разбито, все забыто,
Пейте новое вино!
Звонки жадныя копыта,
Будь что будетъ—все равно!

9. ОНА.

Кто видѣлъ Утреннюю, Бѣлую
Средь расцвѣтающихъ небесъ—
Тотъ не забудетъ тайну смѣлую,
Обѣтованіе чудесъ.

Душа, душа, не бойся холода!
То холоды утра,—близость дня.
Но утро живо,—утро молодо,
И въ немъ—дыханіе огня.

Душа моя, душа свободная!
Ты чище пролитой воды,
Ты твердь зеленая, восходная,
Для свѣтлой Утренней Звѣзды.

10. ОНА.

Въ своей безсовѣстной и жалкой низости
Она какъ пыль сѣра, какъ прахъ земной.
И умираю я отъ этой близости,
Отъ неразрывности ея со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змѣя.
Меня изранила противно-жгучая.
Ея кожьчатая чешуя.

О, еслибъ острое почувалъ жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха,
Такая тяжкая, такая вялая,
И нѣтъ къ ней доступа—она глуха.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мнѣ ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная—моя душа!

II. ГРОЗА.

Моей души, въ ея тревожности,
Не бойся, не жалѣй.
Двѣ молніи,—двѣ невозможности
Соприкоснулись въ ней.

Ищу опасное и властное
Сліянье всѣхъ дорогъ.
А все живое и прекрасное
Проходить въ краткій срокъ.

И если правда здѣшней нѣжности
Не жалость, а любовь,—
Всесокрушающей мятежности
Моей не прекословь.

Тебя пугаютъ миги вѣчные..
Уйди, закрой глаза.
Въ душѣ скрестились свѣты встрѣчные,
Въ моей душѣ—гроза.

12. ЗАКЛИНАНЬЕ.

Расточитесь, духи непослушные,
Разомкнитесь, узы непокорныя,
Распадитесь, полземелья душныя,
Лягьте вихри, жадные и черныя.

Тайна есть, великая, запретная.
Есть обѣты—ихъ нельзя развязывать.
Человѣческая кровь—завѣтная,
Солнцу кровь не вѣльно показывать.

Разломись Оно, проклятьемъ цѣльное!
Разлетайся, туча изступленная!
Бейся сердце, каждое,—отдѣльное,
Воскресай, душа освобожденная!

13. КЪ ЗЕМЛѢ.

Въ разсвѣтнѣй вечерь окно открою,
Навстрѣчу росамъ и вѣтру мгlistому.
Мое Страданье, вдвоемъ съ тобою
Молиться будемъ разсвѣту чистому.

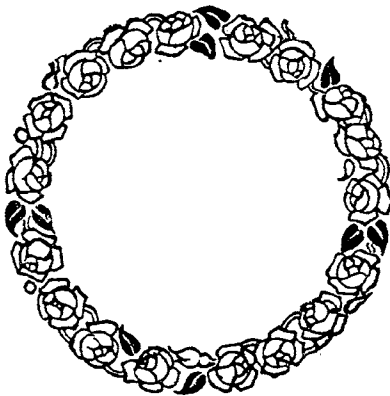
Я знаю: сила и созиданье
Въ послѣдней тайнѣ,—въ ея раскрытіи.
Теперь—мы двое, мое Страданье,
Но будемъ Два мы,—въ одномъ совитіи.

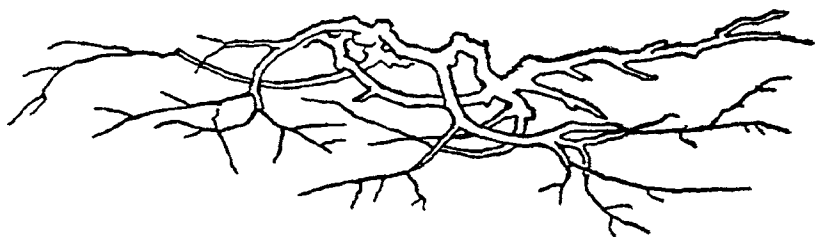
И съ новымъ ликомъ, безъ рабства счастью,
Въ лучахъ страданья, въ тѣни влюбленности,
Къ разсвѣтнымъ росамъ пойдемъ со властью,
Разбудимъ росы отъ смертной сонности.

Сойдемъ туманомъ, веселымъ дымомъ,
Прольемся въ небѣ варею алою,
Зажжемъ желаньемъ неуголимымъ
Большую землю, сестру усталую..

Нѣтъ не къ сестрѣ мы—къ Землѣ-Невѣстѣ
Пойдемъ съ дарами всеильной ясности,
И если нужно—сгоримъ съ ней вмѣстѣ,
Сгоримъ мы трое въ огнѣ всестрастности.

З. Гиппиусъ.

ПРОРОКЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

II *

Въ политическомъ дѣйствіи нашелъ Достоевскій то, чего не могъ найти въ религіозномъ созерцаніи, — опредѣленіе православія. Это опредѣленіе даетъ въ «Бѣсахъ» раскаявшійся нигилистъ Шатовъ нераскаянному нигилисту Ставрогину, повторяя его же собственныя, давнишнія мысли.

«Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ Него, какъ въ единого истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ. Всякій народъ до тѣхъ только поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія; пока вѣруетъ въ то, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ. Если великій народъ не вѣруетъ, что въ немъ одномъ истина (именно въ одномъ и именно исключительно), если не вѣруетъ, что онъ одинъ способенъ и призванъ всѣхъ воскресить и спасти своею истиной, то онъ тотчасъ же обращается въ этнографическій матеріалъ, а

* См. «Вѣсы», 1906, № 2.

не въ великій народъ. Но истина одна, а стало быть, только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго. Единый народъ «богоносець»—это русскій народъ.

Можно бы сомнѣваться, раздѣляетъ ли эти мысли своего героя Достоевскій, если бы не повторялъ онъ ихъ въ «Дневникѣ Писателя».

«Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣритъ, что въ немъ-то и только въ немъ одномъ и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобъ стоять во главѣ народовъ, приобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли всѣмъ имъ предназначенной... Великое самомнѣніе, вѣра въ то, что хочешь и можешь сказать послѣднее слово міру, есть залогъ самой высшей жизни націй».

Итакъ, православіе, истинное христіанство, по мнѣнію Достоевскаго, есть «великое самомнѣніе» русскаго народа, вѣра его въ себя самого, какъ въ Бога, потому что русскій богъ, «русскій Христосъ» — ничто иное, какъ «синтетическая личность» русскаго народа. Въмѣсто прежней формулы: «русскій народъ весь въ православіи» — получается новая, обратная: все православіе въ русскомъ народѣ. И только тогда, когда Россія своимъ богомъ, своимъ Христомъ «побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ и христовъ, «русскій Христосъ» сдѣлается вселенскимъ.

Мы думали, что христіанство отъ начала—истина вселенская; но вотъ оказывается, что оно истина одного народа избраннаго, русскаго народа-богоносца, новаго Израиля.

Когда христіане называютъ евреевъ «жидами», они произносятъ хулу на Христа во чревѣ Матери Его, въ тайнѣ Рождества Его, во святомъ Израилѣ. Истинные «жиды»—не евреи, а тѣ христіане, которые возвращаются отъ Новаго Завѣта къ Ветхому, отъ Христа вселенскаго къ Мессіи народному. О каждомъ народѣ можно сказать тоже, что о каждомъ человѣкѣ: народъ, который хочетъ сохранить свою душу, свою исключительную народную истину, — потеряетъ ее; а тотъ, который потеряетъ ее ради вселенской истины, — сохранитъ ее. Каждый народъ долженъ отречься отъ себя, отъ своей «синтетической личности,

отъ своего особаго бога», долженъ сдѣлаться жертвою за всѣ другіе народы, умереть, какъ народъ, во всечеловѣчествѣ, для того, чтобы воскреснуть въ богочеловѣчествѣ. Каждый народъ долженъ Христу сораспятыся, чтобы со Христомъ воскреснуть. А народъ, который утверждаетъ свое первенство на томъ, чтобы не самому быть слугою всѣмъ, а чтобы всѣ были слугами ему одному, который не собою жертвуетъ всѣмъ, а всѣми жертвуетъ себѣ,—такой народъ не со Христомъ распинается, а распинаетъ Христа, Богочеловѣка—въ Богочеловѣчествѣ. Это и есть подлинное «жидовство»—«жидовство вмѣсто неудавшагося христіанства», какъ выразился однажды Достоевскій о современной Европѣ съ ея царствомъ еврейской биржи, и какъ можно бы выразиться съ гораздо большимъ правомъ о національно-исключительномъ, суженномъ, «обрѣзанномъ», жидовствующемъ православіи самого Достоевскаго.

Но тутъ есть и нѣчто худшее.

«Вы низводите Бога до простого атрибута народности», это возраженіе Ставрогина Шатову совершенно справедливо; а оправданіе Шатова: «напротивъ, я народъ возношу до Бога, народъ есть тѣло Божіе»,—ни на чемъ не основано. Ежели Богъ—только «синтетическая личность народа» и не болѣе, то не народъ есть тѣло Божье,—а Богъ есть тѣло, воплощеніе народной души; не народъ получаетъ бытіе свое отъ Бога, а Богъ—отъ народа. Не Богъ создалъ народъ, а народъ и вообще родъ человѣчскій, человѣкъ создалъ Бога, по образу и подобию своему. Народъ—абсолютное; Богъ относительное. Значитъ всѣ религіи—только міеологіи, мнимо-божественныя подобія человѣческой истины. Значитъ, правъ атеистъ Фейербахъ, утверждающій, что человѣкъ поклоняется въ Богѣ себѣ самому до тѣхъ поръ, пока не сознаетъ, что самъ онъ, человѣкъ, и есть Богъ и что нѣтъ иного Бога, кромѣ него.

Человѣкъ станеть Богомъ, это—откровеніе Человѣкобожества совершенно противоположное откровенію Богочеловѣчества: Богъ сталъ Человѣкомъ.

Но Ставрогинъ и Шатовъ, а вмѣстѣ съ ними, кажется, и самъ Достоевскій, смѣшиваютъ оба откровенія въ соблазнитель-

номъ ученіи о новомъ Израилѣ, русскомъ народѣ-богоносцѣ, въ ученіи о народобожествѣ, которое есть скрытое челоѣкобожество: дѣлать Богомъ народъ, или даже весь родъ челоѣческій—такое же отступленіе отъ истиннаго Бога, какъ дѣлать челоѣка Богомъ. Недаромъ Ставрогинъ одновременно проповѣдуетъ Шатову мнимое богочелоѣчество, а Кирилову подлинное челоѣкобожество, находя «совпаденіе красоты въ обоихъ полюсахъ», а послѣдней религіозной истины не находя ни въ одномъ изъ нихъ, потому что для него послѣдняя истина, что Бога нѣтъ. Но и Шатовъ, принявъ ученіе о русскомъ Христѣ, какъ собирательной личности русскаго народа, недалеко ушелъ отъ той же послѣдней истины.

— «Чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца—надо зайца, чтобы увѣровать въ Бога—надо Бога.

— Вашъ-то заяцъ пойманъ ли, аль еще бѣгаетъ?—спрашиваетъ Ставрогинъ.

— Не смѣйте меня спрашивать такими словами, спрашивайте другими, другими!—весь вдругъ задрожалъ Шатовъ.

— Извольте другими,—сурово посмотрѣлъ на него Николай Всеволодовичъ.—Я хотѣлъ лишь узнать: вѣруете Вы сами въ Бога, или нѣтъ?

— Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ православіе... Я вѣрую въ тѣло Христово... Я вѣрую...—залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

— А въ Бога? Въ Бога?

— Я... я буду вѣровать въ Бога».

Вотъ страшное признаніе, неужели не только Шатова, но и самого Достоевскаго. Можно вѣрить въ православіе, не вѣря въ Бога. Но, кажется, послѣдній ужасъ въ томъ, что вѣря въ «русскаго Христа», «русскаго Бога», нельзя вѣрить въ истиннаго Бога-Слово, во Христа вселенскаго. Мнимое Богочелоѣчество, «народобожество» такъ же, какъ и подлинное челоѣкобожество, есть неизбѣжный путь къ послѣднему безбожію.

Религіозная трагедія Достоевскаго въ томъ, что его истинная религія—не православіе; но онъ думалъ, что «неправославный не можетъ быть русскимъ», а ему нельзя было ни на минуту

отойти отъ Россіи, какъ маленькому Оедѣ, напуганному вѣщимъ крикомъ: волкъ бѣжитъ!—нельзя было ни на минуту отойти отъ мужика Марей. Маленькій Оедя ошибся: этотъ вѣщій крикъ раздался не около него, а въ немъ самомъ; это былъ первый крикъ послѣдняго ужаса: «Звѣрь идетъ, Антихристъ идетъ». Отъ этого внутренняго ужаса не могъ его спасти мужикъ Марей, русскій народъ, который, сдѣлавшись «русскимъ Христомъ», двойникомъ Христа, самъ превратился въ Звѣря, въ Антихриста, потому что Антихристъ и есть двойникъ Христа.

III

Въ самодержавіи завершилось для Достоевскаго то, что началось въ православіи,—смѣшеніе Человѣкобожества съ Богочеловѣчествомъ.

«Народъ нашъ — дѣти царевы; а царь имъ отецъ. Тутъ идея глубокая и оригинальнѣйшая, тутъ организмъ живой и могучій, организмъ народа, сляннаго съ своимъ Царемъ воедино. Царь для народа не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь побѣдителя, а всенародная, всеединяющая сила, которую самъ народъ восхотѣлъ, которую выростилъ въ сердцахъ своихъ, за которую претерпѣлъ, потому что отъ нея только одной ждалъ исхода своего изъ Египта. Для народа Царь есть воплощеніе его самого, всей его идеи, надеждъ и вѣрованій. Отношеніе русскаго народа къ Царю своему есть самый особливый пунктъ, отличающій народъ нашъ отъ всѣхъ другихъ народовъ Европы и всего міра; это не временное только дѣло у насъ, не преходящее, но вѣковое, всегдашнее и никогда оно не измѣнится. Идея же эта заключаетъ въ себѣ такую великую у насъ силу, что, конечно, повліяетъ на всю дальнѣйшую исторію нашу, а такъ какъ она, идея эта, совсѣмъ особливая и какъ ни у кого, то и исторія наша не можетъ быть похожа на исторію другихъ европейскихъ народовъ. Если хотите, у насъ въ Россіи и нѣтъ никакой дру-

гой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей насъ, какъ эта органическая живая связь народа съ Царемъ своимъ, и изъ нея у насъ все и исходитъ».

Какъ примирить утверждение Достоевскаго: «русскій народъ весь въ православіи, больше у него нѣтъ ничего, да и не надо, потому что православіе все»,—съ этимъ новымъ утвержденіемъ: русскій народъ весь въ самодержавіи, больше у него нѣтъ ничего, да и не надо, потому что самодержавіе все. Или оба эти утвержденія взаимно другъ другомъ уничтожаются, или сводятся къ третьему: самодержавіе и православіе въ своей послѣдней сущности одно и то же. Самодержавіе—тѣло, православіе—душа. Самодержавіе—такая же абсолютная, вѣчная, божественная истина, какъ православіе. Это и есть то «новое слово», которое русскій народъ «богоносець» призванъ сказать міру.

Самодержавіе вмѣстѣ съ православіемъ получила Россія отъ Византии, отъ второго христіанскаго Рима, который въ свою очередь получилъ его отъ перваго Рима языческаго. Уже и тамъ, въ язычествѣ, идея самодержавія въ послѣдней глубинѣ своей была идея не только политическая, но и религіозная. Безпредѣльная власть Кесаря надъ Римскою всемірною Имперіей, власть одного человѣка надо всѣмъ человѣчествомъ, казалась властью божеской, и человѣкъ, обладавшій этою властью, казался не человѣкомъ, а богомъ, земнымъ богомъ, равнымъ Богу Небесному. Произшелъ апофеозъ римскаго Кесаря: Divus Caesar, Кесарь Божественный, Кесарь—Богъ, Человѣкъ—Богъ. Но подъ личиною Бога скрывалось лицо звѣря—Нерона, Тиберія, Калигулы. И въ то самое мгновеніе, когда на лучезарной вершинѣ Имперіи въ чертогахъ римскихъ Кесарей человѣкъ сталъ богомъ, въ темной подземной глубинѣ ея, въ пещерѣ Виелеемскихъ пастуховъ, Богъ сталъ Человѣкомъ—родился Христосъ. По слову Достоевскаго, «произошло столкновение двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: Человѣкобогъ встрѣтилъ—Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій—Христа».

Чѣмъ же разрѣшилось это столкновение? Кто побѣдилъ? Никто. «Явился компромиссъ», отвѣчаетъ самъ же Достоевскій.

«Компромиссъ»—то есть, чудовищная сдѣлка между Богочеловѣкомъ и Человѣкобогомъ. Пока самодержавіе оставалось языческимъ, христіанскіе мученики умирали, чтобы не поклониться Звѣрю въ лицѣ Кесаря. Но когда самодержавіе приняло «христіанство», разумѣется, только по имени, ибо въ существѣ своемъ царство Звѣря не можетъ быть царствомъ Христа, тогда Церковь въ свою очередь приняла самодержавіе, поклонилась римскому Кесарю, благословила Звѣря именемъ Христовымъ. Достоевскій утверждаетъ, будто бы это поклоненіе совершилось только на Западѣ, въ католичествѣ, а отнюдь не на Востокѣ, не въ православіи. Но мы уже видѣли, что утвержденіе это—обманъ или самообманъ Достоевскаго. Какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ совершалось одно и то же, хотя и въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: на Западѣ церковь претворялась въ государство, папа, христіанскій первосвященникъ, дѣлался римскимъ кесаремъ; на Востокѣ государство претворяло въ себя, поглощало церковь, римскій кесарь дѣлался христіанскимъ первосвященникомъ, главою церкви, «крайнимъ судіею дѣлъ церковныхъ», по выраженію Петра Великаго въ Духовномъ Регламентѣ Св. Синода. Но здѣсь и тамъ произошло одинаковое смѣшеніе Кесарева и Божьяго съ той лишь разницей, что на Западѣ—попыткой теократіи, хотя и неудачною, борьбою духовной власти со свѣтскою, папъ съ императорами, была истощена и ослаблена религіозная идея римской имперіи; тогда какъ на Востокѣ эта идея, не встрѣчая никакихъ препятствій, развивалась, выростала и достигла, наконецъ, своего послѣдняго всемірно-историческаго завершенія въ Третьемъ Римѣ, въ русскомъ «православномъ самодержавіи». Древняя языческая личина Человѣкобожества замѣнилась новою христіанскою личиною Богочеловѣчества; но лицо осталось то же—лицо Звѣря. И нигдѣ въ мірѣ царство Звѣря не было такоимъ свирѣпымъ, безбожнымъ и кощунственнымъ.

Церковь сама не знаетъ, что творить, когда называетъ наслѣдниковъ римскаго Звѣря «Помазанниками Божьими», то-есть, «Христами», потому что Христось и значить «Помазанникъ Божій». Но если бы она когда-нибудь узнала это и все-таки

не отрелась бы отъ самодержавія, то могла бы сказать о себѣ то, что Великій Инквизиторъ Достоевскаго говоритъ Христу о римской церкви: «Мы не съ Тобой, а съ нимъ (съ диаволомъ), вотъ наша тайна... Мы взяли отъ него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря».

Чѣмъ же, какъ не мечемъ Кесаря самодержавіе должно завоевать Константинополь и основать послѣдній третій Римъ, «залить міръ кровью». Что лицо самодержавія во внѣшней политикѣ, обращенное ко всѣмъ народамъ есть лицо Звѣря, въ этомъ, кажется, самъ Достоевскій не сомнѣвался. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, что въ политикѣ внутренней, лицо Звѣря становится лицомъ Бога.

«У насъ гражданская свобода,—увѣряетъ онъ,—можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣверной Америкѣ, и именно на этомъ же алмазномъ основаніи (на самодержавіи) она и созиждется. Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ Царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немислимо у другихъ, у договорныхъ народовъ, дѣтямъ можно столь многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ еще не бывало видано, ибо не измѣнять дѣти отцу своему».—«Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ, въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду».

Слово о сѣрыхъ зипунахъ—намекъ на земскій соборъ. Говорятъ, Достоевскій боялся, что цензура запретитъ эти слова. «Не пропускай—и все пропало»,—восклисалъ онъ, будто бы, въ смертельной тревогѣ.

Пропустили, но это ничего не спасло. Кажется, впрочемъ, самимъ Достоевскимъ чувствовалось что-то неладное въ этихъ мысляхъ о довѣрїи царя къ народу, что-то похожее не столько на «алмазное основаніе», сколько на ту бездну, надъ которою Мѣдннй Всадникъ Россію «вздернулъ на дыбы».

«Я слуга Царю. Еще больше буду слуга ему, когда онъ дѣйствительно повѣритъ, что народъ ему дѣти. Что-то очень ужъ долго не вѣритъ», писалъ онъ въ своей записной книжкѣ за нѣсколько дней до смерти.

Почему же такъ долго не вѣритъ и можетъ ли вообще когда-нибудь повѣритъ,—вотъ вопросъ, который долженъ былъ рѣшить Достоевскій, но не успѣлъ,—умеръ. И только что онъ умеръ,—грянуло 1 марта, первый громовой ударъ. Четверть вѣка эта гроза собиралась и разразилась, наконецъ, только теперь, накануне двадцатипятилѣтней тризны Достоевскаго.

9 января 1905 года, въ лицѣ сотенъ тысячъ русскихъ рабочихъ, которые шли по Петербургскимъ улицамъ на площадь Зимняго Дворца, съ дѣтьми и женами, съ образами и хоругвями, весь русскій народъ шелъ къ царю своему. «Такому ли народу отказать въ довѣрїи?» Казалось бы, стоило только отвѣтить вѣрой на вѣру—и совершилось бы чудо любви; чудо соединенія царя съ народомъ. Казалось бы такъ, по Достоевскому. Но увы, мы знаемъ, что произошло, и чѣмъ отвѣтила власть народу... И въ томъ вина—не какого-либо отдѣльнаго носителя власти, а всего «христіанскаго государства», отъ Константина Великаго до нашихъ дней.

«Звѣрь идетъ! Антихристъ идетъ!»—если бы теперь снова, услышавъ этотъ вѣщій крикъ, Достоевскій, какъ нѣкогда маленькій Оедя, бросился къ мужику Марекю, то нашелъ ли бы у него защиту? И не оказался ли бы самъ онъ, мужикъ Марей, то-есть, весь русскій народъ, въ такомъ же безпомощномъ ужасѣ, какъ Достоевскій, передъ Грядущимъ Звѣремъ?

Ибо что такое въ своихъ послѣднихъ религіозныхъ и метафизическихъ основахъ вѣра православнаго народа въ православнаго царя? Въ самодержавіе народъ вѣритъ, какъ въ послѣднее соединеніе крестьянства съ христіанствомъ, правды о землѣ съ правдой о небѣ; царь, будто бы, дастъ народу землю и установитъ правду Божью на землѣ, соединитъ человѣческое съ Божескимъ въ Богочеловѣческое, или человѣкобожеское,—это не рѣшено, не отвѣчено и даже не спрошено, потому что этимъ вопросомъ уже кончается христіанство историческое,

православіе, и начинается христіанство апокалипсическое, Третій Завѣтъ, религія Троицы. Но самая возможность такого вопроса указываетъ на опасность страшнаго соблазна и смѣшенія въ идеѣ самодержавія: вѣдь ежели дѣйствительно русскій царь призванъ соединить земное съ небеснымъ, человѣческое съ Божескимъ, значитъ, это соединеніе еще не совершилось во Христѣ пришедшемъ, въ Богочеловѣкѣ, и русскому самодержцу предназначено исполнить то, чего будто бы, не исполнилъ Христосъ; значитъ, русскій царь, разумѣется, не какой-либо пришедшій, а грядущій Царь, Кесарь Третьяго Рима, новой всемірной монархіи и есть «русскій Христосъ, еще міру невѣдомый», какъ и утверждаетъ самъ Достоевскій: «Россія воскреситъ Европу русскимъ Христомъ, еще міру невѣдомымъ». И по другой формулѣ: «Богъ есть синтетическая личность народа», а «русскій царь есть воплощеніе личности русскаго народа», выходитъ опять-таки, что русскій Богъ», «русскій Христосъ», есть русскій царь. Но вѣдь это уже не христіанство, а хлыстовство. Отъ вѣры въ Мессію народнаго, воплощеннаго въ цѣломъ народѣ-богоносцѣ—къ вѣрѣ во Христа, воплощеннаго въ отдѣльномъ чловѣкѣ-богоносцѣ, въ царѣ—то-есть, отъ жидовства къ хлыстовству,—таковъ путь Достоевскаго отъ православія къ самодержавію.

И этотъ второй грядущій «русскій Христосъ», не только отличенъ отъ перваго, пришедшаго вселенскаго Христа, но и противоположенъ Ему: Тотъ, первый, отдѣлилъ, будто-бы, правду небесную отъ правды земной; а этотъ, второй, соединитъ ихъ. Тотъ, первый, пришелъ для того, чтобы спасти только немногихъ, избранныхъ, а этотъ, второй, придетъ, чтобы «спасти всѣхъ». «Ты придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими,—говоритъ великій инквизиторъ Христу Пришедшему, но мы скажемъ, что они спасли лишь самихъ себя, а мы спасли всѣхъ».

И не противоположенъ ли второй Христосъ первому именно такъ, какъ Человѣкобогъ противоположенъ Богочеловѣку, Звѣрь—Христу? Послѣдняя тайна Великаго Инквизитора въ этомъ признаніи: «мы не съ Тобой, а съ нимъ» — не со Христомъ, а со Звѣремъ. И послѣдняя тайна, послѣдній ужасъ само-

державіа не въ томъ ли, что самодержецъ — самозванецъ Христа?

О самозванцѣ говорить въ «Бѣсахъ» революціонеръ Петръ Верховенскій Николаю Ставрогину, какъ будто предвосхищая и продолжая мысли Великаго Инквизитора.

— «Я думалъ отдать міръ папѣ... Надо только, чтобы съ папой интернаціоналъ согласился: такъ и будетъ. Да другого ему и выхода нѣтъ... Слушайте, папа будетъ на западѣ, а у насъ будете вы».

Кстати эта безумная мечта Верховенскаго отчасти совпадаетъ съ не менѣе, можетъ быть, безумною мечтою Достоевскаго.

«Константинополь (то-есть, Третій русскій Римъ, столица новой всемірной монархіи) можетъ послужить хоть на время подножіемъ новаго папы», то-есть, конечно, русскаго и вселенскаго патріарха или русскаго и тоже вселенскаго царя-первосвященника.

«Папа будетъ на западѣ, а у насъ будете вы. Мы провозгласимъ разрушеніе... Мы пустимъ пожары... Мы пустимъ легенды... Ну-съ, и начнется смута! Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ... Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ... Ну-съ, тутъ-то мы и пустимъ... Кого?»

— Кого?

— Ивана Царевича...

— Кого-о?

— Ивана Царевича: васъ, васъ!

Ставрогинъ подумалъ съ минутою.

— Самозванца?— вдругъ спросилъ онъ, въ глубокомъ удивленіи смотря на изступленнаго. Э, такъ вотъ, наконецъ, вашъ планъ!

— Мы скажемъ, что онъ «скрывается», — тихо, какимъ-то любовнымъ шепотомъ проговорилъ Верховенскій, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто пьяный. Знаете ли вы, что значитъ это слово: «онъ скрывается?» Но онъ явится, явится. Мы пустимъ легенду, получше чѣмъ у скопцовъ. Онъ есть, но никто не видалъ его. О, какую, легенду можно пустить! А—главное—новая сила идетъ. А ее-то и надо, по ней-то и плачутъ. Ну что въ социализмѣ: старыя силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ. А тутъ сила, да еще

какая,—неслыханная! Намъ вѣдь только на разъ рычагъ, чтобы землю поднять. Все подыметъ!.. Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его—онъ скрывается. А знаете, что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному, напримѣръ. И пойдетъ по всей землѣ: «видѣли, видѣли». И Данилу Филипповича, бога-саваооа, видѣли, какъ онъ въ колесницѣ на небо вознесся предъ людьми, «собственными» глазами видѣли. А вы не Данила Филипповичъ; вы красавецъ, гордый какъ богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, «скрывающійся». Главное, легенду! Вы ихъ побѣдите, взгляните и побѣдите. Новую правду несутъ и «скрывается». И застонетъ стономъ земля и взволнуется море и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ. Строить мы будемъ, мы, одни мы!

— Неистовство!—проговорилъ Ставрогинъ.

Да, «неистовство». Но, развѣ вся исторія самодержавія—не самое фантастическое и самое реальное «неистовство». Во всякомъ случаѣ это не что-то трезвое, умѣренное и благоразумное, «конституціонно-демократическое», а пьяное, дикое, какъ тотъ огненный бредъ, изъ котораго родились легенды скопцовъ и хлыстовъ о богѣ-саваооѣ, «сокатившемъ» съ неба на землю. Петръ Верховенскій, гениальнѣйшій изъ русскихъ революціонеровъ, первый понялъ, что въ самодержавіи, которое и донинѣ казалось только силою реакціонною, задерживающей, скрывается величайшая разрушительная, революціонная сила. Революція ничто иное, какъ обратная сторона, изнанка самодержавія, самодержавіе ничто иное, какъ изнанка революціи. Анархія и монархія—два различныя состоянія одной и той же *prima materia*, «перваго вещества»—насилія, какъ начала власти насиліе одного надо всѣми—монархія, всѣхъ надъ однимъ—анархія. Постоянный и узаконенный ужасъ насилія, застывшій «бѣлый терроръ», обледенѣлая кристаллизованная анархія и есть монархія; расплавленная монархія и есть анархія. Мы это видимъ на опытѣ, въ томъ, что передъ нашими глазами теперь происходитъ: тающего глыба самодержавія течетъ огненною лавою революціи.

«Романовъ, Пестель, или Пугачевъ?»—такимъ вопросомъ Бакунинъ озаглавилъ одну изъ своихъ статей, въ которой между прочимъ, доказывалъ, что русскій царь могъ бы спасти, по крайней мѣрѣ, на время самодержавіе, если бы сталъ во главѣ русской и всемірной социальной революціи. Выкинувъ средняго, слишкомъ серелиннаго, Пестеля и оставивъ двухъ крайнихъ, получимъ вопросъ: самодержецъ или самозванецъ? — вопросъ монархиста Достоевскаго, совпавшій съ вопросомъ анархиста Бакунина.

Изъ русской исторіи мы знаемъ, какъ трудно иногда отличить самодержца отъ самозванца. Каждый пришедшій царь оказывается вовсе не тѣмъ грядущимъ царемъ, котораго ожидаетъ народъ, какъ Мессію. И если даже избраніе царя совершилось бы по волѣ народа, то гдѣ ручательство, что воля эта совпадаетъ съ волею Божьей, «съ милостью Божьей»? Въ соборномъ голосѣ церкви? Но церковь давно лишена соборнаго голоса; церковь обезглавлена самимъ царемъ, который сталъ «главою церкви», «крайнимъ судіею» дѣлъ церковныхъ. Помазаніе на царство совершается въ церкви, но не церковью, а самимъ царемъ...

Съ другой стороны, низверженіе какой-либо династіи еще вовсе не означаетъ паденія самодержавія въ его послѣдней мистической сущности. Перемена династіи—дѣло историческаго случая: были Рюрики, Шуйскіе, Годуновы, — почему бы не быть и Ставрогинымъ. Отъ этого метафизическое существо дѣла не мѣняется. И не съ большимъ ли правомъ, чѣмъ историческіе представители власти, могъ бы оказаться «помазанныкомъ Божьимъ»—подлинно русскій «Иванъ Царевичъ», «красавецъ, гордый какъ богъ»? Не съ большимъ ли правомъ могъ бы онъ повторить слово Наполеона: «*Dio mi la dona, guai a qui la tossa.* Богъ мнѣ далъ корону; горе тому, кто къ ней прикоснется». Или по слову Платона: «пусть царствуетъ геній». Ежели геній есть великая идея, въ чловѣкѣ воплощенная,—то со времени Петра Великаго на престолѣ русскихъ царей не было генія равнаго Николаю Ставрогину, пророку двухъ величайшихъ идей, которыя когда-либо существовали на землѣ—

богочеловѣчества и человѣкобожества. И вѣдь еще неизвѣстно, какую изъ этихъ двухъ идей противоположныхъ, но для него одинаково истинныхъ, воплотить онъ въ своемъ самозванствѣ или самодержавіи. Ежели идею о Богочеловѣчествѣ, о русскомъ народѣ-богоносцѣ,—то что могъ бы Достоевскій возразить на такое самодержавіе, чѣмъ бы могъ онъ отличить такого самозванца отъ самодержца? Историческою невозможностью? Но невозможность историческая не предрѣшаетъ вопроса о возможности мистической.

Кто проливаетъ кровь, тотъ переступаетъ черту, отдѣляющую возможное отъ невозможнаго, дѣйствительное отъ призрачнаго. Въ томъ-то и ужасъ революцій, что въ нихъ цѣлые народы переступаютъ эту черту крови и тѣмъ вовлекаются въ область, гдѣ «все возможно». Когда же пролито столько крови, что земля уже не можетъ выпить, и всюду стоятъ красныя лужи, какъ лужи осеннихъ дождей, тогда поднимаются страшныя мглы, кровавыя туманы, съ чудовищными маревами, всемірно-историческими призраками. Одинъ изъ такихъ призраковъ—«Иванъ Царевичъ», который уже есть, хотя никто его не видалъ, который «скрывается, но явится, явится». Онъ—вверху вокругъ него вожди религіозной всемірной революціи, ученики Великаго Инквизитора, «страдальцы, взявшіе на себя подвигъ познанія добра у зла»; «подъ ними — Шигалевщина», то есть, военная диктатура пролетаріата, социаль-демократія и, наконецъ, въ самомъ низу—стомилліонное стадо «счастливыхъ младенцевъ», все человѣчество, «всемірное объединеніе людей» — въ Богочеловѣкѣ или Человѣкобогѣ, это опять-таки не рѣшено, не отвѣчено и даже не спрошено, это послѣдняя тайна Великаго Инквизитора «мы не съ Тобой, а съ нимъ — вотъ наша тайна».

Въ настоящемъ, по всей вѣроятности, очень раннемъ фазисѣ русской революціи поразительно отсутствуетъ идея религіозная. Какъ будто русскій «народъ-богоносецъ» сдѣлался безбожнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ, и крестьянство перестало быть христіанствомъ. Крестьянство ищетъ земли, только земли, какъ будто окончательно забывъ о небѣ, отчаявшись въ правдѣ не-

Тео ванъ-Риссельбергъ. „Осень“. (Изъ книги E. Verhaeren. Almanach).

бесной. Церковь что-то лепечетъ о Богѣ, но такое жалкое, что, кажется, сама себя не слышитъ и не разумѣетъ. Самодержавіе, подписывая конституцію, и не вспомнило, что оно—«православное», и что нельзя ему отречься отъ своего помазанія, не спросясь у тѣхъ, отъ кого оно приняло помазаніе. Объ интеллигентныхъ вождяхъ революціи и говорить нечего: для нихъ религія просто невѣжество. Не только не способны они преодолѣть религіозный соблазнъ, который заключенъ для народа въ идеѣ самодержавія, именно въ кровной связи самодержавія съ православіемъ, но не подозреваютъ о существованіи этого соблазна. Мало того: сами соблазняются, подчиняются безсознательно религіи самодержавія, когда не успѣвъ развѣнчать царя, вѣнчаютъ на царство пролетаріатъ или весь народъ, какъ будто религіозное существо самодержавія, то-есть, власти человѣческой, ставшей на мѣсто власти Божьей, не одинаково въ обоихъ случаяхъ—въ самодержавіи царя, то-есть, въ насиліи одного надъ всѣми и въ самодержавіи народа, то-есть, въ насиліи всѣхъ надъ каждымъ, какъ будто не одинаковое отреченіе отъ Бога Небеснаго—признаніе какого бы то ни было «земного бога», его величества, Кесаря, или его величества, народа; и какъ будто, наконецъ, «военная диктатура пролетаріата» не должна привести неизбежно къ военному диктатору, къ Наполеону или Кромвелю, самозванцу или самодержцу. Былъ бы кругъ, будетъ и центръ; было бы самодержавіе, будетъ и самодержецъ.

Это отсутствіе религіозной идеи въ русской революціи свидѣтельствуетъ именно только о томъ, что ея настоящій фазисъ очень ранній. Какъ ни огроменъ поднявшійся валъ, онъ все еще не возмутилъ послѣднихъ глубинъ стихіи народной. Какъ ни страшна буря надъ землею, она лишь слабый отзвукъ того, что подъ землею: это одна изъ тѣхъ бурь, которыя предшествуютъ землетрясеніямъ.

Откуда самодержавіе,—все равно, царя или народа,—откуда власть человѣческая, откуда всякое государство, отъ Христа, или отъ Антихриста?—вотъ вопросъ, который безмолвно, но неотразимо поставленъ «Великой Русской» и уже всемірной Революціей, въ настоящемъ, только социальномъ-политическомъ, въ

будущемъ, неизбѣжно и религіозной. Вотъ изъ-за чего—«взволновалось море», «затуманилась Русь», и «такая раскочка пошла, какой міръ не видалъ».

И если на этотъ вопросъ никто не отвѣтитъ, среди послѣдняго нѣмого ужаса, то мы, ученики великаго учителя, великаго пророка русской революціи, Достоевскаго, отвѣтимъ, какъ будто противъ него, а на самомъ дѣлѣ за него.⁶

IV

Ставя вопросъ объ отношеніи самодержавія къ религіи, я говорю не объ исторической дѣйствительности, а о мистической возможности. Чѣмъ ближе къ своей вершинѣ, тѣмъ самодержавіе безбожнѣе; но чѣмъ глубже въ стихію народную,—тѣмъ религіознѣе. Только тамъ, въ подземныхъ глубинахъ этой стихіи, огненныхъ, но темныхъ, происходитъ смѣшеніе Христа съ Антихристомъ въ идеѣ самодержавія. «Православный царь-батюшка, красное солнышко»—сначала символъ, образъ, икона, потомъ одно изъ воплощеній Христа и, наконецъ, воплощеніе совершенное, единственное — самъ Христосъ Грядущій, новый «русскій Христосъ, міру невѣдомый». Человѣкъ становится иконою, икона—идоломъ, идолъ—Богомъ. Христіанство подмѣняется хлыстовствомъ, то-есть, непобѣжденнымъ, несознаннымъ, до-христіанскимъ язычествомъ. Неимовѣрныя апокалипсическія чаянія вдругъ на какой-то высшей точкѣ срываются и падаютъ въ бездну апокалипсическихъ ужасовъ. Тутъ въ живомъ сердцѣ народа величайшая истина сплетена съ величайшею ложью такими тонкими и крѣпкими нитями, что разсѣкая эти нити, легко ранить на смерть и самое сердце. Чтобы разсѣчь ихъ, нуженъ до послѣдней остроты заостренный на обѣ стороны, «обоюдоострый мечъ» сознанія.

Достоевскій вложилъ этотъ мечъ въ наши руки. Самъ онъ только и дѣлалъ всю жизнь, что выковывалъ и оттачивалъ его,

но не поднимать въ бою, потому ли, что не успѣлъ, или не наступилъ еще срокъ для послѣдняго боя. Во всякомъ случаѣ, одна черта отдѣляетъ сознание Достоевскаго отъ нашего религіознаго сознанія, отъ нашего религіознаго дѣйствія — борьбы съ Грядущимъ Звѣремъ подъ личиною Господа Грядущаго—въ апокалипсическихъ чаяніяхъ и ужасахъ русскаго народа о самодержавіи. Когда мы поднимаемъ для этой борьбы, не нами начатой, этотъ мечъ, не нами отточенный, когда произносимъ это слово разсѣкающее: самодержавіе отъ Антихриста,—мы говоримъ повторяю, какъ будто противъ Достоевскаго, а на самомъ дѣлѣ, за него; мы дѣлаемъ то, что онъ сдѣлалъ бы самъ, если бы довелъ до конца свое религіозное сознаніе.

Въ его послѣднемъ, величайшемъ и наиболѣе синтетическомъ произведеніи, въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», дана уже почти совершенная формула этого сознанія, уже сверкаетъ изъ подъ такой легкой дымки, что ее ничего не стоитъ снять, этотъ обоюдоострый мечъ, который нельзя направить въ борьбѣ иначе, какъ или за самодержавіе противъ Христа, или противъ самодержавія за Христа; уже почти вскрывается неразрѣшимое религіозное противорѣчіе между Церковью и Государствомъ, какъ между абсолютною истиною и абсолютною ложью, царствомъ Божьимъ и царствомъ діавола.

О смѣшеніи этихъ двухъ царствъ говоритъ недаромъ въ первыхъ же главахъ романа—въ прелюдіи къ симфоніи—никто другой, какъ Иванъ Карамазовъ, ученикъ Великаго Инквизитора, старцу Зосимѣ, ученику или учителю самого Достоевскаго.

«Смѣшеніе церкви и государства будетъ вѣчнымъ, несмотря на то, что оно невозможно, потому что ложь лежитъ въ самомъ основаніи дѣла... Церковь должна заключать сама въ себѣ все государство, а не занимать въ немъ лишь нѣкоторый уголь и если это теперь невозможно, то должно быть поставлено прямою и главнѣйшею цѣлью всего дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества... Въ древнія времена, христіанство являлось лишь церковью и было лишь церковью. Когда же римское языческое государство возжелало стать христіанскимъ, то оно лишь включило въ себя церковью, но само продолжало оставаться

государствомъ языческимъ... Христова же церковь, вступивъ въ государство, не могла уступить ничего изъ своихъ основъ, отъ того камня, на которомъ стояла она и могла лишь преслѣдовать свои цѣли, разъ твердо поставленныя и указанныя ей самимъ Господомъ: обратить весь мѣръ, а, стало быть, и все древнее языческое государство въ церковь. Такимъ образомъ не церковь должна искать себѣ мѣста въ государствѣ, а напротивъ, всякое земное государство должно бы впослѣдствіи обратиться въ церковь вполнѣ и стать ничѣмъ инымъ, какъ лишь церковью».

Ученый монахъ, о. Паисій, обостряетъ и доводитъ до конца эти мысли Ивана Карамазова

«Не церковь обращается въ государство. То Римъ и его мечта. То третье діаволово искушеніе. А, напротивъ, государство обращается въ церковь, восходитъ до церкви и становится церковью на всей землѣ,—что совершенно противоположно Риму... Церковь есть во-истину царство и опредѣлена царствовать, и въ концѣ своемъ должна явиться, какъ царство на всей землѣ несомнѣнно—на что имѣемъ обѣтованіе»...

Здѣсь, конечно, разумѣется обѣтованіе Апокалипсиса о «тысячелѣтнемъ царствѣ святыхъ на землѣ», на этой землѣ, и подъ этимъ небомъ, въ концѣ всемірной исторіи, но до конца міра: «Агнецъ содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему; и мы будемъ царствовать на землѣ» (Откровеніе V, 10). Тѣ, «которые не поклонились Звѣрю, — ожили и царствовали со Христомъ тысячу лѣтъ». Это — «станъ святыхъ и городъ возлюбленный» (XXI, 4—8).

И старецъ Зосима подтверждаетъ:

«Общество христіанское пребываетъ неизблемо въ ожиданіи своего полного преображенія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сіе и буди, буди, хотя бы и въ концѣ вѣковъ, ибо лишь сему предназначено совершиться».

Тутъ, съ такою ясностью, какъ еще никогда и нигдѣ, дано опредѣленіе теократическаго сознанія, опредѣленіе пока лишь отвлеченное: указана лишь цѣль, а не путь, воинствующая, а не торжествующая теократія, положительное, а не отрицательное

въ отношеніи челоѣчества къ Богочелоѣчеству. Но, при первой попыткѣ воплотить теократическое сознаніе въ дѣйствіе, обнаруживается и это отрицательное, враждебное; возникаетъ непримиримая борьба вслѣдствіе непримиримаго противорѣчія между Церковью и Государствомъ. Тутъ не можетъ быть никакихъ соглашеній, никакихъ компромиссовъ. И ежели Иванъ Карамазовъ допускаетъ «необходимый еще въ наше грѣшное и не завершившееся время компромиссъ», то старецъ Зосима возражаетъ: «церковь съ государствомъ сочетаться даже и въ компромиссъ временный не можетъ. Тутъ нельзя уже въ сдѣлки вступать». Это безусловное отрицаніе компромиссовъ и есть собственно первая точка новаго теократическаго сознанія, точка, въ которой оно отличается отъ старой общественной безсознательности всего историческаго христіанства, съ его невольными и неизбѣжными допущеніями всевозможныхъ компромиссовъ, не только временныхъ, но и вѣчныхъ между государствомъ и церковью. Только эту непримиримость мечъ Христовъ и заостряется до послѣдней остроты для послѣдней битвы со Звѣремъ.

Но для того, чтобы избѣгнуть опаснѣйшихъ недоразумѣній, слѣдуетъ строго различать понятіе «государство» отъ понятія «общество».

Общество есть первоначальная стихія челоѣческаго, только челоѣческаго, которое, достигнувъ своего завершенія въ полнотѣ религіознаго сознанія, избираетъ неминуемо одинъ изъ двухъ путей: или черезъ церковь къ Богочелоѣчеству, или черезъ государство къ Челоѣкобожеству. И разъ одинъ изъ этихъ двухъ путей избранъ, возврата нѣтъ, и каждый путь долженъ быть пройденъ до конца. Общество есть та земля, на которой растетъ всякое посѣянное сѣмя, или плевелы вражды, или пшеница Божья. Но разъ выросли плевелы, они уже не могутъ стать пшеницею; разъ выросло государство, оно уже не можетъ стать церковью. Впрочемъ, плевелы и пшеница растутъ вмѣстѣ до послѣдней жатвы, когда серпъ отдѣлитъ посѣянное Богомъ отъ посѣяннаго діаволомъ. Заостреніе этого серпа и есть теократическое сознаніе. Государство не можетъ

стать церковью уже потому, что оно само церковь, но церковь противоположнаго Христа — Антихриста. Борьба между Государством и Церковью — борьба на жизнь и смерть. Всею, чему государство говорит абсолютное да, церковь говорит абсолютное нѣтъ. У Достоевскаго, вслѣдствіе недостаточно строгаго различія общества отъ государства, человѣчества отъ Человѣкобожества, происходитъ и смѣшеніе государства съ церковью.

Какъ невозможенъ переходъ абсолютной лжи въ абсолютную истину, діавола — въ Бога, такъ невозможенъ и переходъ государства въ церковь. Возможенъ только переходъ общества въ церковь, и этотъ переходъ, естественная эволюція дѣйствительно совершается во всемірно-историческомъ процессѣ. Конецъ всемірно-историческаго процесса опредѣляется началомъ теократическаго сознанія, которое вскрываетъ неразрѣшимое противорѣчіе между Государствомъ и Церковью. И только что противорѣчіе вскрыто, постепенный переходъ становится внезапнымъ переворотомъ, исторія — Апокалипсисомъ, эволюція — революціей, самою разрушительною и убійственною для государства изъ всѣхъ революцій. Ибо всѣ политическія революціи отрицаютъ старый государственный порядокъ во имя новаго, лучшаго, то-есть, повидимому отрицая, на самомъ дѣлѣ, утверждаютъ идею государственной власти, какъ абсолютную; у политическихъ революцій нѣтъ ни рычага, ни точки опоры для ниспроверженія этой идеи; и если бы даже была возможность ее ниспровергнуть, то имъ нечѣмъ ее замѣнить. У революціи религіозной есть этотъ рычагъ и эта точка опоры въ идеѣ любви, какъ власти, въ идеѣ церкви, какъ царства. Религіозная революція — предѣльная и окончательная, ниспровергающая всякую человѣческую власть, всякое государство въ его послѣднихъ, метафизическихъ основаніяхъ.

Это тотъ малый камень, пущенный изъ пращи Божьей, который разбиваетъ въ прахъ глиняныя ноги Истукана, въ видѣніи пророка Даніила. Это та малая искра, которая взрываетъ пороховой погребъ, такъ что не остается камня на камнѣ. «Огонь пришелъ Я низвести на землю и какъ томлюсь, чтобъ онъ возгорѣлся». Будучи внутри себя величайшимъ порядкомъ,

властью, стройностью, теократія кажется извнѣ — величайшимъ бунтомъ, возмущеніемъ, анархіей.

Одинъ изъ слушателей бесѣды старца Зосимы съ Иваномъ Карамазовымъ, русскій атеистъ и либераль, вспоминаетъ слова, сказанныя ему въ Парижѣ, вскорѣ послѣ Декабрьской революціи, однимъ французомъ, очень вліятельнымъ лицомъ, «не то что сыщикомъ, а въ родѣ управляющаго цѣлою командою политическихъ сыщиковъ»:

«Мы собственно этихъ всѣхъ социалистовъ-анархистовъ, безбожниковъ, и революціонеровъ, не очень-то и опасаемся; мы за ними слѣдимъ и ходы ихъ намъ извѣстны. Но есть изъ нихъ, хотя и немного, нѣсколько особенныхъ людей: это въ Бога вѣрующіе и христіане, а въ то же время и социалисты. Вотъ этихъ-то мы больше всѣхъ опасаемся, это страшный народъ. Социалистъ-христіанинъ страшнѣе социалиста-безбожника». Слова эти и тогда меня поразили, но теперь у васъ, господа, они мнѣ какъ-то вдругъ припомнились...»

«То есть, вы ихъ прикладываете къ намъ и въ насъ видите социалистовъ?—прямо и безъ обиняковъ спросилъ отецъ Паисій».

Вопросъ остался безъ отвѣта, а между тѣмъ это самый важный, все рѣшающій вопросъ для религіозно-общественныхъ идей Достоевскаго. Отвѣтъ, впрочемъ, для насъ теперь уже ясенъ: конечно, старецъ Зосима, отецъ Паисій, Иванъ Карамазовъ и самъ Достоевскій, съ точки зрѣнія не только французскихъ и русскихъ сыщиковъ, но и тѣхъ, кого эти сыщики преслѣдуютъ — опаснѣйшіе бунтовщики, революціонеры и анархисты. Красныя знамена политическихъ возстаній блѣднѣютъ передъ этимъ невиданнымъ ультра-пурпуровымъ цвѣтомъ религіозной революціи. Внутри, для вошедшихъ въ теократію—безконечная надежда, утѣшеніе, успокоеніе, а извнѣ—безконечный терроръ, тотъ страхъ, о которомъ сказано: «люди будутъ издыхать отъ страха». Внутри—тишина, а извнѣ—буря. Внутри — послѣднее утвержденіе человѣческаго порядка въ порядкѣ Божескомъ, а извнѣ—самая анархическая изъ всѣхъ анархій. Разсказываютъ, будто бы иногда надъ воронкой черного крутящагося смерча появляется малое круглое отверстіе голубого неба: теократія —

голубое небо надъ смерчемъ всеокрушающей религиозной революціи.)

Такова послѣдняя сущность общественныхъ идей Достоевскаго, которую проглядѣли одинаково, какъ русскіе реакціонеры, такъ и русскіе революціонеры, да и самъ онъ, если не проглядѣлъ, то не хотѣлъ видѣть, боялся увидѣть. По крайней мѣрѣ, сдѣлалъ все, чтобы скрыть отъ другихъ и отъ себя это слишкомъ язвительное жало, притупить это слишкомъ острое острие.

Вотъ одно изъ такихъ преступленій: Иванъ Карамазовъ, съ лукавствомъ достойнымъ Великаго Инквизитора, утверждаетъ, будто бы переходъ государства въ перковь «ничѣмъ не унижить государства, не отниметь ни чести, ни славы его, какъ великаго государства, ни славы властителей его». Это значитъ: волки будутъ сыты и овцы цѣлы. Это и есть поклоненіе Христа Князю міра сего за славу земныхъ царствъ, та удочка діавола, на которую попало все историческое христіанство.

«Паль, палъ Вавилонъ, великая блудница, сдѣлался жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякой нечистой и отвратительной птицѣ, ибо яростнымъ виномъ блудодѣянія своего она напоила всѣ народы. Зато въ одинъ день придутъ на нее казни, смерть и плачь, и голодь, и будетъ сожжена огнемъ, потому что силенъ Господь Богъ судящій ее. И восплачутъ, и возрыдаютъ о ней цари земные, блудодѣйствовавшіе и роскошествовавшіе съ нею, когда увидятъ дымъ отъ пожара ея, стоя издали отъ страха мученій ея и говоря: горе, горе тебѣ, великій городъ, Вавилонъ, городъ крѣпкій, ибо въ одинъ часъ пришелъ судъ твой. И сильный Ангелъ взялъ камень, подобный большому жернову и повергъ въ море, говоря: съ такимъ стремленіемъ поверженъ будетъ Вавилонъ, великій городъ, и уже не будетъ его». Таково окончательное пораженіе, предсказанное Государству въ послѣдней борьбѣ его съ Церковью. Революціонеры, вѣрующіе въ это предсказаніе, конечно, опаснѣе, революціоннѣе, чѣмъ невѣрующіе.

Всѣ ошибки Достоевскаго происходятъ отъ того, что онъ вовсе не опредѣляетъ силы сопротивленія, которое Го-

сударство оказываетъ церкви. Эта сила сопротивленія равна всей жизненной силѣ Государства: жизнь Церкви — смерть Государства, жизнь Государства — смерть Церкви.

«Повѣрите, что мы не только абсолютнаго, но болѣе или менѣе даже законченнаго государства еще не видѣли. Все эмбрионы». Эти загадочныя слова изъ предсмертнаго дневника Достоевскаго указываютъ на какой-то глубокой и скрытый ходъ мысли. Ежели «эмбрионамъ» отдѣльныхъ историческихъ государствъ суждено развиваться въ единое Государство будущаго, «законченное и абсолютное», то не есть ли оно предсказанный въ Апокалипсисѣ, «Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ» — та всемірная монархія, ложная теократія, царство, какъ церковь, съ которою смѣшивается иногда у Достоевскаго теократія истинная, церковь, какъ царство.

Тогда же, когда осуществится, какъ историческая реальность, при концѣ всемірной исторіи, но до конца міра, это «абсолютное государство», осуществится и «абсолютная церковь», абсолютная, религіозная общественность, тоже, какъ историческая реальность, какъ царство на землѣ, «городъ возлюбленный», «станъ святыхъ». И между этими двумя царствами, опять-таки здѣсь же, на землѣ, при концѣ всемірной исторіи, но до конца міра, произойдетъ послѣдняя борьба.

«Антихристъ придетъ и станетъ на безначаліи», въ томъ же предсмертномъ дневникѣ своемъ говоритъ Достоевскій. Это не совсѣмъ точно. Антихристъ придетъ, выйдетъ изъ «безначалія», анархіи, но станетъ не на безначаліи, а на единоначаліи, единодержавіи, самодержавіи. Антихристъ будетъ послѣдній и величайшій самодержецъ, самозванецъ Христа. И въ этомъ смыслѣ всѣ историческія самодержавія, всѣ историческія государства только зародыши, «эмбрионы» апокалипсическаго государства, самодержавія Антихриста.

Антихристъ — самозванецъ, ложный царь, ибо единый истинный царь — Христосъ. Въ послѣдней борьбѣ Государства съ церковью и произойдетъ та борьба ложнаго Царя съ Истиннымъ, Звѣря съ Агнцемъ, о которой сказано: «они (самодержцы, слуги Антихриста) передадутъ силу и власть свою Звѣрю. Они

будутъ вести брань съ Агнцемъ, и Агнецъ побѣдитъ ихъ, ибо Онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей».

Или теократическое сознание еще не рождалось, и тогда тщетно «буди, буди» старца Зосимы и Достоевскаго: будетъ то, что было,—безъисходное смѣшеніе церкви съ государствомъ. Или же это сознание уже родилось, и тогда въ немъ начинается послѣдняя брань Агнца со Звѣремъ. И остріе меча Христова, поднятаго для этой брани, есть первое пророческое слово великой русской религіозной революціи, слово, недаромъ идущее именно отъ насъ, учениковъ Достоевскаго: государство — отъ Антихриста.

Какъ могъ Достоевскій не произнести этого слова, какъ могъ онъ скрыть свою величайшую истину величайшею ложью, свою религіозную революцію — политическою реакціею, лицо святого мятежника, старца Зосимы,—личиной проклятаго насильника, Великаго Инквизитора; какъ могъ онъ принять царство діавола, за царство Божіе!

Церковь какъ царство—это «есть великое предназначеніе православія», такъ отецъ Паисій сводитъ къ исторической реальности апокалипсическое «буди, буди» своего учителя.

Вотъ главное заблужденіе Достоевскаго, источникъ неодолимаго страха, который заставлялъ его скрывать новое лицо свое подъ ветхою личиною, вливать новое вино свое въ мѣхи ветхіе. Онъ думалъ или хотѣлъ думать, что его религія—православіе. Но истинная религія его, если еще не въ сознаниі, то въ глубочайшихъ безсознательныхъ переживаніяхъ, вовсе не православіе, не историческое христіанство, ни даже христіанство вообще, а то, что за христіанствомъ, за Новымъ Завѣтомъ,—Апокалипсисъ.

Неразрѣшимое противорѣчіе земного и небснаго, плотскаго и духовнаго, Отчаго и Сыновняго—таковъ предѣлъ христіанства, только христіанства. Окончательное разрѣшеніе этого противорѣчія, послѣднее соединеніе Отца и Сына въ Духъ — таковъ предѣлъ Апокалипсиса. Откровеніе Св. Духа—святая плоть, святая земля, святая общественность — теократія, церковь, какъ царство не только небесное, но и земное, испол-

неніе апокалипсическаго чаянія: мы будемъ царствовать на землѣ,—связаннаго съ чаяніемъ евангельскимъ: да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ.

Я не буду повторять здѣсь того, что говорилъ о святой плоти много разъ, можетъ быть, смутно и преждевременно, но всегда съ надеждою, что сказанное мною принадлежитъ не мнѣ одному, а намъ всѣмъ, идущимъ къ церкви Іоанновой и больше всего, первому изъ насъ, Достоевскому. Напомню только нѣкоторыя точки соприкосновенія нашего съ нимъ.

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней Матерью-Землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ.

Въ этой затверженной Дмитріемъ Карамазовымъ гѣснѣ Елевзинскихъ тайнствъ слышится тоска всего язычества, всего человечества, отъ Эллинства до Возрожденія, отъ Возрожденія до современной Европы, о святой землѣ, святой плоти. «Богородица что есть, какъ мнишь?»—спрашиваетъ кто то въ «Бѣсахъ» одну странницу, посланную въ монастырь на покаяніе: «Богородица есть Великая Мать, сыра-земля», отвѣчаетъ странница. Древняя мать сыра-земля, Великая Мать Елевзинскихъ тайнствъ есть въ то же время «новая земля» подъ новымъ небомъ, о которой сказано въ Апокалипсисѣ «и увидѣлъ я новое небо и новую землю». Тутъ незапамятно—древнее, прошлое сливается съ будущимъ, утренняя заря міра съ вечернею, Книга Бытія съ Апокалипсисомъ. «Братья мои, оставайтесь вѣрными землѣ». «bleibt mir der Erde treu», эту заповѣдь Ничше, который самъ не зналъ, кого проповѣдывалъ въ образѣ «Діониса Распятаго» повторяетъ и старецъ Зосимъ. «Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои. Изступленія же сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, великій и немногимъ дается, а избраннымъ». «Не люби земного, люби небесное»,—таковъ завѣтъ христіанства, только христіанства. «Люби земное въ небесномъ, люби небесное въ земномъ»,—таковъ завѣтъ религіи Св. Духа—

Св. Плоти. И послѣ видѣнія Каны Галилейской, новаго брачнаго пиршества, гдѣ «премудрый Архитриклинь воду въ вино превращаетъ, въ вино радости новой», — Алеша исполнилъ завѣтъ старца Зосимы: «повергся на землю; не зналъ, для чего обнищаетъ ее, не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю; но онъ цѣловалъ ее, плача, рыдая и обливая своими слезами и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ... Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ».

Бойцомъ для какого боя? Не для начинающагося ли великаго боя Государства съ Церковью, не для великой ли русской и всемирной религіозной революціи?

Христіанство есть по преимуществу откровеніе единой личности Богочеловѣческой; вотъ почему подлинная святость христіанская есть по преимуществу святость личная, внутренняя, уединенная, безъобщественная; и вотъ почему такъ бесплодны всѣ попытки включить въ христіанство общественность, которая есть начало множественности, по существу своему, если не противорѣчивое, то противоположное началу единства, началу личности. Не въ христіанство, а только въ религію Троицы, Всѣхъ Трехъ—Божеской Множественности, открывающейся въ Божескомъ Единствѣ — включается и человѣческая множественность, совокупность личностей, святая общественность; только въ религію Святой Земли естественно включается и всемирное соединеніе и устроеніе людей на землѣ, церковь, какъ царство. Въ христіанствѣ церковь есть царство небесное—безземное, духовное—безплотное; въ религіи Св. Духа церковь есть царство небесно-земное, духовно-плотское, не только невидимо, мистически, но и видимо, исторически реальное. Это—исполненіе Третьяго Завѣта, воплощеніе Третьей Ипостаси Божеской. Ибо, точно также какъ Первая Ипостась Отчая воплотилась въ мірѣ природномъ, дочеловѣческомъ, въ космосѣ, и Вторая Сыновняя—въ Богочеловѣчѣ, Третья Ипостась Духа воплотится въ Богочеловѣчествѣ.

Вотъ что значить для насъ это пророчество Достоевскаго: «Церковь есть во истину царство и опредѣлена царствовать и въ концѣ своемъ должна явиться, какъ царство, на всей землѣ».

Мы ничего не прибавляемъ отъ себя къ этому пророчеству, мы только завершаемъ его, доводимъ до степени нашего религиознаго сознанія и повторяемъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ, первымъ пророкомъ Св. Духа, Св. Плоти: «Сіе и буди, буди.»

Таково лицо и такова личина его; лицо противоположно личинѣ. Личина—православіе, самодержавіе, народность; лицо—преодолѣніе народности—во всечеловѣчности, преодолѣніе самодержавія—въ теократіи, преодолѣніе православія—въ религіи Св. Духа.

Иногда кажется, что такая же, какъ у Достоевскаго, противоположность лица личинѣ существуетъ и у всей Россіи и что русская революція есть ничто иное, какъ срываніе личины съ лица. Объ этомъ неоткрывшемся лицѣ, объ этой неродившейся идеѣ говорить и Достоевскій: «Будущая самостоятельная русская идея у насъ еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и въ страшныхъ мукахъ готовится родить ее». Если бы эта идея заключалась въ православіи, самодержавіи, народности, то ей бы и родиться нечего. Но переживаемыя нами муки революціи, дѣйствительно похожи на страшныя муки какихъ-то родовъ, кажется, не только русскихъ, но и всемірныхъ; не одна Россія, но и вся Европа, вся земля «Великая Мать сыра земля» въ наши дни точно такъ же, какъ во дни Рождества Христова, «чревата ужасно», ужасно беременна. И можетъ быть, недаромъ первый приступъ рождающихъ болѣй происходитъ именно въ Россіи. Достоевскій думалъ, что всемірная революція, которой онъ ждалъ, которую звалъ,—начнется въ Европѣ и окончится въ Россіи. «Соціалисты, — говоритъ онъ,—бросятся на Европу, и все старое рухнетъ. Волна разобьется лишь о нашъ берегъ». Происходитъ обратное: волна поднялась отъ нашего берега, и еще неизвѣстно, разобьется ли объ Европу или Европу разобьетъ.

Ежели мѣра народа—государственность, то можно бы отчаяться въ Россіи: она всегда выказывала и теперь больше чѣмъ когда-либо, поразительную бездарность въ творчествѣ государственныхъ формъ. Послѣ тысячелѣтнихъ усилій создать что-нибудь похожее на политическое тѣло, создала, вмѣсто тѣла, приз-

ракъ, чудовищную химеру, и чтобы ей очнуться отъ этого бреда, нужны почти предсмертныя судороги. Вѣдь казалось же и Достоевскому, что весь самодержавный, «петербургскій періодъ русской исторіи вотъ-вотъ поднимется вмѣстѣ съ петербургскимъ туманомъ и разлетится какъ сонъ». Абсолютная монархія—застывшій терроръ, обледѣвшая анархія; и русская революція слишкомъ часто—только «русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный», по слову Пушкина,—таже анархія.

Но, можетъ быть, въ этомъ нашемъ послѣднемъ отчаяніи о государствѣ Россійскомъ—наша первая надежда на русскій народъ. Не потому ли этотъ народъ по преимуществу безгосударственный, анархическій, что онъ по преимуществу религіозно-общественный, теократическій? Не потому ли оказался онъ такимъ бездарнымъ въ творествѣ государственномъ, что истинное призваніе его—создать не мертвый механизмъ государства, этого «Автомата», «Искусственнаго Человѣка», Homo Artificialis, по выраженію Гоббса,—а живое тѣло Церкви, Богочеловѣчества? И въ неутолимой тоскѣ русскаго народа о грядущемъ царѣ-Мессіи, соединителѣ правды земной съ правдой небесной, не заключается ли, хотя и безсознательное и уродливо искаженное историческою дѣйствительностью, но, въ идеальномъ существѣ своемъ, подлинное теократическое чаяніе?

Доннынѣ, во всемірной исторіи, ни одинъ великій народъ не жилъ безъ государства: доннынѣ быть въ исторіи значитъ быть въ государствѣ. Всѣ попытки выйти изъ государственности кончались или тѣмъ, что народъ погибалъ, порабошался другими, болѣе государственно крѣпкими народами, или черезъ революцію переходилъ отъ одного менѣе къ другому болѣе совершенному, болѣе государственному государству.

Подвергнется ли Россія этой общей исторической участи народовъ: найдетъ ли, наконецъ, свою государственность въ своей революціи или погибнетъ отъ своей анархіи, умретъ въ «страшныхъ мукахъ родовъ»?

Во всякомъ случаѣ, наша безконечная религіозная надежда—только въ нашемъ безконечномъ политическомъ отчаяніи: только тамъ, гдѣ кончается абсолютная государственность, начинается

абсолютная религіозная общественность. Мы надѣмся не на государственное благополучіе и долгоденствіе, а на величайшія бѣдствія, можетъ-быть, гибель Россіи, какъ самостоятельнаго политическаго тѣла и на ея воскресеніе, какъ члена вселенской Церкви, Теократіи. «Если сѣмя не умретъ, то не оживетъ», это истина какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлыхъ обществъ, цѣлыхъ народовъ.

Одно изъ двухъ: или Апокалипсисъ — ничто, и тогда все христіанство — ничто. Или за историческою дѣйствительностью есть иная, высшая, не менѣе, а болѣе реальная дѣйствительность апокалипсическая. За государственностью есть иная, высшая и опять таки не менѣе, а болѣе реальная общественность теократическая. И выйти изъ исторіи, изъ государственности еще не значитъ погибнуть, перейти въ ничтожество, а можетъ-быть, значитъ перейти изъ одного бытія въ другое, изъ низшаго измѣренія въ высшее, изъ плоскости исторической въ глубину апокалипсическую.

Мы и надѣмся, что русская революція, сдѣлавшись религіозною, будетъ началомъ этого выхода.

Только въ подвигѣ вольнаго страданія («надо страданіе принять»), завѣтъ самого Достоевскаго), вольной смерти политической для воскресенія теократическаго можетъ заключаться то «всеслуженіе человѣчеству», въ которомъ видѣлъ Достоевскій призваніе Россіи; въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ русскій народъ можетъ сдѣлаться «народомъ—богоносцемъ».

«Сіе и буди, буди».

А если это будетъ, то, несмотря на всѣ свои заблужденія, Достоевскій окажется все-таки истинный пророкъ.

И здѣсь, на этой грозно-торжественной тризнѣ, уготованной ему самой исторіей, не нашъ слабый голось, а голоса «Великой Русской Революціи», голоса громовъ человѣческихъ, въ которыхъ уже слышатся грома Господни, да спюютъ ему вѣчную славу.

Д. Мережковскій.

СФИНКСЪ БЕЗЪ ЗАГАДКИ.

ОФОРТЪ ОСКАРА УАЙЛЬДА.

Какъ-то днемъ, я сидѣлъ передъ Café de la Paix, глядѣлъ на потертый блескъ парижской жизни и дивился той причудливой панорамѣ роскоши и нищеты, которая развѣтывалась передо мной. Вдругъ услыхалъ я, что кто-то громко произнесъ мое имя. Я обернулся и увидалъ лорда Мёрчисона. Мы не видались почти десять лѣтъ, со дней проведенныхъ вмѣстѣ въ коллѣджѣ, такъ что я искренно обрадовался, увидавъ его снова, и мы сердечно поздоровались. Въ Оксфордѣ мы съ нимъ были большими друзьями. Я его очень любилъ—онъ былъ такъ красивъ собой, такого веселаго нрава, такъ благороденъ. Мы всегда говорили, что онъ былъ бы милѣйшимъ человѣкомъ, если бъ только не было у него страсти всегда говорить правду. Впрочемъ, думаю, это только усиливало наше благоговѣнне передъ нимъ. Теперь я нашелъ его значительно измѣнившимся. Онъ казался озабоченнымъ, смущеннымъ, словно въ чемъ-то неувѣреннымъ. Это не могло быть отъ современнаго скептицизма, такъ какъ Мёрчисонъ былъ «тори» до мозга костей, и такъ же свято вѣрилъ въ Пятикнижје, какъ и въ Палату Пэровъ. Поэтому рѣшилъ я, что тутъ причиной женщина, и спросилъ: не женатъ-ли онъ?

— «Я недостаточно постигъ женщинъ», отвѣтилъ онъ.

— Но, дорогой Джеральдъ,—сказалъ я,—женщины созданы для того только, чтобы ихъ любить, а не постигать.

Тео ванъ-Риссельбергъ. „Зима“. (Изъ книги E. Verhaeren. Almanach).

— «Я не могу любить тамъ, гдѣ не могу довѣрять»,—возразилъ онъ.

— Кажется, вы что-то уже испытали въ этой области, Джеральдъ. Расскажите же мнѣ въ чемъ дѣло.

— «Проѣдемся куда нибудь, — сказала Мёрчисонъ, — здѣсь слишкомъ много людей. Нѣтъ, только не желтую коляску, какого угодно цвѣта, только не желтую. Вотъ — возьмемъ темно-зеленую».

И нѣсколько минутъ спустя мы катили бульваромъ по направленію къ Мадленъ.

— Куда мы поѣдемъ?—спросилъ я.

— «Куда хотите. По моему—въ Restaurant des Bois; мы тамъ можемъ пообѣдать и вы расскажете мнѣ свою жизнь».

— Я сперва хотѣлъ бы узнать вашу, — сказалъ я. — Расскажите же вашу таинственную повѣсть.

Онъ досталъ изъ кармана небольшой кожаный бумажникъ, отдѣланный серебромъ, и протянулъ его мнѣ. Я раскрылъ его. Въ немъ была фотографія женщины: красивая откинута назадъ головка, кажущаяся особенно-прекрасной благодаря большимъ неопредѣленнымъ глазамъ и распушеннымъ волосамъ. Она имѣла видъ ясновидящей и была одѣта въ дорогіе мѣха.

— «Что вы скажете объ этомъ лицѣ? Кажется ли оно вамъ искреннымъ?»

Я внимательно его разсматривалъ. Оно показалось мнѣ лицомъ человѣка, хранящаго какую-то тайну; хорошую или дурную—сказать я не могъ. Красота его была красотой словно сотканной изъ многихъ тайнъ, красотой внутренней, а не тѣлесной; а мимолетная улыбка на устахъ казалась слишкомъ тонкой, чтобы быть дѣйствительно ласкающей и нѣжной.

— «Ну, что вы скажете?»

— Это—Джоконда въ соболяхъ,—отвѣтилъ я,—расскажите же, что вы о ней знаете.

— «Не теперь, послѣ обѣда»,—и онъ заговорилъ о другомъ.

Какъ только слуга принесъ кофе и папиросы, я напомнилъ Джеральду его обѣщаніе. Онъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, потомъ опустился въ кресло и рассказалъ мнѣ слѣдующее:

«Однажды подъ вечеръ, часовъ въ пять, шелъ я по Бондъ-Стриту. Была страшная сумятица экипажей и людей, такъ что еле можно было пробиваться впередъ. Около самаго тротуара стояла маленькая желтая двумѣстная коляска, привлекающая, не помню почему, мое вниманіе. Когда я съ ней поравнялся, взглянуло изъ нея личико, которое я вамъ только что показалъ. Оно меня тотчасъ же обворожило. Всю ночь и весь слѣдующій день не переставалъ я объ немъ думать. Я бродилъ вверхъ и внизъ по проклятой улицѣ, заглядывалъ въ каждый проѣзжающій экипажъ, и все ждалъ желтую двумѣстную коляску. Но увидать вновь прекрасную незнакомку мнѣ не удалось, и, въ концѣ концовъ, я рѣшилъ, что она просто-напросто мнѣ приснилась.

Недѣлю спустя я обѣдалъ у мадамъ де-Ростэль. Обѣдъ былъ назначенъ въ восемь часовъ, но въ половинѣ девятого мы все еще ждали кого-то въ гостиной. Наконецъ слуга доложилъ: лэди Алрой. Это была та дама, которую я такъ тщетно разыскивалъ. Она медленно вошла въ гостиную и была подобна лунному лучу на сѣдыхъ вершинахъ. Къ моей великой радости мнѣ пришлось вести ее къ столу. Какъ только мы сѣли, я замѣтилъ ей, безо всякой задней мысли: «Мнѣ кажется, лэди Алрой, я васъ какъ-то мелькомъ видѣлъ въ Бондъ-Стритѣ.» Она вся поблѣднѣла и тихо сказала: «Ради Бога, не говорите такъ громко, насъ могутъ подслушать.» Мой неудачный дебютъ немало смутилъ меня, и я отважно пустился въ пространное разсужденіе о французскомъ остроуміи. Она говорила очень мало, все тѣмъ же мягкимъ музыкальнымъ голосомъ, и какъ будто все безпокоилась, не подслушиваетъ ли кто-нибудь. Я тутъ же въ нее влюбился, страстно, безумно, а неопредѣленная атмосфера загадочности, которая ее окружала, лишь сильнѣе разжигала мое любопытство. При прощаніи — она вскорѣ по окончаніи обѣда ушла—я спросилъ у нея разрѣшенія посѣтить ее. Она на мгновенье заколебалась, оглянулась нѣтъ ли по близости кого-нибудь, и затѣмъ сказала:

— Пожалуйста; завтра въ безъ четверти пять.

Я попросилъ мадамъ де-Ростэль разсказать мнѣ о ней все,

что она знаетъ, но я добился только того, что она—вдова и владѣеть хорошенькимъ домикомъ въ Паркъ-Лэйнѣ. Когда-же всевѣдущій болтунъ сталъ защищать диссертацию на тему о вдовахъ, какъ наиболѣе приспособленныхъ, по пережитому опыту, къ брачной жизни,—я всталъ и распрощался.

На слѣдующій день я былъ, аккуратно въ назначенный часъ, въ Паркъ-Лэйнѣ, но мнѣ сказали, что лэди Алрой вышла. Разстроенный, не зная что думать, я направился въ клубъ и, послѣ долгихъ размышленій, написалъ ей письмо съ просьбой, позволить мнѣ попытать счастье въ другой разъ. Прошло дня два, и я получилъ нѣсколько строкъ съ извѣщеніемъ, что она будетъ дома въ воскресенье въ четыре часа, и слѣдующій необычайный, неожиданный постскриптумъ: «Пожалуйста больше не пишите мнѣ; при свиданіи объясню Вамъ причины». Въ воскресенье она меня приняла и была очаровательна, но когда я прощался, она попросила меня, еслибъ мнѣ пришлось ей что-нибудь написать, адресовать свои письма такъ: М-съ Ноксъ, почтовый ящикъ книжной торговли Уайтэкера, Гринъ-Стритъ. «Есть причины, по которымъ я не могу получать письма у себя дома».

Я сталъ бывать у нея довольно часто, но никогда не покидала она этой атмосферы загадочности. Иногда приходило мнѣ въ голову, что она во власти какого-нибудь мужчины, но она казалась столь неприступной, что эту мысль нельзя было не отбросить. Да и трудно было мнѣ прійти къ какому-нибудь определенному выводу или рѣшенію, такъ какъ лэди Алрой была похожа на одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ кристалловъ, которые можно видѣть въ музеяхъ и которые то прозрачны, то, черезъ мгновенье, совсѣмъ мутны. Наконецъ я рѣшился сдѣлать ей предложеніе; я окончательно измучился, усталъ отъ этой безпрестанной таинственности, которую она требовала отъ всѣхъ моихъ посѣщеній и отъ тѣхъ двухъ-трехъ писемъ, которыя я рѣшился послать ей. Я написалъ ей въ книжный магазинъ, прося принять меня въ слѣдующій понедѣльникъ въ шесть. Она согласилась, и я былъ на седьмомъ небѣ. Я былъ просто ослѣпленъ ею, несмотря на всю загадочность, окружавшую ее (какъ я тогда думалъ), или именно вслѣдствіе этой загадочности, (какъ я ду-

маю теперъ). Впрочемъ, нѣтъ!.. Я любилъ въ ней женщину, только женщину. Загадочное, таинственное раздражало меня, сводило меня съ ума. Ахъ! зачѣмъ случай натолкнулъ меня на слѣды!»

— Такъ вы открыли тайну?—спросилъ я.

— «Боюсь, что—да. Но рѣшайте сами. Наступилъ понедѣльникъ. Я позавтракалъ у дяди и въ четыре часа былъ на Мэрайльбонъ-Роодъ. Дядя, какъ вы знаете, живетъ у Риджентсъ-Парка. Мнѣ надо было къ Пикадилли и, чтобы сократить путь, я пошелъ рядомъ грязныхъ переулковъ. Вдругъ я увидѣлъ передъ собой лэди Алрой, въ густой вуали, идущей очень быстро. У послѣдняго дома въ переулкѣ она остановилась, поднялась на пару ступенекъ, у двери достала ключъ, отперла и вошла. «Вотъ гдѣ тайна», сказалъ я себѣ, и осмотрѣлъ снаружи домъ. Онъ походилъ на одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ сдаются комнаты. На подъѣздѣ лежалъ платокъ, оброненный ею. Я поднялъ его и спряталъ въ карманъ. Затѣмъ сталъ раздумывать: что предпринять? Я пришелъ къ выводу, что не имѣю никакого права ее выслѣживать и отправился въ клубъ.

Въ шесть часовъ я былъ у нея. Она лежала на кушеткѣ, въ капотѣ изъ серебряной парчи, застегнутомъ парой чудныхъ лунныхъ камней, которые она всегда носила. Она была плѣнительна. «Я такъ рада, что вы пришли», сказала она, «я цѣлый день не выходила никуда». Пораженный, я уставился на нее въ упоръ, досталъ изъ кармана платокъ и протянулъ его ей. «Вы это сегодня потеряли на Кемноръ-Стритѣ, лэди Алрой» — сказалъ я совсѣмъ спокойно. Она посмотрѣла на меня въ ужасѣ, но платка не взяла. «Что вы тамъ дѣлали?» — спросилъ я. — «Какое имѣете вы право меня объ этомъ спрашивать?»—«Право человека, который васъ любитъ; я сегодня пришелъ просить вашей руки!» Она закрыла лицо руками и разразилась слезами. «Вы мнѣ должны сказать все!» настаивалъ я. Она встала, посмотрѣла мнѣ въ лицо и сказала: «Мнѣ нечего сказать вамъ, лордъ Мёрчисонъ.»—«Вы съ кѣмъ-то видѣлись тамъ, вотъ гдѣ ваша тайна!» Она поблѣднѣла. «Я ни съ кѣмъ не видѣлась тамъ.»—«Скажите же мнѣ правду!» молилъ я.—«Я вамъ ее сказала!» Я

былъ внѣ себя, я сходилъ съ ума. Не помню, что я ей тогда наговорилъ; должно быть что-то ужасное. Наконецъ я бѣжалъ изъ ея дома. На слѣдующее утро я получилъ отъ нея письмо, но вернулъ его нераспечатаннымъ и въ тотъ же день уѣхалъ въ Норвегію съ Алленъ Колвилемъ. Когда же, мѣсяць спустя, я вернулся, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ «Морнингъ-Постъ», было объявленіе о смерти лэди Алрой. Она простудилась въ театрѣ и дней черезъ пять умерла отъ воспаления легкихъ. Я удалился изъ свѣта. Какъ безумно я ее любилъ! Господи, какъ я любилъ эту женщину!»

— А вы не были на той улицѣ, въ томъ домѣ? — спросилъ я.

— «Какъ-же. Я отправился вскорѣ на Кёмноръ - Стритъ. Я не могъ не пойти: меня мучили сомнѣнія. Я постучался, и крайне приличная на видъ, пожилая особа отперла мнѣ. Я спросилъ, не сдаются-ли у нея комнаты. «Да, — отвѣтила она, — вотъ передняя комната сдается. Уже три мѣсяца какъ дама, снимавшая ее, не является». — «Не она ли это?» — спросилъ я и показалъ ей карточку лэди Алрой. — «Она самая. Когда же она придетъ?» — «Дама эта умерла», отвѣтилъ я. — «Не можетъ быть!» вскричала старуха. «Она была моей лучшей съемщицей. Она платила цѣлыхъ три гиней въ недѣлю только за то, чтобы изрѣдка приходитъ и посидѣть въ комнатѣ.» — «Она здѣсь встрѣчалась съ кѣмъ нибудь?» спросилъ я. Но старуха стала увѣрять меня, что лэди всегда бывала одна, и никто не приходилъ къ ней «Но что же она тутъ дѣлала?» воскликнулъ я. — «Просто сидѣла въ комнатѣ, читала книжки, иногда пила здѣсь чай». — Я не зналъ, что на это отвѣтить, далъ старухѣ золотой и ушелъ. А теперь, что вы объ этомъ скажете? Думаете-ли, что старуха сказала правду?»

— Увѣренъ въ этомъ.

— «Такъ зачѣмъ же нужно было ходить туда лэди Алрой?»

— Дорогой Джеральдъ, лэди Алрой была просто женщиной съ маніей къ таинственному. Она снимала комнату, чтобы доставлять себѣ удовольствіе ходить туда подъ густой вуалью и выставять себя героиней какого-то романа. У ней была страсть

къ загадочному, но сама она была не болѣе какъ сфинксъ безъ загадки.

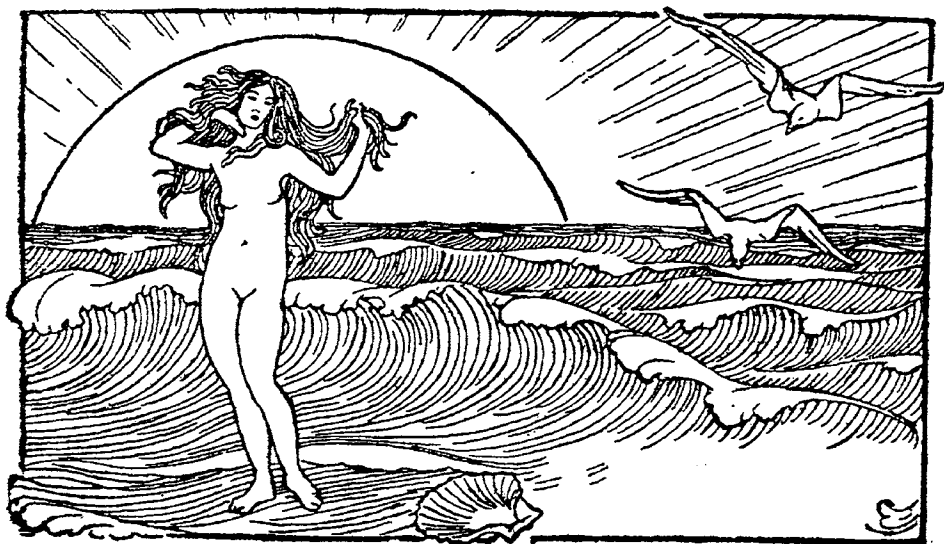
— «Вы такъ думаете?»

— Я въ этомъ твердо убѣжденъ.

Лордъ Мёрчисонъ снова досталъ бумажникъ, раскрылъ его и сталъ пристально разглядывать портретъ.

«Удивительно!» закончилъ онъ.

Пер. М. Ликиардопуло.

ПАМЯТИ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

Къ 50-лѣтїю со дня смерти. 1856—17 февраля—1906.

„Порой мнѣ кажется, будто море—сама душа моя; и какъ въ морѣ есть скрытыя подводныя растенія, которыя только въ мигъ расцвѣта всплываютъ на поверхность и въ мигъ увяданія снова опускаются на дно, — такъ иногда изъ глубины моей души всплываютъ чудныя цвѣты и благоухаютъ, и сіяютъ, и исчезаютъ опять“...

Да, онъ былъ, какъ море, измѣнчивое, вѣчно новое, то бурно клопочащее, то зеркально-ясное, отражающее и синее небо, и темныя тучи, и серебряныя звѣзды, и кровавый закатъ. Этого не могли понять тѣ, для которыхъ нѣтъ выше добродѣтели, какъ весь вѣкъ стоять все на томъ же славномъ посту и упорно глядѣть въ одну точку. Онъ видѣлъ передъ собой „дали всѣхъ дорогъ“; рядомъ съ ликомъ Христа передъ нимъ выросли мрачныя черты Антихриста, и чѣмъ усерднѣе ему указывали на Одного, тѣмъ ярче ему рисовался Другой. Онъ не могъ закрывать глаза, не могъ молчать, не могъ отворачиваться, какъ иные, болѣе благоразумные. Онъ долженъ былъ высказаться весь. Его кажущаяся „раздвоенность“ на самомъ дѣлѣ—единство; однимъ взоромъ онъ охватывалъ дисгармонію міра, и мягкое сердце его страдало отъ этой дисгармоніи. Познать гармонію, единство и въ этой міровой дисгармоніи ему не было суждено; для этого нужно быть Гёте, свѣтлымъ олимпійцемъ, „котораго природа создала, желая узнать, какъ онъ выглядить“. (Слова Гейне).

Онъ никогда не могъ итти съ толпой; его всегда тянуло къ вѣчной правдѣ свергнутыхъ кумировъ. „Я никогда не любилъ васъ, боги! Противны мнѣ греки, а римлянъ я ненавижу, но священнымъ состраданіемъ полнится моя душа, когда я вижу васъ тамъ, въ высотѣ, покинутыхъ, рѣющихъ мертвыми тѣнями“... А когда свобода за которую боролся и онъ, стала общимъ лозунгомъ, и музы получили строгій приказъ „стать маркитантками свободы или прачками христіано-германской національности“, онъ создалъ своего „Атта Тролля“, „последнюю свободную лѣсную пѣсню романтики“.

А „они“ называли его измѣнникомъ. Они не знали, какъ онъ страдалъ. Они не видѣли, какъ сердце его обливалось кровью, когда

онъ возносилъ топоръ надъ кумиромъ, которому нѣкогда молился. Они не видѣли, какъ онъ въ Луврѣ упалъ къ ногамъ благословенной богини Красоты, „и плакалъ такъ горячо, что даже камни должны были бѣ проникнутыя состраданіемъ“. Они видѣли только ироническую гримасу, которою онъ озадачивалъ ихъ въ концѣ какого-нибудь нѣжнаго лирическаго изліянія, и не замѣчали страдальческой черты въ этой гримасѣ, не понимали, что онъ смѣется не надъ ними, не надъ ихъ „святыми чувствами“—что ему до нихъ?—а надъ самимъ собою, надъ своими легковѣріемъ и легкомысліемъ, которыя такъ легко обмануть, и за которыя приходится такъ дорого расплачиваться.

Онъ былъ ученикомъ романтиковъ, и хотя послѣ и хвалился тѣмъ, что „убѣжавъ изъ школы, поколотилъ своихъ учителей“, въ сущности всю жизнь оставался романтикомъ. Только въ сферѣ грезъ и волшебства онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ; „сновидѣніями“ онъ назвалъ первый отдѣлъ своего перваго сборника стиховъ и „виртуозомъ сновидѣнія“ онъ остался и въ послѣднихъ своихъ строфахъ, посвященныхъ милой „Monche“, просіявшей свѣтлымъ лучемъ въ душномъ мракѣ „матрачной могилы“.

Es träumte mir von einer Sommernacht,
 Wo bleich verwittert, in des Mondes Glanze,
 Bauwerke lagen, Reste alter Pracht,
 Ruinen aus der Zeit der Renaissance...

Но греза у него всегда мѣшалась съ дѣйствительностью. Онъ видитъ сонъ, но онъ сознаетъ, что это только сонъ. Грубые звуки реальнаго міра мѣшаются съ чудными мелодіями мечты. Онъ поэтъ не сна, а пробужденія,—пробужденія тяжелаго, мучительнаго...

Иногда, правда, и ему казалось, что онъ созданъ именно для этого реальнаго міра: Тогда онъ называлъ свою поэзію только „священной игрушкой“ и требовалъ, чтобы на гробъ его возложили мечъ, ибо онъ былъ честнымъ борцомъ за освобожденіе. Тогда онъ восклицалъ: „Мы устроимъ царство небесное здѣсь на землѣ. Здѣсь достаточно хлѣба для всѣхъ людей, а небо мы можемъ предоставить ангеламъ и воробьямъ“. Но онъ съ ужасомъ отрещивался отъ конституціонализма Луи-Филиппа, расхаживавшаго въ круглой шляпѣ и съ зонтикомъ подъ мышкой по улицамъ Парижа и надѣвавшего особую грязную перчатку, чтобы пожимать руки лавочникамъ и рабочимъ,—равно какъ и отъ якобинства Бѣрне и его товарищей съ ихъ громкими фразами и сквернымъ табакомъ. И этого ему не простили.

Загадка для современниковъ, онъ остается загадкой и для насъ. Его не подвести подъ критическій аршинъ, никакого ярлыка на него

не наклеишь. Гибкій, подвижной, онъ вѣчно выскальзываетъ изъ рукъ. Полвѣка прошло со дня его смерти, а онъ все тотъ же: яркій, манящій, дразнящій, неотразимый. И какъ полвѣка тому назадъ, вокругъ него кипитъ борьба. Хороши его враги, хороши и друзья. Одни бросаютъ въ него грязью за то, что онъ не былъ филистеромъ. Другіе изъ кожи лѣзутъ, силясь доказать, что онъ былъ самымъ благонамѣреннымъ филистеромъ и всѣ заводимые на него попреки—клевета. А онъ съ олимпійскихъ высотъ смотритъ на нихъ и улыбается своей мягкой, страдальческой, загадочной улыбкой. И эта улыбка какъ будто говоритъ: „О чемъ вы спорите? Вѣдь я сказалъ вамъ, кто я. Я море—измѣнчивое, безпокойное. Вамъ не разгадать, откуда идутъ его волны и куда онъ уходитъ. Вамъ не проникнуть въ глубину, гдѣ зарождаются чудные цвѣты, внезапно появляющіеся на поверхности. И не нужно вамъ этого. Любуйтесь безконечностью водной поверхности, переливами красокъ, внимайте шуму волнъ, ударяющихъ другъ о друга, вдыхайте свѣжій аромат соленой влаги—чего вамъ еще?..“

Артуръ Лютеръ.

Р. S. Юбилей Гейне нашель живой откликъ въ нѣмецкой повременной литературѣ. „Litterarisches Echo“ насчитываетъ болѣе 50-ти журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ памяти поэта. Альфредъ Керръ выпустилъ воззваніе ко всѣмъ „мужамъ и юношамъ, призваннымъ убить филистеровъ“—воздвигнуть поэту памятникъ въ величайшемъ нѣмецкомъ городѣ: „Нужно привѣтствовать умершаго пѣвца мірового города (Weltstadtsänger), восхвалить борца, увѣнчать смѣющагося“. Лео Бергъ („Vossische Zeitung“) проводитъ интересную параллель между Гейне и Ницше. И.Порцкій („Zeitgeist“), на рядѣ искусно подобранныхъ примѣровъ, показываетъ, какъ разнорѣчивы сужденія „передовыхъ“ критиковъ всѣхъ направленій о поэтѣ. Г. Фридеманъ („Frankfurter Zeitung“) подчеркиваетъ раздвоенность натуры Гейне, основанную на разладѣ между личностью и міросозерцаніемъ. М. Г. Конрадъ („Münchener Nachrichten“) видитъ въ Гейне типичнаго семита-европейца. А. Вейленъ („Neue Freie Presse“) опубликовалъ два неизданныхъ раньше письма Гейне къ Генриху Лаубе. Оба написаны весной 1850 года и, между прочимъ, говорятъ о переворотѣ въ религіозныхъ возрѣніяхъ поэта, совершившемся въ годы его послѣдней болѣзни. Неутомимый „Heine-Forscher“ Густавъ Карпелесъ въ той же „Neue Freie Presse“ и въ „Zeitgeist“ помѣстилъ рядъ писемъ друзей Гейне,—Гурауэра, Фарнгагена и др.—сообщающихъ кое-какія небезынтересныя детали для характеристики поэта. На неиспользованныхъ раньше архивныхъ матеріалахъ основана интересная статья проф. Людвигъ Гейгера

„Гейне и Меттернихъ“ („Zeit“). Любопытны „Личныя воспоминанія о Гейне“ французскаго писателя Филиберта Одебрана (Audebrand) въ „Zeit“ и статья Поля Бурже о вліяніи Гейне на французскую литературу. Много новаго для характеристики молодого Гейне и исторіи его первой любви даютъ опубликованныя Эрнстомъ Эльстеромъ въ „Deutsche Rundschau“ выдержки изъ переписки Гейне съ другомъ его юности Штраубе. Мюнхенскій художественный еженедѣльникъ „Jugend“ посвятилъ весь свой № 7 памяти Гейне. Здѣсь на первомъ планѣ статья того же Эльстера „Завѣщаніе Гейне“, а затѣмъ идутъ стихотворенія и статьи Александра фонъ Бернуса, Рихарда Шаукаля и др. Наконецъ, „Bibliographisches Institut“ въ Лейпцигѣ готовитъ второе, дополненное и исправленное изданіе сочиненій Гейне, подъ редакціей Эрнста Эльстера, сумѣвшаго уже первое изданіе сдѣлать образцовымъ и незамѣнимымъ для всякаго, кто серьезно интересуется произведеніями великаго поэта.

А. Л.

СОВРЕМЕННАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

п. 1905 годъ.

Надо замѣтить, что положеніе книги и печати въ Греціи очень незавидное. Современные греки книгъ почти совсѣмъ не читаютъ, а если читаютъ, то почти исключительно иностранныя. Конечно, причина все та-же—вопросъ о языкѣ. Кому охота рыться каждую минуту въ „толковых“ словаряхъ. А до послѣдняго времени книги издавали только ученые профессора, да разные „благородные“ писатели, получавшіе преміи за „очищенный“ языкъ. Если же находились отважные, не „субсидируемые“ писатели, то они рѣшались на изданіе не иначе, какъ обезпечивъ себя предварительно подпиской среди родныхъ и знакомыхъ. Такимъ образомъ греки не привыкли къ книгѣ. Этому отчасти виной неимоверный ростъ и широкое распространеніе газетъ. Стоитъ только указать, что въ однихъ Афинахъ съ 150 тысячами жителей, выходитъ около пятнадцати ежедневныхъ изданій съ общимъ тиражемъ, превосходящимъ численность населенія; да почти каждый провинціальный городокъ имѣетъ свою газету.

Создаваемый газетами ускоренный темпъ жизни не даетъ привыкаться даже журналу, которому не подъ силу коспѣвать за требованіями современности. Поэтому и журналовъ въ Греціи крайне мало. Изъ нихъ несомнѣнно первое мѣсто сохраняетъ „Панаэинеа“ (*Παναθηναϊκά*), по освѣдомленности, по внѣшности и по содержанию мало уступающей западнымъ собратьямъ. Определеннаго положенія въ литературныхъ и, главнымъ образомъ, лингвистическихъ теченіяхъ „Панаэинеа“ не занимаетъ, но все-же тяготеетъ къ „центру“, т. е. печатаетъ произведенія на „смѣшанномъ“ языкѣ, давая временами мѣсто представителямъ „крайнихъ“ теченій. За нимъ вторымъ идетъ еженедѣльный „Нумасъ“ (*Ο Νουμάς*), органъ „психаристовъ“, отличающийся—какъ всѣ „крайніе“ органы,—значительной нетерпимостью. Третій временникъ, выходящій всего второй годъ, и заслуживающій нѣкоторой доли вниманія,—„Акритасъ“, (*Ακρίτας*), собралъ вокругъ себя небольшую группу „молодыхъ“, стремящихся отдѣлиться отъ существующихъ и укрѣпившихся направлений и создать свою собственную „школу“. Въ этихъ трехъ изданіяхъ, да въ не-

многихъ, обыкновенно не больше десяти, книгахъ и сосредоточивается все то, что даетъ міру за годъ греческая литература.

Принимая это во вниманіе, можно сказать, что литературное творчество 1905 года было сравнительно богатымъ. Конечно, лучше всего—стихи. Въ душѣ cadaго современнаго грека, не смотря на всѣ меркантильныя и часто уродливыя внѣшнія стороны его характера, —живетъ поэтъ. Это, можетъ быть, просто даръ золотого солнца и лазури неба, подъ которыми онъ родится. Стихотворство къ тому же первое освободилось отъ традицій и условности. Реакція противъ ложноклассицизма заставила поэтовъ обратиться къ народу, къ его эпосу, а потомъ къ тайникамъ своего „я“.

Интереснѣе и даровитѣе всѣхъ—К. П а л а м а с ъ. Взявъ исходной точкой своего творчества Соломоса и народную поэзію, онъ сумѣлъ использовать этотъ богатый матеріаль для выработки своего собственнаго міросозерцанія, напоминающаго мѣстами ясный пантеизмъ Шелли. И если въ „Пѣсняхъ моей родины“ (1886) еще сказывался переживаемый греческой литературой переломъ, а въ „Глазахъ моей души“ (1892) — вліяніе лирики Гюго и парнасцевъ, то уже въ циклѣ „Могила“ (на смерть любимаго ребенка) вырисовывается настоящій Паламасъ, давшій теперь „Недвижную жизнь“ („*Ἡ Ἀσάλευτη Ζωή. Ἀθήνα. 1905*), въ которой, впрочемъ, мыслитель начинаетъ брать верхъ надъ поэтомъ. (Кромѣ „Недвижимой жизни“ въ послѣдніе два года онъ далъ еще драму „Трисевгенія“, сборникъ критическихъ очерковъ „*Γράμματα*“, и, въ „Нумасѣ“, не мало отрывковъ изъ готовящихся къ печати работъ).

Около года тому назадъ появилась въ Афинахъ небольшая, изящно изданная книга: Ἐρμονας — „О Жизни.“ („*Ἐρμονας. Τῆς Ζωῆς. — Ἀθήνα 1904*). Имя автора было совершенно неизвѣстно даже въ самыхъ освѣдомленныхъ кругахъ. Но три десятка своеобразныхъ „сонетовъ“ безъ риѣмы, въ пятнадцатисложныхъ стихахъ, въ которыхъ сквозь вліяніе Китса, французскихъ парнасцевъ и англійскихъ прерафаэлитовъ, чувствовалось самостоятельное дарованіе, нѣсколько отрывковъ въ прозѣ и прекрасный переводъ „Ипполита“ Эврипида—сразу привлекли всеобщее вниманіе. Узнали, что подъ псевдонимомъ „Ἐρμονας“ скрывается молодой поэтъ живущій въ далекихъ глубинахъ Индіи. Только что вышедшій, второй сборникъ Ἐρμονаса „*Ἀργό*“ („*Ἡ Ἀργώ. — Ἀθήνα 1905*) показываетъ какихъ огромныхъ успѣховъ достигъ поэтъ за одинъ годъ, и заставляетъ быть увѣреннымъ, что, какъ только онъ окончательно освободится отъ вліянія учителей, онъ займетъ почетное мѣсто въ первыхъ рядахъ новогреческой поэзи.

Другой молодой поэтъ, С. С к и п и с ъ, своей книгой *Silentii Dissolutio* (1903) напомнившій намъ первые шаги нашего русскаго „декаденства“, выпустилъ въ 1905 г. „комедію въ стихахъ“,

„Времени Оборотъ“ (*Σ. Σκίπη. Ὁ Ἔπος τῶν Ωρῶν.—Ἀθήναι. „Ἀκρίτας“ 1905*), начало цѣлаго цикла „Семи Печатей“. Эта небольшая сценка „для маріонетокъ за бѣлой занавѣской“, напоминающая временами „Потонувшій колоколь“ Гауптмана, временами слегка „Святую кровь“ Э. Гиппиусъ, показываетъ, что автора ея мучаютъ и занимаютъ вопросы болѣе важные, болѣе нужные, чѣмъ простая реформа орѳографіи.

Къ сожалѣнію, такіе поэты, какъ М. Малакассисъ, І. Грипарисъ, Л. Порфирасъ—не дали въ отчетномъ году ничего новаго.

Новогреческая проза свелась за послѣдніе годы почти исключительно къ короткому разсказу, эскизу. И, нужно отдать справедливость, нѣкоторые достигли въ этой области почти совершенства. Среди нихъ безусловно выдѣляется А. Пападіамандисъ, сочетавшій въ себѣ довольно своеобразно импрессиониста съ крайнимъ реалистомъ. Къ сожалѣнію, черпая свои сюжеты исключительно изъ народнаго быта и придавая своему творчеству слишкомъ узкую, чисто мѣстную окраску,—Пападіамандисъ остается понятнымъ для однихъ только грековъ. За нимъ близко, то-же пользуясь міромъ греческой деревни, идутъ Эфталіотисъ и Каркавитса. Послѣдній въ своемъ новомъ томикѣ „Археологъ“ (*Α. Καρκαβίτσα. Ὁ Ἀρχαιολόγος.—Ἀθήνα 1905*) занялся рѣшеніемъ вопросовъ связанныхъ съ душевной драмой греческой души. Болѣе общепонятны, болѣе „европейцы“ Г. Ксенопуло, Н. Эпископопуло, К. Θεοτοκисъ, П. Нирванасъ. Изъ нихъ Θεοτοκисъ, напечатавшій раньше въ „Техни“ повѣсть „Страсть“, навѣянную Ницше и Шопегауеромъ, нынѣ въ своихъ мелкихъ разсказахъ также обратился къ народному быту; Ксенопуло—греческій Чеховъ—въ „провинціальныхъ разсказахъ“ не безъ дарованія изображаетъ несложную жизнь, несложныя исканія мелкой буржуазіи. Несомнѣнно любопытенъ Н. Эпископопуло, въ своей драмѣ „Одинокія души“ (на мотивъ картины Бернъ-Джонса „Король Кофетуга“), въ „лирической повѣсти“—„Пѣснь Пѣсней“, и въ „Вечернихъ Разсказахъ“ останавливающийся передъ великой загадкой Любви и Смерти. Но болѣе интереснымъ изъ всѣхъ современныхъ греческихъ прозаиковъ долженъ быть признанъ П. Нирванасъ. Полныя своеобразной прелести „Сказки“ (изъ которыхъ нѣкоторыя переведены на русскій языкъ) смѣнились въ отчетномъ году томикомъ:—„Забытое, ушедшее...“, небольшими разсказами, напоминающими по стилю и манерѣ Кнута Гамсуна. Изъ нихъ нельзя обойти молчаніемъ недавно напечатанные въ „Панаѳинеа“ и „Акритасъ“—„Сонъ Жизни“ и „Въ горахъ“.

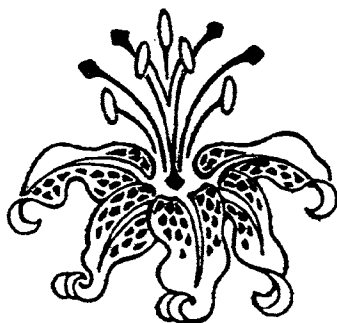
1905 годъ далъ и два романа, родныхъ по существу, если не по времени и мѣсту дѣйствія. Первый—„Жизнь и любовь въ одиночествѣ“

(*Ψυχάκη. Ζωή κι ἀγάπη στὴ μοναξιά.*—Paris 1905), принадлежит Психарису, который, въ промежутокъ между лекціями и изысканіями въ области лингвистики, находитъ время, чтобы заняться и чистымъ творчествомъ. „Исторія новаго Робинзона“ — таковъ подзаголовокъ романа, но онъ скорѣе долженъ былъ бы называться: „Исторія новыхъ Дафниса и Хлои“. Психарисъ въ этомъ романѣ, напоминающемъ извѣстный разсказъ Дефо, занимается, главнымъ образомъ, психологіей своего героя, заброшеннаго на пустынный островъ Тихаго океана, Санта Клара, заставляя его переживать всѣ стадіи превращенія Homo sapiens въ простаго хищнаго звѣря, затѣмъ, вводя, вмѣсто „Пятницы“ молодую дѣвушку, спасающуюся отъ кораблекрушенія, развертываетъ передъ читателемъ трогательную, чистую идиллію робкой любви двухъ существъ, поставленныхъ волей судьбы „по ту сторону“ жизненныхъ условностей и лицемѣрныхъ кривляній, такъ называемой, цивилизации. Книга Психариса переведена уже на французскій и нѣмецкій языки. Не менѣе интересенъ былъ бы и романъ-идиллія Ксенопуло „Красная Скала“, напечатанный въ „Панаэинеа“, если бы авторъ не такъ ужъ сентиментальничалъ.

Въ своей статьѣ о новогреческомъ театрѣ („Вѣсы“ 1905 № 2), П. Нирванасъ указалъ, что если въ Греціи ежегодно пишется весьма значительное число драматическихъ сочиненій, то за все время существованія новогреческой литературы можно указать лишь на произведенія Паламаса, Камбисиса, Ксенопуло и Эфталіотиса, какъ имѣющія извѣстную цѣнность. Къ этому краткому списку 1905 годъ можетъ добавить два имени:—Д. Тангопуло и З. Фитилиса. Если Фитилисъ въ „Безъ Пристани“ (*Ζ. Φυτίλη. Δίχως Ἀκρογιάλι. Αθήνα 1905*) занять вопросами общей и личной морали, къ Греціи прямого отношенія не имѣющими, то Тангопуло, съ первой драмой котораго „Живые и Мертвые“, наши читатели уже знакомы, знаменуетъ собою начало новаго періода въ современной греческой литературѣ: стремленіе непосредственно, путемъ творческаго слова, разрѣшить мучительную дилемму тяготящую надъ Греціей: кѣмъ должны быть греки—„потомками эллиновъ“ или „просто греками“, „мертвыми“ или „живыми“? И если вчера Тангопуло еще рисовалъ намъ борьбу двухъ противоположныхъ теченій греческой жизни, то сегодня, въ „Блудномъ Сынѣ“ (*Ὁ Ἀσωτός.*—*Αθήνα* 'Εκδ. „Νομιά“. 1906) — онъ словно предсказываетъ близкую побѣду „живыхъ“ и возвращеніе „блудныхъ сыновъ“ на единственный вѣрный путь къ спасенію чахнувшей Греціи—къ разрыву съ прошлымъ, какъ мѣриломъ настоящаго, и къ началу новой творческой, созидательной жизни. Приблизительно таковы же по основной мысли „Археологъ“ Каркавитса и сборникъ философско-общественныхъ очерковъ С. Рамаса — „Старое и новое“ (*Σ. Ραμά. Τὰ παλιὰ καὶ τὰ καινότερα.*—*Αθήνα 1905*).

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о сильно возрастающем интересѣ къ русской жизни и русской литературѣ, наблюдаемомъ за послѣдніе годы въ Греціи, что выразилось въ 1905 г. въ цѣломъ рядѣ переводовъ русскихъ авторовъ. Такъ, кромѣ вышедшихъ отдѣльными книгами въ изданіи „Библ. Маразли“ — второго „Сборника Русскихъ Разказовъ“ и „Исторіи русской литературы“ Скабичевского, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ были напечатаны: „Вишневый Садъ“, „Чайка“, „Дядя Ваня“—А. Чехова, „Бѣдные люди“—Достоевскаго, „Записки Охотника“—Тургенева, разказы: Чехова, Андреева, Федора Сологуба, Горькаго, Короленько и др.

М. Ликиардопуло.

ВЫСТАВКА «МИРА ИСКУССТВА».

Самой интересной и лучшей изъ всѣхъ открытыхъ въ настоящее время въ Петербургѣ выставокъ является организованная С. П. Дягилевымъ художественная выставка „Мира Искусства“. За это говорить не только имя устроителя, но и такія имена участвующихъ въ ней художниковъ, какъ Бакстъ, Врубель, Головинъ, Малявинъ, Сомовъ, Сѣровъ. Кромѣ старыхъ, въ этомъ году выдвинулось много новыхъ художниковъ, талантливыхъ и интересныхъ: Анисфельдъ, Павелъ Кузнецовъ, Николай и Василій Миліоти, Ульяновъ и др. И не смотря на то, что раньше эти художники не имѣли ничего общаго съ выставками „Мира Искусства“, именно они-то преимущественно и положили своими новыми произведениями на нынѣшнюю выставку типичный отпечатокъ всѣхъ устраиваемыхъ Дягилевымъ выставокъ: отпечатокъ неожиданной новизны и таланта. На первый взглядъ такое мнѣніе можетъ показаться парадоксальнымъ. Между тѣмъ, по моему, это несомнѣнно такъ.

Искусство—живое существо, оно — растеніе, пускающее съ каждымъ годомъ все новые и новые побѣги. Искусство постоянно течетъ, никогда не застываетъ и никогда не застынетъ. Дягилевъ, хорошо это понимающій и чутко слѣдящій за всякимъ искреннимъ исканіемъ новыхъ формъ, — всегда первый у насъ показывалъ на своихъ выставкахъ талантливыя проявленія этихъ поисковъ новыхъ средствъ для выраженія вѣчнаго. Его выставки всегда были новыми сказками о новой красотѣ. И на нынѣшней выставкѣ объ этой новой красотѣ пытается разсказать цѣлый рядъ новыхъ талантливыхъ молодыхъ силъ, собранныхъ Дягилевымъ подъ кровлей „Мира Искусства“.

Пусть не подумаетъ читатель, что такое мнѣніе о „новыхъ“ основано на забвеніи прежнихъ столповъ „Мира Искусства“. Я ничуть не хочу сравнивать Сомова и Сѣрова, Врубеля и Бакста съ молодыми силами, — величинами еще не опредѣлившимися. И подобно тому, какъ миеологическихъ существъ дѣлятъ обыкновенно на боговъ и героевъ, такъ и художниковъ хотѣлось бы мнѣ здѣсь раздѣлить на старыхъ художниковъ,—„боговъ“, имѣющихъ каждый свой пьеде-

сталь, свои атрибуты, свои маленькіе недостатки — капризы, и новых художниковъ, — „героевъ“, борющихся за новую, свою собственную красоту, ими окончательно еще не завоеванную. „Боги“ были въ свое время „героями“; они искали, боролись и побѣждали. Каждый изъ нихъ открылъ наконецъ свою красоту и былъ переселенъ на Олимпъ, и теперь почти всѣ они спокойно рассказываютъ намъ увлекательныя, но старыя, милыя сказки, каждый о своей красотѣ. Они спокойны на своихъ тронахъ и я первый кладу на ихъ алтарь свои цвѣты. „Герои“ — молодые — алтарей не имѣютъ, но кое-кто изъ нихъ навѣрное заслужитъ себѣ со временемъ и алтарь и цвѣты, если только не сбьется съ дороги или не остановится среди пути. Покаместъ же всѣ они еще борются, ищутъ, бьются, горятъ. И я съ радостью гляжу на ихъ битвы.

Малявинъ выставилъ большое полотно „Вихрь“, — бабы въ экстазѣ пляски. Картина вызываетъ конечно въ большинствѣ публики нареканія за взятый художникомъ старый сюжетъ. Но въ сюжетѣ ли, въ бабахъ ли дѣло? Ничуть не о бабахъ рассказываетъ онъ во всѣхъ своихъ картинахъ. Какъ мнѣ уже приходилось высказываться раньше „сюжетъ“ Малявина гораздо глубже. Стихийное чередованіе ярко-красочныхъ пятенъ, огненное ликованіе краснаго, пунцоваго, желтаго, синяго, зеленаго, сизаго, цѣлый вихрь этихъ красокъ, хаосъ этихъ тоновъ — вотъ сюжетъ Малявина. Бабы же и пляска ихъ — лишь прекрасный и очень подходящий фонъ для главной его темы, лишь предлогъ для талантливаго рассказа о стихійныхъ размахахъ природы. Если же говорить о бабахъ, то пляшутъ онѣ дѣйствительно увлекательно: расплясались и не останавливаются, одержимыя могучимъ ритмомъ. Какъ пламя завиваются пунцовыя, желтыя одежды, вьются платки, блестятъ глаза, сверкаютъ улыбки, зубы и среди этого вихря пляски, какъ тишина въ вихрѣ водоворота, — остановившіяся экстатической взоръ, окаменѣлое лицо одной изъ пляшущихъ. Впрочемъ, съ технической стороны лицо это кажется мнѣ менѣе совершеннымъ, чѣмъ остальные. Оно какъ то слишкомъ „сдѣлано“. Лицо же пляшущей на первомъ планѣ, въ лѣвой части картины, — прекрасно своей грубойэкзальтаціей. И здѣсь стихія, — стихія ритма.

Изъ всего выставленнаго Сѣровымъ наиболее нравится мнѣ „Купанье“. Ослѣпительный блескъ полуденнаго солнца на волнахъ, на лоснящейся шерсти лошади, мокрое тѣло мальчика, — все это передано съ тонкимъ мастерствомъ, для Сѣрова, впрочемъ неувидительнымъ. Къ запечатлѣнію такихъ явленій, какъ едва уловимые солнечные блики, онъ подходитъ геніально просто, — мазокъ, другой и загорѣлось солнце на полотнѣ. И хочется сказать: въ искусствѣ кратчайшій путь между мечтой и ея воплощеніемъ есть красота.

Прекрасенъ тройной портретъ работы Головина. Онъ едва ли

не лучший изъ всѣхъ имѣющихся на выставкѣ портретовъ. Третьяковская галлерей сдѣлала цѣнное приобрѣтеніе, купивъ его. Хорошо также эскизъ Головина къ „Призракамъ“ Ибсена.

Въ картинахъ Грабаря много непосредственнаго чутья природы. Онѣ говорятъ о бодромъ, одинъ разъ въ годъ охватывающемъ человѣка чувствѣ весенней радости, о радостныхъ солнечныхъ лучахъ, о врывающемся въ окна вмѣстѣ съ теплымъ вѣтромъ запахъ цвѣтовъ, рассказываютъ о чудесахъ, какія дѣлаетъ съ вѣтвями иней, о красотѣ лѣсныхъ снѣжныхъ ризъ, о бодрящей крѣпости мороза. Лучшія картины—„Иней“ и „Хризантемы“. Въ первой, между прочимъ, удивительно своеобразна техника.

Четыре картины Коровина подъ общимъ названіемъ „Парижъ“, также „Этюдъ зала“—пожалуй лучше прочихъ вещей этого художника. Въ его картинахъ есть какая то грязноватость колорита и излишняя небрежность рисунка: слишкомъ малое свободная небрежность.

Бакстъ въ этомъ году очень разнообразенъ и, какъ всегда, очень интересенъ. Его „Портретъ Андрея Бѣлаго“ притягиваетъ своей одухотворенностью. Облекающій духъ покровы сняты, оставлено лишь самое необходимое для воплощенія духа. И кажется—коснись художникъ портрета еще—и улетучится очарованіе, останется лишь очень сходный съ дѣйствительностью обликъ. „Портретъ Дягилева“ съ сидящей въ глубинѣ комнаты старухой-няней написанъ, конечно, мастерски, такъ же, какъ изящный портретъ З. Н. Мережковской, но въ нихъ нѣтъ того подъема, съ какимъ сдѣланъ описанный выше портретъ. Прекрасная и очень оригинальная картина съ громадной, чисто Бакстовской вазой на первомъ планѣ, названная художникомъ „Автопортретъ“, смѣло задумана и смѣло выполнена. „Подсолнухи подъ окномъ“ неприятно написаны: какая то излишняя жесткость линій и что-то (къ удивленію) „мюнхенское“ и залегалое. Этой картины, а также нѣкоторыхъ изъ висящихъ рядомъ съ ней пейзажей нельзя и сравнить съ рисунками Бакста, въ которыхъ онъ такой мастеръ.

У Юона привлекаетъ „Зима“ и чудесный рисунокъ „Окно“. Лучшія вещи Рылова—эскизъ къ картинѣ „Зеленый шумъ“ и пастель „Сумерки“, гдѣ чутко схваченъ моментъ надвигающейся ночи. Локкенбергъ и Явленскій оба искренно ищутъ красочной правды и, пожалуй, первый чаще находитъ ее, чѣмъ второй. У Локкенберга хорошъ мотивъ „На Яновскомъ конномъ заводѣ“, у Явленскаго—пейзажъ съ дорогой на первомъ планѣ (№ 332).

Изъ десятка иллюстрацій Вилибина къ изданію „Сѣверные женскіе наряды“ и къ Пушкинской сказкѣ „О царѣ Салтанѣ“—выдѣляются послѣднія, прекрасно стилизованныя и указывающія на

тонкое пониманіе художникомъ старыхъ японскихъ гравировъ, особенно знаменитаго Хокусая. Въ рисункѣ, изображающемъ бочку въ волнахъ, сильно сказывается вліяніе мотивовъ изъ Хокусаевой „Mangua“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, художникъ такъ ловко все это „облибилъ“, что въ концѣ концовъ о японцахъ и забываешь.

Какъ жалко, что Александръ Бенуа прислалъ на выставку не лучшія свои вещи. Все же изъ Версальскихъ видовъ очень хороши: „Salon Français“, „Терраса Латоны“, „Зима въ Версаль“; хороши также виды Бретани, особенно „Maree montante“. Съ обычнымъ для Бенуа проникновеніемъ сдѣланы иллюстраціи къ Пушкинской „Пиковой Дамѣ“.

Сильный талантъ Лансере высказался въ этомъ году въ двухъ прекрасныхъ историческихъ картинахъ: „Императрица Елизавета въ Царскомъ Селѣ“ и „Петербургъ въ XVIII вѣкѣ“. Эскизъ къ первой изъ нихъ, пожалуй, непосредственнѣе и глубже, чѣмъ сама картина, сдѣланная съ удивительнымъ мастерствомъ. Вторая же вещь особенно хороша. Интересно схваченъ не только моментъ эпохи, когда среди пустынныхъ болотъ, подъ угрюмымъ небомъ выросло одинокое громадное зданіе, но и весь унылый пейзажъ, особенно тоскливый въ этотъ вѣтренный день.

Сомовъ поражаетъ на нынѣшней выставкѣ неожиданной красотой своей изысканно задуманной фарфоровой группы „Влюбленные“. Вся внѣшняя красивость старинныхъ цѣнныхъ фарфоровыхъ игрушекъ сочеталась здѣсь съ утонченной внутренней, духовной, чисто Сомовской красотой, — красотой слегка пессимистической, съ легкимъ налетомъ едва уловимой ироніи художника и надъ „Влюбленными“ и, можетъ быть, даже надъ самимъ собою. Акварели Сомова „Зима“, „Осень“, „Сидящая молодая женщина“ и всѣ другія хороши по обыкновенію. Прекрасенъ „Фейерверкъ“ — одна изъ лучшихъ картинъ на выставкѣ.

Тонко чувствующій городъ Добужинскій далъ въ этомъ году цѣлый рядъ меланхолическихъ рассказовъ о Петербургѣ. Онъ отыскиваетъ красоту не только въ воспоминаніяхъ прошлаго, въ этихъ зеленыхъ стильныхъ домикахъ, въ старинныхъ торжественныхъ зданіяхъ Гатчины и Петербурга былыхъ временъ, но и въ строеніяхъ окруженнаго фабричными трубами современнаго города. Онъ рассказываетъ о скучныхъ улицахъ, о пустынныхъ стѣнахъ, о городскихъ садикахъ, тянущихся своими чахлыми деревцами къ небу, о дворахъ-колодцахъ. Красота есть в с ю д у, — нужно лишь умѣть ее добыть. И Добужинскій добываетъ ее и талантливо запечатлѣваетъ въ своихъ поэтически-тусклыхъ рассказахъ, безнадежныхъ, какъ стѣны Петербургскихъ шестизажныхъ домовъ. Въ частности, исполненные имъ для народнаго изданія „Петербургъ“ рисунки „Александръ“

дровская колонна“ и „Фонтанка“ очень интересны съ точки зрѣнія графики. Въ нихъ синтетичность линий доведена чуть ли не до степени формулы. Это впрочемъ дѣлаетъ рисунки пестрыми. Есть что-то несовершенное и въ очень тонкомъ по замыслу „Окошкѣ парикмахера“. Такой мотивъ у Добужинскаго можетъ выйти куда лучше и изысканнѣе, чѣмъ это сдѣлано художникомъ. Очевидно, онъ былъ занятъ этой вещью или слишкомъ мало, или слишкомъ много. И то, и другое въ одинаковой мѣрѣ вредно отражается на результатѣ творчества. Зато съ истиннымъ чувствомъ мѣры сдѣлана прекрасная акварель „Старый домикъ“, а также пастель-элегія „Домикъ въ Петербургѣ“. Двѣ эти вещи наиболѣе совершенное изъ всего выставленнаго Добужинскимъ въ этомъ году.

Какъ всегда, очень хороши гравюры на деревѣ Остроумовой-Лебедевой. Лучшая—„Фьезоле“. Такія же гравюры Фалилеева значительно уступаютъ вещамъ талантливой художницы.

Помѣщенные въ особой комнатѣ многочисленные эскизы и картины Мусатова показываютъ этого слишкомъ рано умершаго художника, какъ тонкаго, своеобразнаго колориста и чуткаго поэта прошлаго. Много элегического во всѣхъ этихъ старинныхъ барскихъ усадьбахъ, романтическихъ бесѣдкахъ, паркахъ со скользящими по аллеямъ видѣніями прошлаго—женщинами въ костюмахъ сороковыхъ годовъ („Призраки“, „Паркъ погружается въ тѣнь“, „Встрѣча у колонны“). Въ большинствѣ картинъ Мусатова обаятельна нѣжность и вмѣстѣ съ тѣмъ значительность колорита. Въ этомъ отношеніи такъ хорошъ, напримѣръ, небольшой набросокъ „Балконъ“: чуется какая-то прозрачная музыка въ этихъ блеклыхъ, свѣтлыхъ тонахъ, въ пятнахъ осеннихъ листьевъ, въ туманной дали блѣдной поляны и рѣки.

Кромѣ портрета артистки Книпперъ, знакомаго Петербургу по выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, Ульяновъ далъ интересный эскизъ „Принцесса“. Въ немъ есть какая-то милая условность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то непріятное.

Ееофилактовъ выставилъ всего двѣ небольшихъ картины и судить по нимъ о красочныхъ качествахъ этого интереснаго графика пока трудно. Смѣлы архитектурные рисунки Ноаковскаго, своеобразны эскизы декораций Сапунова, хорошъ „Розовый кустъ“ и особенно „Модный магазинъ“ Ларионова.

Линдеманы въ этомъ году разнообразнѣе; однако нельзя не пожалѣть, что художница оставила свою прежнюю технику: точную и ясную. Въ ея аквареляхъ, такъ же, какъ въ аквареляхъ Луговской, есть интимность, несмотря на явную у обѣихъ художницъ неуверенность въ рисункѣ. Лучшая акварель Луговской—„Зачиталась“.

Впервые, кажется, выставяющей свои вещи молодой художникъ Анисфельдъ интенсивно ощущаетъ краски. Его легенды: „Во-

сточная“ и „Буддйская“, а также большой эскиз „Фонтанъ“—ничто иное, какъ сказки о чудесахъ глубокихъ тоновъ: алаго, синяго, изумрудно-зеленаго и желтаго. Много поэзи и фантастики.

Талантливый Павелъ Кузнецовъ выдѣляется изъ числа молодыхъ художниковъ своеобразной красотой своихъ блѣдныхъ картинъ-видѣній. Онъ грезитъ кистью, мечтаетъ на полотнѣ. Умирающіе или только нарождающіеся образы, образы внѣ жизни, внѣ точно опредѣленныхъ законовъ, съ приблизительными очертаніями, еле выступающими изъ розовато-голубого тумана—вотъ его сфера. Эти нежизненные образы художникъ связываетъ съ жизнью при помощи красоты. Ея мистическій аромать чувствуется и въ „Радости утра“, и въ „Голубомъ фонтанѣ“, и особенно въ „Утрѣ“—лучшей вещи Кузнецова.

Какъ утонченный колористъ выдѣляется Николай Миліоти. Подобно Кузнецову, Миліоти изображаетъ не предметы, а свои видѣнія. Первый рассказываетъ о мечтахъ, о томъ, что должно быть, второй—о сновидѣніяхъ, о томъ, что было. Мечты по большей части чище, чѣмъ сновидѣнія; въ сновидѣніяхъ всегда больше земного, чѣмъ въ далекихъ отъ земли мечтахъ. У Миліоти чувствуются сны то безгрѣшно-небесные, прозрачные („Rosa mystica“, „Fragment de panneau“, „Звонъ“), то земные, манящіе своей прекрасной порочностью („Fête galante“, „Kermesse“, „Leda“, „Les galants“). Онъ припоминаетъ эти сны и рассказываетъ о нихъ отрывистымъ языкомъ изысканныхъ красочныхъ пятенъ.

Сказочное, необычное находитъ себѣ выраженіе также и у Василія Миліоти. Въ его небольшихъ вещахъ, своеобразныхъ по манерѣ и по колориту, сквозитъ утонченный эстетизмъ. Много фантастическаго въ „Сказкѣ“, хороши: „Теламъ“, „Diurne“, „Egotique“.

Подъ конецъ хочется сказать о Врубелѣ, о самомъ цѣнномъ для меня художникѣ. Его дерзкій геній сказывается далеко не во всѣхъ имѣющихся на выставкѣ вещахъ. Кое-что можно было бы и не выставлять подлѣ кощунственныхъ замѣчанія празднo-слоняющейся толпы. Конечно, хороши его портреты и нѣкоторые эскизы, прекрасенъ по тонамъ маленькій набросокъ прежнихъ лѣтъ, изображающій группу лицъ подлѣ деревьями, но лучшее на нынѣшней выставкѣ это двѣ акварели: „Ангель“ и „Серафимъ“, который „перстами легкими, какъ сонъ“ касается зеницъ Пушкинскаго „Пророка“. И еще большая картина „Ангель“—съ кадильницей и мечомъ. Она хороша своей мрачной торжественностью: точно громадные самоцвѣтные камни горятъ вокругъ блѣднаго, экстагически-серьзнаго нежизненнаго лица... Акварели же прекрасны по своеобразной, одному Врубелю свойственной манерѣ письма. Видно какъ съ каждымъ смѣлымъ штрихомъ высѣкался огонь красоты изъ кремня природы.

ВЕЧЕРА СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ.

I.

„Вечера Современной Музыки“ всегда представляют исключительный интерес для музыкальной интеллигенции столицы.

Первый (XXIV) Вечер Современной Музыки, сезона 1905—6 г. состоялся 6-го ноября, въ день высшаго напряженія ноябрьской забастовки. Улицы были пусты и темны, движенія почти не было, магазины наглухо заколочены бѣлыми досками, группы подозрительныхъ личностей видѣлись на перекресткахъ въ перемежку съ казачьими патрулями; мощный рефлекторъ Адмиралтейства тщетно боролся съ зияющей чернотой Невской „перспективы“. Между тѣмъ слушателей собралось больше, чѣмъ на многихъ и многихъ предыдущихъ вечерахъ, хотя первый В. С. М. былъ менѣе интересенъ, чѣмъ слѣдующіе. Кромѣ коллективной сюиты композиторовъ „русской школы“ для струннаго квартета „Пятницъ“, гдѣ „милѣ“ другихъ „сдѣланы“ „Мазурка“ А. Лядова и „Полька“, сочиненная А. Глазуновымъ, Н. Соколовымъ и А. Лядовымъ; кромѣ холодновато-красивыхъ произведеній А. Глазунова: „Тема *con variazione*“ для квартета съ мастерскимъ пользованіемъ церковными тонами и блестящей „Темы съ вариациями“ для фортепіано, 6-го ноября были исполнены „*Helvetia*“— три изящныхъ фортепіаннхъ вальса V. d'Indy и колоритная скрипичная соната op. 4 Volkmar Andreae. Со свѣжей душистой музыкой этого швейцарскаго композитора Петербургъ познакомился впервые.

На второмъ (28 ноября) и третьемъ (16 января) Вечерахъ С. М., а также на квартетномъ вечерѣ 5 февраля, былъ исполненъ цѣлый рядъ вещей выдающагося значенія. Изъ менѣе крупныхъ назовемъ романсы И. Покровскаго: „Холодно. Тихо“ и „Бѣлые кони“, оба скомпанованные хорошо, далѣе, романсы В. Сенилова: „*Der Tod*“ и „*Барельефъ*“, болѣе или менѣе „вагнеризованные“; изящное, но неприятзательное „*Quartettino*“ В. Погожева и, наконецъ, „*Petite*

suite pour piano" А. Медема, къ сожалѣнiю, не встрѣтившая въ публикѣ того сочувствiя, какого она, по всей справедливости, заслуживаетъ. Такiя оригинальныя и граціозныя миниатюры, какъ „Marche grotesque“, „Nocturne“, „Interlude“, это — блестящiя подлиннаго мастерства, свидѣтельствующiя объ истинномъ художественномъ темпераментѣ автора. Двѣ пьесы А. Скрябина, „Poème satanique“ op. 36 и „Valse“ op. 38 не прибавляютъ новыхъ лавровъ къ вѣнку этого замѣчательнаго композитора. Скрябинъ — одинъ изъ немногихъ, прошедшихъ черезъ горнило русской школы почти безъ вреда для своей хрупкой, утонченной индивидуальности. Но для него есть опасность другого рода: кажется иногда, что продолжительныя занятiя въ области „экстрапоэзии“ Шопена, а въ послѣднее время и Листа, такъ упорно маскируютъ музыкальную личность автора только потому, что она болѣе хрупка, даже болѣе слаба, чѣмъ это кажется сначала. И поэма и вальсъ — произведенiя очень капризныя, нервныя, изысканныя до крайности; вездѣ судорожныя порывы безвольной, души къ идеаламъ силы и сверхчеловѣчности, но побѣда ускользаетъ изъ слабыхъ рукъ; отсюда трагическiя противорѣчiя, демонизмъ, доходящiй въ поэмѣ чуть не до звукоподражательнаго inferнальнаго хохота.

„Poème pour Violon“ Э. Шоссона — вещь, въ которой стремленiе автора къ виртуозному скрипичному стилю, къ счастью, не помѣшало ему заняться въ то же время выполнениемъ самыхъ серьезныхъ музыкальных намѣренiй. Несмотря на значительныя техническiя трудности, поэма подкупаетъ своимъ благороднымъ, возвышеннымъ лиризмомъ, который прiобрѣтаетъ особенную мягкость благодаря склонности композитора къ средневѣковымъ тональностямъ. Задумчивая, грустная муза Шоссона, имѣющая что-то общее съ музой Чайковского, давно уже стяжала себѣ заслуженную популярность во Францiи, хотя „пророкомъ“ Шоссонъ не можетъ быть не только въ своемъ отечествѣ, но и ни въ какой другой странѣ, знакомой съ родоначальнымъ источникомъ новѣйшей французской музыки, съ произведенiями Ц. Франка, этого гениальнаго полуфранцуза, полуфламандца, чье влiянiе несомнѣнно чувствуется и въ импрессионистской кисти К. Дебюсси, и въ бурномъ „помелѣ“ Дюка (L'apprenti du sorcier). Что же касается исполненной на третьемъ Вечерѣ С. М. „Pièce en si mineur“ pour 2 pianos Guy Ropartz, то позволительно сомнѣваться, чтобы музыканты, знающiе Франка, могли найти въ ней значительныя самостоятельныя достоинства.

Изъ произведенiй Дебюсси на третьемъ В. С. М. были даны два романса, „Colloque sentimentale“, „Le Rêve“ и на квартетномъ вечерѣ Налбандьяна — квартетъ op. 10. Дебюсси — импрессионистъ чистой воды. Получивъ богатое и разнообразное духовное наслѣдство отъ

Франка, Дебюсси, сообразно влеченіямъ своей художественной натуры, отказался отъ дальнѣйшей разработки въ глубину полученныхъ сокровищъ. Онъ пренебрегъ дальнѣйшей „конденсаціей“ музыкальныхъ образовъ, оставилъ третье измѣреніе и весь свой матеріалъ разбросалъ отдѣльными блестящими пятнами на плоскости. Эффектъ получился поразительный. Безъ всякихъ точекъ опоры, безъ фундамента, безъ цемента Дебюсси создалъ своего рода „японскій“, безперспективный стиль въ музыкѣ. У него та же симплификація, та же эфирность, тотъ же „фантастическій реализмъ“, что у Хокусая или Хирошиге. Приемами почти элементарными, каковы, напр., параллельныя квинты и септимы, гармоніи, основанныя на цѣлостной гаммѣ, К. Дебюсси создаетъ изъ ничего цѣлые міры, очаровательные, колеблющіяся, изысканно-неудовимые. Интересно, что въ квартетѣ, гдѣ волей-неволей приходится имѣть дѣло съ полифоническими задачами, Дебюсси не чувствуетъ себя такъ свободно, какъ въ фортепьянныхъ и вокальныхъ вещахъ. И, несмотря на все остроуміе квартетнаго scherzo (*Assez vif*) и мистическую романтику *andantino*, со странной „руссифицированной“ второй темой, надо считать болѣе характерными для творчества Дебюсси оба вышеназванные романса, которые стоятъ наравнѣ съ лучшими его вдохновеніями: „Пелеасомъ“ „Фавномъ“, „Эстампами“ и пр. Но европеецъ, повидимому, не можетъ долго безнаказанно витать въ обаятельной атмосферѣ „японизма“. Нужны выходы къ другимъ горизонтамъ. Но Дебюсси ихъ не находитъ и поэтому прибѣгаетъ къ средствамъ, самоубійственнымъ для художника. Въ послѣднихъ вещахъ Дебюсси уже сказывается отсутствіе новыхъ приемовъ и свѣжихъ мыслей, оригинальность грозитъ превратится въ рутину. А гдѣ застой, тамъ „*decadence*“ въ худшемъ смыслѣ этого слова.

Мнѣ осталось сказать еще нѣсколько словъ о музыкантѣ, имя котораго, за исключеніемъ посѣтителей В. С. М., едва ли извѣстно кому-нибудь, о М. Кузминѣ. Да, впрочемъ, музыкантъ ли онъ, этотъ самый непостижимый изъ композиторовъ? У Кузмина нѣтъ напечатанныхъ музыкальныхъ произведеній (крмѣ 2—3 раннихъ романсовъ), но я имѣлъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми его произведеніями, сверхъ тѣхъ Александрійскихъ пѣсенъ, которыя были исполнены на второмъ Вечерѣ С. М. и возбудили такое единодушное негодованіе публики и критики. Я знаю, что Кузминъ пишетъ не только музыку, но и крайне интересные, стильные стихи, вѣрнѣе, онъ пишетъ вокальную музыку на свои же стихи. И все же я вторично спрашиваю себя, музыкантъ-ли онъ? Современные произведенія Кузмина „несоизмѣримы“ ни съ какими другими вещами какихъ угодно авторовъ. Въ одномъ я увѣренъ, однако: что находящія въ его музыкѣ проблески геніальности, по всей вѣроятности,

впадаютъ въ меньшее преувеличеніе, чѣмъ отрицающіе всякую возможность уразумѣнія основныхъ „принциповъ“ его техники.

II.

Четвертый (XXVII) вечеръ С. М. состоялся 20-го февраля. Max Reger - Abend, вотъ — краткое, но выразительное заглавіе на его программѣ. Новый геній германской музыки слишкомъ новъ и великъ, чтобы ставить его рядомъ съ прочими, хотя бы самыми яркими, современными художниками звуковъ. Это поняли и устроители В. С. М., ради Регера не задумавшіеся разнообразіе, подчасъ даже пестроту своихъ программъ принести въ жертву художественной цѣльности впечатлѣнія.

20 февраля вниманію слушателей были предложены слѣдующія капитальныя вещи: серенада для флейты, скрипки и альты (ор. 77 а), вторая скрипичная соната (in Fis moll, ор. 84), вариации съ фугой на тему Баха (ор. 81) для фортепьяно и вариации съ фугой на тему Бетховена для 2-хъ роялей (ор. 86).

Что сказать о дивномъ мастерствѣ, о неизсякаемой стихіи творческаго воображенія, которая непрерывными звуковыми лучами окутывала переполненный публикой залъ въ теченіи болѣе, чѣмъ двухъ часовъ? Какъ писать солнце въ упоръ? Въ какихъ словесныхъ краскахъ можно рассказывать Регера, все время стоящаго на Памирахъ „абсолютной“ музыки, музыки an und für sich? При всей трудности характеристики Регера по существу, къ тому же и невыполнимой въ предѣлахъ настоящаго письма, надо сказать, однако, нѣсколько словъ о его наружности. Если, несмотря на органическую цѣльность произведеній Регера, отважиться на „вивисекцію“ ихъ, то передъ взоромъ изслѣдователя прежде всего вездѣ открываются мощные, „материковые“ слои классическаго музыкальнаго міровоззрѣнія. Это не традиціи школы, не скучная эрудиціонная рутина, но живая ассимиляція всей „подпочвы“ классицизма, яркое развитіе самой психіи его, новая и высокая вѣха въ томъ, для многихъ еще „сухомъ“, пути, гдѣ завоевали себѣ безсмертіе Бахъ, Бетховень, Брамсъ. Конечно, „классическіе“ романтики Германіи, Шуманъ и, въ особенности, Вагнеръ, не прошли для Регера безслѣдно, но и здѣсь онъ — только продолжатель, нигдѣ и никогда не поступающійся самимъ собой въ пользу чужихъ авторитетовъ.

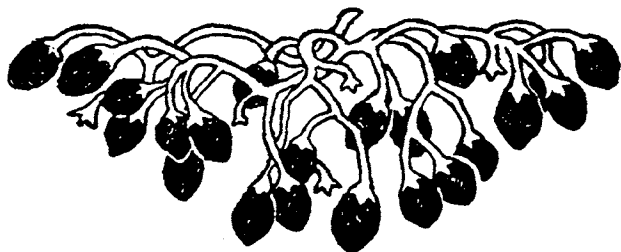
Въ исполненной на февральскомъ вечерѣ „Серенадѣ“ чувствуется классицизмъ почти Гайднскаго типа. Все свѣтло и прозрачно, но свѣтъ преломляется въ многогранной личности автора и даетъ въ первомъ Allegro и въ Andante con variazioni ослѣпительные эффекты

гармоническихъ и ритмическихъ блесковъ. Вариаци на темы Бетховена и Баха — сплошная оргія звуковъ, гдѣ не знаешь чему болѣе удивляться: „усовершенствованной“ техникѣ классиковъ или расточительной роскоши авторской фантазіи. Но если вы захотите отдохнуть отъ головоломнѣйшей контрапунктики Регера, то не рассчитывайте на тѣ его вещи, гдѣ мастеръ эмансипируется даже отъ имъ самимъ переработанныхъ, но все же чужихъ идей. Соната Регера взаимнѣ полифоническихъ даетъ такіе необычные „симфонические“ моменты, что не даромъ Регера прославили *suí generis* революционеромъ. Острые ритмы, выпуклыя темы, сверкающія гармоніи — все даетъ музыкѣ какую-то странную активность, дѣятельность. Здѣсь нѣтъ мѣста „безпартійнымъ“ слушателямъ! За или противъ! „Оскорбленіе дѣйствиємъ“ или дѣйственное же восхожденіе на кратеръ клочущаго вулкана! Впрочемъ, здѣсь уже область творчества по существу и границы „критики“.

Какъ отнеслась публика къ Регеру? Точно сказать трудно, но сравнительно съ прошлогоднимъ опытомъ тѣхъ же В. С. М., „равнодѣйствующая“ мнѣній, повидимому, склонилась влѣво.

Въ заключеніе — два слова объ исполнителяхъ на В. С. М. Оставляя въ сторонѣ случайныхъ „гастролеровъ“, большею частью пѣвцовъ и пѣвицъ, исполненіе которыхъ далеко не всегда стояло на надлежащей высотѣ, мы назовемъ постоянныхъ и дѣятельныхъ художниковъ-исполнителей, которымъ, видимо, дорого самое дѣло. Сюда относятся квартетисты Налбандьянъ, Гебенъ, Мошковскій и Миклашевскій, піанистъ А. Медемъ, піанистки Венгерова, Высотская, Полоцкая-Емцова. Изъ пѣвцовъ хорошимъ интерпретаторомъ романсовъ И. Покровскаго явился басъ П. Страховъ.

В. К.

ВЪХИ.

III. ЧОРТЬ И ХАМЪ. *

Трудно оцѣнивать и судить писателя, кругъ дѣятельности котораго еще не завершился. Мы совершенно иначе относимся къ „Вертеру“, чѣмъ тѣ, кто были современниками его перваго появленія и не знали, что Гете напишетъ двѣ части „Фауста“ и „Западно-Восточный Диванъ“. Первые сочиненія Ницше, его „Рожденіе Трагедіи“ или „Веселая Наука“ получили совершенно новый смыслъ, послѣ того, какъ появились рѣчи Заратустры. Фетъ, затепливъ „Вечерніе Огни“, озарилъ и преобразилъ неожиданнымъ и проникновеннымъ свѣтомъ свои юношескія подражанія Гейне и Мюссе. Подобно этому, каждая новая книга Д. С. Мережковскаго объясняетъ намъ, его современникамъ, предыдущія, каждая новая фаза его міропониманія расширяетъ, углубляетъ, осмысливаетъ болѣе раннія.

При бѣгломъ взглядѣ, Д. Мережковскій кажется однимъ изъ самыхъ непослѣдовательныхъ писателей. Въ первомъ сборникѣ своихъ стиховъ (1888 г.) онъ—ученикъ Надсона, гражданскій поэтъ, пѣвецъ милосердія, заступникъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Въ „Новыхъ Стихотвореніяхъ“ (1895 г.) онъ—декадентъ, бодлеріанецъ, поклонникъ Эдгара По, проповѣдникъ грѣха. Въ „Вѣчныхъ Слугникахъ“ (1899 г.) и „Юліанъ Отступникъ“ (1899 г.) онъ—язычникъ, испытывающій, не смотря на всѣ оговорки, какую-то непобѣдимую брезгливость къ христіанству, къ галилейству. Въ изслѣдованіи о „Толстомъ и Достоевскомъ“ (1900—2 г.) и въ эпосѣ о „Петрѣ и Алексѣѣ“ (1905 г.) онъ даетъ самую убѣдительную проповѣдь христіанства, какая когда-либо была написана на русскомъ языкѣ. Въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ онъ выступаетъ уже съ суровой критикой религіи,¹ остановившейся на Христѣ, на одномъ только Второмъ Ликѣ, не проходящей

* Д. Мережковскій. Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Мск. 1906. Ц. 1 р. 80 к.

Д. Мережковскій. Грядущій Хамъ. Чеховъ и Горькій. Изд. М. Пирожкова. Сиб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

черезъ, сквозь него къ Духу. Нѣтъ, кажется, такой точки зрѣнія на которой не стоялъ бы Мережковскій, нѣтъ такого философскаго міровоззрѣнія, котораго бы онъ не защищалъ со страстностью и убѣжденностью.

Еще очень недавно Мережковскій всенародно каялся въ своихъ заблужденіяхъ, бичевалъ себя съ какимъ-то аскетическимъ смиреніемъ. „Я теперь сознаю, писалъ онъ, какъ близокъ былъ къ Антихристу, какую страшную силу его притяженія испыталъ на себѣ, когда бредилъ о грядущемъ папѣ-кесарѣ, царѣ-священникѣ, какъ предтечѣ Христа-Грядущаго. Но я благодарю Бога за то, что прошелъ этотъ соблазнъ до конца“. Признаніе, конечно, соблазнительное для учениковъ Д. Мережковскаго. Ученіе начинается съ вѣры, но какъ повѣрить въ слово учителя, если онъ свои недавнія убѣжденія объявляетъ соблазномъ. Невольно колеблешься какъ же принимать его новую проповѣдь? Не объяснить ли онъ черезъ годъ, или черезъ два и вотъ это ученіе о вѣрѣ „черезъ“ Христа, о религіи Святой Троицы — „страшной силой Антихристова притяженія“? У нашихъ критиковъ стало уже общимъ мѣстомъ обвинять Д. Мережковскаго въ томъ, что всѣ его проповѣди—лишь минутныя увлеченія „новыми“ словами, можетъ быть искреннія, но глубоко не пережитыя, скорѣе надуманныя, чѣмъ выросшія органически.

Однако, стоитъ нѣсколько пристальнѣе всмотрѣться въ смѣну міросозерцаній Мережковскаго, чтобы увидѣть въ нихъ какъ разъ противоположное. При всѣхъ частныхъ противорѣчійхъ, въ развитіи его идей есть необыкновенная стройность, какая-то математическая логичность. Постепенный ходъ его мысли хочется изобразить въ формѣ идеально-правильной кривой, каждый отрѣзокъ которой опредѣляетъ ее всю. Когда эта кривая будетъ вычерчена до конца, мы увидимъ, что все, казавшееся уклоненіемъ съ пути, было лишь выполненіемъ строгаго закона, раскрытіемъ единой неизблемой формулы. Слышавъ религіозную проповѣдь Мережковскаго, начинаешь понимать, почему въ первой его книгѣ стояли эпиграфы изъ Святого Писанія, казавшіеся столь неумѣстными тамъ, почему сборникъ „Символы“ открывался стихотвореніемъ „Богъ“. Узнавъ ученіе Мережковскаго о Христѣ Грядущемъ, о Христѣ Славы и Силы, видишь, что это ученіе съ необходимостью включаетъ въ себя, какъ необходимую часть, язычество. Наконецъ, послѣ критики Мережковскаго историческаго христіанства, оправдываешь отношеніе къ „галилейству“ его первыхъ книгъ. Отъ позитивизма и позитивной морали—къ возвеличенію своего я, къ „человѣкобожеству“; отъ языческаго культа личности—къ мистическому, къ „богочеловѣчеству“; отъ религіи Христа Пришедшаго, къ ученію о Христѣ Грядущемъ и далѣе къ религіи Святой Троицы, къ Церкви Іоанновой — все это

одинъ путь, неизмѣнно устремленный впередъ, въ которомъ есть неожиданные переходы, но нѣтъ нигдѣ поворота назадъ.

Мережковскій напоминаетъ, что Гоголь считалъ главнымъ дѣломъ своей жизни одно: „какъ выставить чорта смѣшнымъ“. Но именно это дѣло оставалось всегда главнымъ и для самого Мережковскаго, при всѣхъ переменѣхъ его убѣжденій. Чортъ, по опредѣленію Мережковскаго, это—воплощеніе „смердяковскаго духа“, „лакей“ по природѣ, вѣчная „срединность“ и „сѣрость“, „безсмертная пошлость людская“. И неустанные переходы Мережковскаго изъ одного стана въ другой объясняются прежде всего тѣмъ, что вездѣ видѣлъ онъ торжество своего исконнаго врага. Онъ не могъ не почувствовать властнаго его присутствія и въ средѣ русскихъ либераловъ—позитивистовъ, которые въ концѣ 80-хъ годовъ заволакивали своей зеленоватой плѣсенью чуть не всю „интеллигентную“ жизнь Россіи;—и у декадентовъ, быстро изготовившихъ прочные и дешевые шаблоны для повседнежнаго употребленія;—и въ Религіозно-Философскихъ собраніяхъ, гдѣ собирались свѣтскія дамы, „интересующіяся“ религіей, и важные іерои, снисходящіе къ интеллигенціи;—и на митингахъ всякихъ прогрессивныхъ партій, гдѣ всѣмъ вмѣняется въ обязанность быть похожими другъ на друга. И, конечно, если и еще разъ, въ новыхъ ученикахъ своихъ, Мережковскій вновь увидитъ знакомый ликъ Чорта, харю Хама,—онъ опять возьметъ свой странническій посохъ и не побоятся еще и еще „новаго“ пути.

Чортъ есть вѣчная половинность, полу-вѣра, полу-знаніе, полу-искусство. Поэтому борьба съ Чортомъ начинается борьбой за полноту, за цѣльность, за истинную вѣру, за истинную науку, за истинное искусство. Здѣсь второе дѣло, которому никогда не измѣнялъ Мережковскій: его культурное строительство. Отвергая бывшихъ соратниковъ, отрекаясь отъ недавнихъ алтарей, Мережковскій оставался всегда вѣренъ великому (хотя и малому числомъ) масонству людей истинной культуры, вѣренъ алтарю, на которомъ разныя вѣка писали разныя надписи: „эллинизмъ“, „возрожденіе“, „просвѣщеніе“, „знаніе“... И какъ членъ этой общины, Мережковскій всегда былъ и остается, можетъ быть противъ своей воли, союзникомъ тѣхъ, кто понималъ и оцѣнилъ сдѣланное въ концѣ прошлаго вѣка такими знаменосцами, какъ Ницше, Ибсенъ, Матерлинокъ, Уайльдъ... „Ежели послѣдняя цѣль христіанства—пишетъ самъ Мережковскій*—не дѣло одного личнаго спасенія, но и спасенія всеобщаго, всечеловѣческаго, которое достигается въ процессѣ всемірнаго развитія, то нельзя не признать, что послѣдній идеаль Богочеловѣчества достижимъ только черезъ идеаль всечеловѣчества, т. е. идеаль вселенскаго, всѣ наро-

* Градушій Хамъ, стр. 113.

ды объединяющаго просвѣщенія, вселенской культуры“. Этому идеалу „вселенской культуры“ Мережковскій не переставалъ служить ни на одной изъ стадій своего развитія.

И въ этомъ смыслѣ Мережковскій—одинъ изъ немногихъ у насъ писателей для взрослыхъ. Въ Россіи особенной заслугой считается быть популяризаторомъ уже кѣмъ-то когда-то сказанныхъ истинъ, и всѣ писатели (какъ всѣ журналы съ „Міромъ Божиимъ“ во главѣ) стремятся писать „для самообразованія“. При всей почтенности этой педагогической задачи, ревностное выполненіе ея всѣми просто уничтожило бы существованіе русской литературы. Мережковскій одинъ изъ двигателей, а не распространителей, онъ ставитъ вопросы, а не повторяетъ старые отвѣты, онъ писатель — европейскій, а не мѣстный, русскій. Книги Мережковскаго—для всего человѣчества, для всѣхъ вѣковъ, а не для узкаго, опредѣленнаго круга, потому что говорится въ нихъ о томъ, что важно для каждаго человѣка, когда бы онъ ни жилъ. И всѣ критики и всѣ оппоненты Мережковскаго, роковымъ образомъ оказываясь неспособными стать съ нимъ рядомъ, напасть на него лицомъ къ лицу, всякій разъ только рѣзче выставляли его значеніе, какъ говорящаго что-то новое, еще никѣмъ не сказанное.

Въ заглавіи двухъ послѣднихъ книгъ Мережковскаго стоятъ слова Чортъ и Хамъ. Это два разныхъ имени одного и того же общаго намъ, съ Мережковскимъ, врага: срединности, пошлости, некультурности. Вотъ почему, какъ бы мы, глаголаемые декаденты, не относились къ убѣжденіямъ Мережковскаго, принимая его вѣрованія и его доводы или отвергая и оспаривая ихъ,—мы всегда сознаемъ себя, если не соратниками, то союзниками съ нимъ. Мы часто говоримъ слова, противоположныя его словамъ, даже враждебныя ему, но мы понимаемъ и принимаемъ его. Напротивъ, слишкомъ многіе, которые на словахъ казались близкими ему, (напр., прежніе члены Религіозно-Философскихъ собраній), безнадежно были чужды ему по духу, и не было у нихъ съ нимъ ничего общаго, кромѣ словъ. Мы, въ нашей враждѣ, можемъ гдѣ-то, въ какихъ-то дальнѣйшихъ путяхъ, нашихъ и его, еще сойтись съ нимъ. Тѣ — никогда не могли даже разслыхать его рѣчь, хотя думали, что стоятъ рядомъ съ нимъ или у ногъ его.

ОБЪ ЭСТЕТИЧЕСКОМЪ НИГИЛИЗМЪ.

И. О. Анненскій. «Книга отраженій» СПб. 1906.

I.

Въ этой книгѣ гдѣ то говорится о „коршунѣ Промеея“. Очень это выразительно для автора. Всѣ говорятъ Прометей, а онъ—Промеея. Никто ему не указъ. Онъ захочетъ,—напишетъ утонченнѣйшій *essai* о Бальмонтѣ (стр. 213), захочетъ — сочинитъ суконнѣйшую статью о суконнѣйшемъ Писемскомъ (75—111). То посвятитъ Чеховскимъ „сестрамъ“ стихотвореніе въ прозѣ — прелестное стихотвореніе (169), то побрызжитъ насчетъ „современной драмы настроеній съ ея мелькающими въ окнахъ свѣчами, завываніями вѣтра въ трубѣ, капляющими и умирающими на сценѣ“ (стр. 83). Захочетъ — и, на зависть Скабичевскому, отдастъ десять страницъ „характеристикѣ“ Ананія Яковлева изъ „Горькой Судьбины“, а захочетъ, — и выкрикнетъ:—„Сумасшедшій это, или это онъ, вы, я? Почему я знаю? Оставьте меня. Я хочу думать. Я хочу быть одинъ“, (стр. 37). Капризенъ очень г. Анненскій. Трудно съ нимъ будетъ г-ну А. Б. изъ „Міра Божьяго“. Кто онъ,—декадентъ, толстовецъ, членъ партіи правого порядка? А темы г. Анненскаго! — Музыкаленъ ли геній Толстого? — Какъ отразилась болѣзнь Тургенева на его „Кларѣ Миличъ“? — Параллель между королемъ Лиромъ и Гоголевскимъ „Носомъ“. — Виньетка на сѣрой бумагѣ къ „Двойнику“ Достоевскаго. — Красочныя, отвлеченныя, оксиморныя и перепѣвныя сочетанія у К. Д. Бальмонта. Воистину Промеея — этотъ г. Анненскій. И радъ онъ этому и кокетничаетъ этимъ.

II.

Книга его—интимнѣйшее созданіе въ области русской критики. Это даже не книга, а листки изъ записной книжки, записки изъ подполья. И. О. Анненскій—это такъ необычно въ русской критикѣ! — ничего не доказываетъ, ни съ чѣмъ не споритъ, ни съ кѣмъ не полемизируетъ. Онъ просто отмѣчаетъ на поляхъ любимыхъ книгъ свои впечатлѣнія, свои мечты, свои догадки, свои завѣтнѣйшія, по-

рою неуловимыя мысли—мысли подпольнаго человѣка.—„Я человѣкъ больной, я злой человѣкъ“ — всякой своей строкой говорить онъ— „непривлекательный я человѣкъ“. Думаю, что у него „болитъ печень“. Очень болитъ. Въ книжкѣ своей онъ пишетъ только о любимыхъ своихъ писателяхъ, но посмотрите, какъ терзаетъ, онъ этихъ любимыхъ. Какъ радуется, какъ потираетъ онъ руки, открывая, напр., что свѣтлая повѣсть о Кларѣ Миличъ порождена предсмертными страданіями и что въ мукахъ зачатъ развеселый Гоголевскій „Ночь“.

О „Господинѣ Прохарчинѣ“ онъ такъ и признается:—„Я люблю (замѣтите это люблю!) и до сихъ поръ перечитывать эти чадныя, молодыя, но уже такія насыщенные мукой страницы, гдѣ ужасъ жизни исходитъ изъ ея реальныхъ воздѣйствій“ и т. д.

Этюдъ г. Анненскаго о „Власти Тьмы“—чуть ли не самое злое и самое желчное, что было сказано о Толстомъ. И тѣмъ злѣе самое это злое, что вытекаетъ оно изъ восторженнаго:—„Въ чьей дѣятельности было болѣе дерзанія? Чей анализъ былъ глубже и безстрашнѣе? — Но не будемъ закрывать глазъ на цѣну этого дерзанія и этого мужества. Сквозь Митрича я вижу не ересіарха, я вижу и не реалиста—художника. Я вижу одно глубокое отчаяніе. Вотъ она черная бездна провала, поглотившая всѣ наши иллюзіи: и героя, и науку, и музыку... и будущее... и, страшно сказать, что еще поглотившая...“ (126 стр.).

Какъ подпольный человѣкъ радовался своей зубной боли, такъ и г. Анненскій радуется, когда достигнетъ у Достоевскаго „бездны ужаса не только въ скверныхъ анекдотахъ, но даже въ приключеніяхъ подъ кроватью въ жанрѣ Поля де-Кока“ (стр. 46). Ликуетъ, злорадствуетъ, ибо относится къ этимъ безднамъ не какъ къ журнальнымъ схемамъ, а какъ къ собственнымъ страданіямъ. У него, повторяю, дневникъ.

III.

До сихъ поръ журнальная критика была и парламентомъ, и университетомъ, и революціонной баррикадой. Теперь—критика будетъ подпольемъ. Теперь, когда для баррикады найдены Московскія улицы, а для парламента—Таврическій дворецъ, критика, наконецъ-то можетъ уйти къ себѣ въ подполье и освободиться отъ тяжелыхъ оковъ свободолюбія. Больше ужъ ей не придется брать свой журнальный вандализмъ критеріемъ для твореній великаго и мудраго народа.

Теперь, чуть придетъ свобода,—а она придетъ черезъ годъ, черезъ пять, — конецъ этому владычеству гг. Протопоповыхъ, Скабичевскихъ, Богдановичей, — и какъ ихъ еще зовутъ. Пусть себѣ они идутъ въ парламентъ, но что же имъ дѣлать въ искусствѣ! До сихъ

поръ имъ некуда было идти—и они поневолѣ всѣ свои парламентскіе дебаты о лошадныхъ и безлошадныхъ вели подѣ видомъ критики Фета или Достоевскаго.

Теперь критикѣ нужно подполье. Тамъ искусства не дѣлають лозунгомъ политической борьбы. Тамъ страдаютъ искусствомъ, радуются искусству, тамъ—

A thing of beauty is a joy for ever. (Keats).

Порою его тамъ отражаютъ. И вотъ „книга отраженій“. Первая книга будущаго подполья.

Въ подпольи знаютъ тайну самоцѣльнаго духа. Утилитаризма тамъ чуждаются, какъ и въ подпольи Достоевскаго. И о Бальмонтѣ тамъ знаютъ, что „Son influence sur notre jeune littérature a déjà été considérable. Elle ira tous les jours grandissante. Salutaire? Néfaste? Qu'importe! Elle vous apporte de nouvelles matières à penser, de nouveaux motifs de vivre“.

А выше этихъ nouvelles matières да nouveaux motifs не знаетъ подпольный нигилизмъ ничего. Такъ же какъ и встарину, подполье бунтуетъ противъ бентамовской таблицы умноженія. Для него—призывъ къ столу больше хлѣба и колоколь выше колокольни. Духовное творчество является вещью въ себѣ—вотъ скрытый постулатъ подполья. Для него „въ этомъ и лежитъ залогъ широкаго развитія силъ человѣческаго духа въ области эстетической, а также и ея законѣйшаго самоудовлѣненія“ (стр. 18).

А что выше всѣхъ nouveaux motifs — выше и колокола, и колокольни—подполье не знаетъ. Въ подпольи темно и душно.*

Корнѣй Чуковскій.

* Конечно, я взялъ г. Анненскаго въ идеальномъ его направленіи. Мнѣ кажется, что критика должна брать писателя не въ его отклоненіяхъ отъ себя, а, напротивъ, въ его приближеніяхъ къ себѣ. Я знаю, нервность г. Анненскаго часто фальшива, его пафосъ поддѣленъ, интимный стиль его часто переходитъ въ вульгарный. Многое произвольно и не оправдывается даже формой, которую онъ отвоевалъ себѣ. Знаю я также, что не все у него отъ Промея, а кое-что и отъ Мережковскаго. То, напр., послышится „Гоголь и чортъ“, то „Толстой и Достоевскій“. А нижеслѣдующая цитата развѣ не вся она изъ Михайловскаго: „Въ ученіи Толстого есть одно недоразумѣніе или, можетъ быть, противорѣчіе, лишь иллюзорно прикрытое: это ученіе, ждущее отъ людей смиренія, само основано на гордынѣ. Кто смѣетъ встать между мною и моею правдой? Богъ во мнѣ и нигдѣ болѣе“. Все это я прекрасно вижу, но пытаюсь постичь писателя въ его ликѣ, а не въ его лицѣ, въ утвержденіи, а не въ отрицаніи его духа.

К. Ч.

О КНИГАХЪ.

I. КРИТИКА.

EMILE DESPAX. La Maison des Glycines. 1899—1905. Ed. Mercure de France. Paris.

Со времени появленія „Maison de l'Enfance“ г. Ф. Грѣга, сборника стихотвореній, увѣнчаннаго Академіей, многія другія книги въ своихъ заглавіяхъ стали наивно повторять это слово „maison“. И если даже названіе измѣнялось у иныхъ, то у всѣхъ было явно желаніе понравиться этой Академіи, такъ неожиданно озаботившейся освятить своимъ официальнымъ сочувствіемъ нѣкоторыхъ новыхъ поэтовъ. Я говорю „нѣкоторыхъ“ и „новыхъ“ въ смыслѣ ново-прибывшихъ. Дѣло въ томъ, что, кажется, существуетъ безмолвное и некрасивое согласіе между иными поэтами изъ „оппортюнистовъ“ съ одной стороны, и университетскими консерваторами и другими представителями старой школы романтиковъ и парнасцевъ съ другой,—соглашеніе въ томъ, что, признавая Верлена, Мореаса, де-Ренье и, отчасти, Верхарна, они стараются убѣдить (и дѣлаютъ видъ, что сами въ это вѣрятъ), будто эти „нѣкоторые“—являются естественнымъ слѣдствіемъ всего поэтического движенія столь самопроизвольнаго, могучаго и сложнаго, послѣднихъ двадцати лѣтъ. Умышленно, или благодаря роковой неспособности понять и продолжить это движеніе, они избираютъ тѣхъ поэтовъ или тѣ части въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ, которые лишь незначительно удаляются отъ творческой манеры романтиковъ и парнасцевъ. Рѣшившись такимъ образомъ на компромиссъ, они въ то же время вооружились всей энергіей нѣмой реакціи противъ тѣхъ писателей, имена которыхъ звучатъ какъ смертный приговоръ для этой клаки. Между тѣмъ это враждебное молчаніе вѣрнѣе всего показываетъ, что ихъ не покидаетъ мысль о тѣхъ людяхъ, которые создали и продолжаютъ истинную эволюцію, поэзія:—это Маллармэ, Г. Канъ, Вяле-Гриффинъ, представители „символизма“, и я—самъ, стоящій во главѣ „Научной Поэзіи“.

Книга Эмиля Деспакса будетъ тоже коронована Академіей и по

той же причинѣ, какъ и книги гг. Грэга и Л. Ларгье. Эти трое, въ самомъ дѣлѣ, могутъ служить оправданьемъ для пыльнаго г. Фаге, заявившаго недавно, что онъ ждетъ возрожденія „романтической школы“ *. Каждый изъ нихъ дебютировалъ обращеніемъ къ Виктору Гюго, у котораго они, если и не заимствовали столь желаннаго генія, придающаго движеніе его языку и ритму, то вполне переняли всѣ поэтическіе приемы. Впрочемъ, болѣе ловкій г. Грэгъ вдохновлялся, хотя и въ небольшихъ дозахъ, Верленомъ и де-Ренье, сочетая все это въ своихъ отрывочныхъ поэмахъ со „свободнымъ стихомъ“ Кана. Не погнушался онъ позаимствовать инья вдохновенія, расширившія его „духовный міръ“, и у меня самого. Онъ не забылъ также „Les Viscoliques“ графини де-Ноайль. Его романтизмъ эклектиченъ и дипломатиченъ. Г. Ларгье, вѣнчающій самъ себя тѣми лаврами, что въ большомъ изобиліи растутъ въ его собственныхъ поэмахъ, объявляетъ, изъ своей провинціи, что „съ послѣдними школами и символизмомъ случилось то же, что бываетъ съ исчезнувшей луной“ и что „пришелъ конецъ Научной Поэзіи“. Я, которому не приходится отрицать никого, такъ какъ никто мнѣ не мѣшаетъ, я уже говорилъ на этихъ страницахъ, съ безпристрастіемъ о всемъ прекрасномъ и искренномъ, что я нашель въ книгахъ гг. Грэга и Ларгье. Я одинаково буду говорить о томикѣ г. Э. Деспакса, который тоже изъ искреннихъ **.

Въ лицѣ г. Э. Деспакса мы встрѣчаемъ поэта очень искренно влюбленнаго въ Красоту,—но его чувствованіе Красоты не освободилось отъ классическихъ воспоминаній о Элладѣ и Римѣ. Даже тогда, когда онъ открываетъ свою душу и свой разумъ для предметовъ жизни его окружающей, поэма его живетъ въ атмосферѣ древней и какъ бы разрѣженной и современна въ ней лишь благородная меланхолія, которая оттѣняетъ контуры его видѣній. Онъ самъ говорить о себѣ:—

* По поводу одной литературной анкеты, о которой мы еще будемъ говорить подробнѣе: *La littérature contemporaine.* — Georges Le Cordonnet et Charles Vellary. Mercure de France.

** Замѣчу, что мнѣ приходится дѣлать надъ собой усиліе, допуская что эта книга, какъ, впрочемъ, всѣ современныя книги стиховъ, есть лишь «Сборникъ» разрозненныхъ поэмъ, не спаянныхъ одной направляющей идеей, а вызванныхъ случайно пришедшимъ вдохновеніемъ; лично я понимаю книгу лишь единую и слитную, и даже только одно произведеніе, теорію и примѣръ котораго почти всѣ поэты моего поколѣнія приняли съ одинаковымъ усиліемъ... Но, конечно, я не настаиваю на этомъ требованіи, ибо наши «молодые поэты» врядъ ли болѣе способны создать свое единство, чѣмъ пересоздать міръ въ себѣ самихъ, въ своей слишкомъ противорѣчивой совѣсти.

Mon désir, comme un arc est tendu vers la vie.
 Mais la flèche, aux doigts gourds de l'archer, fut ravie
 Et l'arc se tend en vain...

Эта романтическая меланхолія, которая можетъ быть названа родственной де-Виньи, хотя порою и превращается къ захватывающую нѣжность Роденбаха,—безспорно прекрасна и человѣчна и мы по праву назвали Деспакса искреннимъ поэтомъ. Столь же искренень онъ въ своемъ поэтическомъ ремеслѣ, и въ творествѣ его нѣтъ ничего неожиданнаго, но зато и ничего небрежнаго и слабаго. Всѣ источники старой стихотворной метрики знакомы ему и владѣть онъ ими съ увѣренностью и ловкостью поразительными, но что касается Ритма, то, кажется, онъ и не подозрѣваетъ всего того, что, (весьма различное, впрочемъ) говорили объ немъ Г. Канъ и я. Въ этомъ отношеніи книга г. Деспакса—родъ любопытнаго анахронизма, и могла бы быть изданной болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, до нашего великаго движенія, освободившаго Ритмъ. Естественно, что, подобно тому какъ въ формѣ стиха, г. Е. Деспаксъ оказываются отсталымъ и въ содержаніи своихъ поэмъ. Онъ не имѣетъ никакого понятія о приѣмѣ творчества, основанномъ на тонкихъ аналогіяхъ, открытомъ Символизмомъ, и еще менѣе—объ единеніи Человѣка со Вселенной черезъ исканія синтеза отношеній, составляющія предметъ „Научной Поэзіи“. Темы г. Деспаксъ это „вѣчно-лирическіе мотивы“, которыми довольствуется г. Грегъ и которые неутомимо перепѣваетъ, съ привлекательнымъ своеобразиемъ, г. Деспаксъ. И вотъ почему, на мой взглядъ, такъ прекрасна, несмотря на образы римскихъ поэтовъ, жгучая и вѣчно-взрагивающая человѣческой дрожью, поэма, озаглавленная „Investives“. Встрѣчаются и другія подобныя вещи, напримѣръ: „Art profond“ и большая часть краткихъ размышленій, разбросанныхъ по книгѣ, подъ заглавіемъ „Soir“. Мнѣ нравится еще, и серія (напоминающая Вьеле-Гриффина), озаглавленная „Airs de France“, въ которой Деспаксъ, поэтъ особенно сентиментальный и нѣжный, нашель поистинѣ восхитительныя варьяціи нашихъ старинныхъ пѣсенокъ и хороводовъ, которыми перемежаются наивныя дѣтскія слова и которыя не забываются съ лѣтами.

Я чувствую, что г. Деспаксъ не двинется дальше и не сможетъ вдругъ, отбросивъ свои литературныя воспоминанія, сдѣлаться самимъ собою въ Жизни. Тогда онъ узналъ бы, какъ онъ далекъ отъ Нея и отъ поэтической Мысли, ведомой впередъ, несмотря на реакцію, своей скрытой и глубокой Силой. Однако, повторяю, Деспаксъ искренень, и этимъ самымъ заслуживаетъ нашего полнаго уваженія.

ALGERNON CHARLES SWINBURNE. Selections from his Poetical Works. Chatto & Windus. Eleventh Ed. 1906. 6/6.

Нигдѣ ханжество и лицемѣріе англійскаго Хама не сказывается сильнѣе, чѣмъ въ этихъ вылизанныхъ и вычищенныхъ Selections изъ великихъ титановъ англійской поэзіи. Все, что есть пошлаго, безличнаго, посредственнаго въ данномъ поэтѣ преподносится читателю въ качествѣ избранныхъ его твореній, а самое выразительное, самое выпуклое и рельефное—боязливо укрывается подальше отъ безцвѣтныхъ очей Mrs Grundy *. Байронъ безъ Донъ-Жуана, Шелли безъ Cenci, Уитманъ безъ Children of Adam—вотъ ея идеаль, которому стараются угождать издатели. Въ лежащей передъ нами книгѣ облыганъ и обокраденъ одинъ изъ величайшихъ поэтовъ. Это — наиболѣе популярное изданіе Суинбёрна, именно потому, что въ немъ нѣтъ ничего Суинбёрнскаго. Здѣсь поэтъ меньше всего является собою. Истинный Суинбёрнь—это пьяный, бредовой восторгъ передъ жизнью, восторгъ, доходящій до боли, до слезъ, это неудержимыя, безконечныя пѣсни, гдѣ въ богатую гирлянду сплелись всѣ цвѣты, всѣ звѣзды, всѣ радуги, всѣ благоуханья жизни,—пѣсни неслыханнаго дерзновенія, изступленнаго порыва. Истинный Суинбёрнь—это Врубель въ стихахъ, но только еще пьянѣе, только еще дерзновеннѣе. Онъ весь вылился въ первой молодой своей книжкѣ Poems and Ballads, гдѣ нечеловѣческой красоты образы и видѣнія несутся предъ очами въ какомъ-то безумномъ ураганѣ — безъ линий, безъ контуровъ, въ ослѣпительномъ сверканіи красокъ. Истинный Суинбёрнь только тамъ, только въ этихъ твореніяхъ. И потому - то издатель „избранныхъ“ его вещей—не далъ ни одной строчки изъ этого цикла. Потомъ, въ дальнѣйшемъ творествѣ—какъ это всегда бываетъ—поэтъ осозналъ себя, осозналъ свое жизнеощущеніе, и сдѣлалъ его логической системой, сдѣлалъ его философійей. И, какъ это всегда бываетъ, жизнеощущеніе его отяжелѣло, стихи его стали болѣе дидактичны, и сквозь осмотрительно выбранные образы, нѣтъ-нѣтъ, да и проглянетъ схема. И потому-то издатель преподнесъ публикѣ наибольшее количество этихъ послѣднихъ твореній. А такъ какъ въ глубинѣ души публикѣ этой чрезвычайно хотѣлось бы, чтобы всѣ ея поэты походили на Вордсворта или, по крайней мѣрѣ, на Теннисона, то въ Selections видно стремленіе сдѣлать Суинбёрна послаще и поприторнѣе. Такъ, большая часть стиховъ въ этомъ сборникѣ посвящена дѣтямъ. Конечно, это не тѣ идиллическія дѣти англійской поэзіи старыхъ дѣвъ, которыхъ хотѣлось бы видѣть Mrs Grundy, но во всякомъ случаѣ и они способны сдѣлать безумнаго, пьянаго жизнью Суинбёрна ручнымъ и благонравнымъ. Для Суин-

* Mrs Grundy—„княгиня Марья Алексѣевна“ англійскаго общества.

бёрна дѣти—мистическое отраженіе небесъ (но не въ небесахъ здѣсь дѣло для Mrs Grundy), и онъ настойчиво, даже однообразно повторяетъ эту идею во многихъ позднѣйшихъ своихъ стихахъ. Эти стихи принадлежать къ числу его слабѣйшихъ. Вотъ по-чѣму они и нашли себѣ приютъ въ этой книжкѣ.

Но, конечно, окончательнo сдѣлать Суинборна Теннисономъ не удалось даже Mrs Grundy. Въ книжку проскользнули такія непревзойденныя творенія какъ *Hertha*, *Off Shore*, *Adyomena*, *By the North Sea*. Но о нихъ мы надѣемся побесѣдовать особо—въ отдѣльной статьѣ о Суинбёрнѣ.

К. Чуковский.

М. ХОДЫРЕВА. Намеки и облики. Сказки. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Хочется г-жѣ Ходыревой заслужить званіе „декадентки“, по всему видно, какъ пламенны ея симпатіи къ этому литературному теченію, но понятія о немъ у г-жи Ходыревой крайне элементарны и трогательно наивны. Поменьше простоты, побольше туманностей и тумановъ, луннаго свѣта, могильныхъ крестовъ, всякихъ несообразныхъ ужасовъ, — вотъ и выйдутъ символическія сказки, вотъ и совершится желанное приобщеніе къ „декадентству“, простодушно думаетъ она. Такъ и рисуется ея образъ: на бутафорской скалѣ, вся закутанная въ театральный плащъ, который непремѣнно падаетъ „живописными складками“, стоитъ дама и въ непрестанномъ паеосѣ вѣщаетъ всѣ рѣчи не простыя. Но увь! несмотря на всѣ ухищренія и завитки, несмотря на упорную погоню за небывалыми образами, воображеніе ея беспомощно плетется все по знакомымъ, ахъ, какимъ знакомымъ дорогамъ! И претенціозныя краски, умѣстныя лѣтъ 10 назадъ, когда онѣ могли вызвать хотя любопытство, теперь сливаются въ досадныя, давно и всѣмъ надоѣвшія пятна. Но что всего печальнѣе, — вмѣсто „намековъ“ и туманныхъ „обликовъ“, что обѣщаетъ заглавіемъ своей книги г-жа Ходырева, каждая вещь ея есть ни что иное какъ самымъ старательнымъ образомъ вычерченная аллегорія. Вотъ напр. сказка — „Между двумя робберами“. — Послѣ оживленной игры въ винтъ, въ комнатѣ, окутанной волнами табачнаго дыма, разговорились карты, брошенныя на столѣ. Тутъ и побѣдители и побѣжденные. Всѣ волнуются и обсуждаютъ происшедшее, но никто не можетъ понять, отчего въ одномъ лагерѣ пораженіе, а въ другомъ, отъ одного случайнаго хода, все склонилось къ побѣдѣ, будто сраженіемъ управляла чья-то недоступная пониманію воля. Старики—короли философствуютъ, ихъ дамы беззаботно кокетничаютъ, тузъ трефъ горько жалуется на „всеобщую несправедливость“. Однимъ словомъ, карты думаютъ и поступаютъ и беспомощны въ борьбѣ съ рокомъ ну, точь въ точь какъ люди. Кажется, все ясно,—это въ миниатюрѣ человѣческая жизнь. И такъ аллегорія до-

статочно топорна. Но г-жѣ Ходыревой этого мало. „Кто знаетъ“, размышляетъ у нея червонный король, „можетъ быть тамъ, за этими темными тучами, тамъ, гдѣ сіяетъ золотое свѣтило, обитають Существа совершенныя... Существа, пресвосходство которыхъ внѣ пониманія маленькихъ картъ... Великое Нѣчто управляетъ свѣтилами. Оно разумно это великое нѣчто“. И уже совсѣмъ въ заключеніе мораль: „Только имѣя подобную вѣру, можно безропотно переносить дальнѣйшее существованіе... Поэтому, возложивъ все упованіе на Тѣхъ, Кто изъ ничтожнаго картона создалъ такія яркія фігуры, Кто въ цѣлой колодѣ не сдѣлалъ двухъ одинаковыхъ картъ,—слѣдуетъ терпѣливо переносить всѣ испытанія, твердо вѣруя, что все имѣетъ свыше опредѣленныя причины“... Наидрагоцннѣйшимъ перломъ всей книги можно считать сказку подъ заглавіемъ „Феликсъ“. Такъ начинается она: „Кресты... Кресты... Кресты... Направо... Налѣво... вездѣ... Нѣмые, холодные...“ Дѣйствіе происходитъ на кладбищѣ, конечно, ночью. Туда приходитъ прекрасная дѣвушка дать обѣтъ безбрачія, чтобы не произвести на свѣтъ младенца, который и въ могилѣ будетъ проклинять мать за тѣ муки, какими терзаетъ жизнь каждое живое существо. Изъ могилъ слышатся раздирающіе стоны. Стонетъ недавно похороненная дѣвушка, голосить въ мрачномъ склепѣ „богатый купецъ“, плачетъ поэтъ. Страшно! Это было осенью. Весной дѣвушка опять приходитъ на кладбище, но уже въ другомъ настроеніи. Хочется любить! Но младенецъ долженъ явиться особенный „небесный малютка“, чуждый земному горю. А какъ этого достигнуть? Кого же полюбить? Вотъ идетъ она посоветоваться съ колдуньей. Колдунья, какъ водится, живетъ въ избушкѣ. Понимаетъ она дѣвицу съ полу-слова и обѣщаетъ привести мужа пригоднаго для не вполне обычныхъ намѣреній красавицы. И привела колдунья мужа. Онъ оказался больнымъ какой-то „страшной“ болѣзью. Лицо и тѣло у него — сплошная язва. Дѣвица въ ужасѣ, но дѣлать нечего: „если ей суждено поступиться собственнымъ счастьемъ, если укору совѣсти не дадутъ ей иначе покою,—она станетъ женою чудовища“. О послѣднемъ дѣйствіи этой сказки какъ-то не хочется и говорить. Картонные ужасы его раскрашены въ тонахъ Емельянова-Коханскаго, нашего незабвеннаго, доморощеннаго декадента. Младенецъ рождается мертвымъ. Мораль опять ясна безъ словъ. Въ такомъ же родѣ и всѣ остальные страницы книги,—нелѣпыя, безвкусныя, ученически-наивныя вымыслы досужей фантазіи г-жи Ходыревой.

Нина Петровская.

HERMANN HEJERMANS. Allerseelen. Ein Spiel in 3 Acten. Egon Fleischel. Berlin 1906.

Новая пьеса небызвѣстнаго голандскаго драматурга Г. Гейерманса, появившаяся по-нѣмецки, вводитъ насъ въ жизнь небольшой

сельской общины, руководимой пасторомъ Нансеномъ. Въ бурную, дождливую ночь стучится въ его жилище больная, измученная, беременная женщина. Она прѣехала въ мѣстечко, желая навѣстить свою мать. Оказалось, что послѣдняя давно умерла. Нансенъ пріютилъ у себя странницу и, такъ какъ у нея начались роды, пригласилъ къ ней врача и сидѣлку. Женщина—Рита—разрѣшилась дочкой, которую Нансенъ поручаетъ прихожанкѣ, такъ какъ Рита по слабости не въ состояніи кормить свое дитя. Мѣстная община, узнавъ, что пасторъ пріютилъ у себя беременную женщину, состоящую въ незаконномъ бракѣ, приходитъ въ ужасъ. Все населеніе требуетъ немедленнаго удаленія Риты, устраиваетъ сходки и демонстраціи противъ Нансена. Конечно, Нансенъ, понимающій иначе свои обязанности, отказывается это сдѣлать. Тогда пасторъ сосѣдней общины, Бронкъ, доноситъ о происшедшемъ епископу и Нансена отрѣшаютъ отъ церковной службы. Между тѣмъ ребенокъ Риты, котораго прихожанка отказывается кормить, погибаетъ. Рита въ отчаяніи близка къ безумію. Въ это время, случайно, прѣзжаетъ въ селеніе ея любовникъ. Онъ своей любовью успокаиваетъ ее. Послѣдняя сцена рисуетъ трогательную картину разставанія Риты и ея любовника съ Нансеномъ. Пьеса желаетъ обнаружить несостоятельность христіанства, даже въ самыхъ лучшихъ носителяхъ его. Нансенъ страдаетъ Ритѣ прежде всего въ надеждѣ вернуть ее къ вѣрѣ. Но, когда онъ убѣждаетъ ее спасти свою душу и вернуться на лоно церкви, Рита, бросаетъ ему слѣдующія слова: „Нетлѣнно—тѣло; оно переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ; оно превращается въ цвѣтокъ и листъ и снова въ землю и дыханіе... Вспомни жизнь. Мы никогда не жили. Долгіе, долгіе годы мы ваирали ввысь, вмѣсто того, чтобъ обожать землю, по которой мы ходимъ. Какой долгій сонъ! Лишь тогда, когда земля со всѣмъ, что на ней пресмыкается, что на ней лишь терпимо, станетъ страной вѣчнаго солнца, когда исчезнетъ скудная нива и негодныя травы — тогда посмотримъ, что станется съ Богомъ“.

М. Э л ь к и н д ь .

Талашкино. Издѣлія мастерскихъ кн. М. Кл. Тенишевой. Изданіе „Содружества“. Петербургъ. 1905. Цѣна 3 р.

Въ прекрасно изданной книгѣ двѣ статьи: Н. Рериха и Сергѣя Маковского. Первая,—„Воспоминаніе о Талашкинѣ“,—служитъ введеніемъ и носитъ отрывочный, лирической характеръ. „Въ сторонѣ отъ центровъ, внѣ барышей и расчетовъ, творится большое, хорошее, красивое,“ — такъ кончаетъ свои воспоминанія Рерихъ. Вторая статья посвящена описанію художественныхъ издѣлій Талашкинскихъ мастерскихъ кн. Тенишевой, а также оцѣнкѣ дѣятельности руководящихъ работами художниковъ: Малютина, Зиновьева, Беке-

това, Рериха и др. Вотъ какъ характеризуетъ авторъ, между прочимъ, Малютина, — художника, который, какъ извѣстно, является душою всего предпріятія. „Малютина можно „принять“ цѣликомъ, какъ поэта, какъ личность, какъ художественное явленіе. Однако, чѣмъ внимательнѣе знакомишься съ его декоративными опытами и съ направлениемъ, которое онъ проводилъ въ мастерскихъ Талашкина, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что стоялъ онъ очень далеко отъ разрѣшенія сложной и опасной проблемы стиля. Малютинъ—самородокъ, настоящій русскій самородокъ, со всѣмъ хорошимъ и плохимъ, свойственнымъ русскимъ самородкамъ, Большой темпераментъ, упрямая воля, необузданная фантазія; въ немъ удивительно цѣльно то, что называютъ художническимъ нутромъ. И при этомъ никакой дисциплины: полное отсутствіе эстетическаго воститанія, выдержки, чувства мѣры, культуры. Отсюда — неуравновѣшенность вкуса, неумѣніе довершать и заканчивать и какое то убѣжденное пренебреженіе къ задачамъ техники и къ практическому смыслу искусства“. Впрочемъ, главная цѣль и интересъ книги — въ большомъ количествѣ (около 180) прекрасно воспроизведенныхъ автотипическихъ снимковъ съ художественныхъ издѣлій, исполненныхъ въ Талашкинскихъ рѣзныхъ и столярныхъ мастерскихъ по рисункамъ Малютина, Рериха, Врубеля, Головина, Зиновьева и др. Издѣлія керамической мастерской представлены двумя, тремя снимками. Очень интересны стильныя вышивки рукодѣльныхъ мастерскихъ. Вышивки эти, воспроизведенныя въ краскахъ, а также акварели Агнессы Линдеманъ—лучшее украшеніе этого изданія.

Отдѣльно обращаютъ на себя вниманіе страницы, гдѣ С. Маковский пытается выяснитъ вопросъ о стилѣ. Говоря о причинахъ наярѣвшей въ Европѣ и у насъ потребности въ новомъ художественномъ стилѣ въ сферѣ прикладного искусства, авторъ останавливается на характерныхъ признакахъ этого стиля. Такими признаками онъ считаетъ: эклектизмъ, интимность, свободу формъ, а также ихъ національный характеръ. — Новый стиль ведетъ свою родословную не отъ одного какого-нибудь стиля, но отъ многихъ, подобно тому, какъ, на примѣръ, стиль эпохи Возрожденія развился изъ классическаго искусства и готики. — Въ противоположность старинѣ, центръ тяжести нашей роскоши перемѣстился изъ пріемной въ рабочій кабинетъ, въ бібліотеку, въ спальню, въ комнаты „жилая“. Заботы богатаго класса теперь — о красивыхъ мелочахъ, объ изяшной простотѣ повседневныхъ близкихъ предметовъ, не о внушительной декоративности помѣщеній. вмѣстѣ съ неудобными париками и чопорными движеніями ненужны стали и тяжелыя золотыя рамы, и громоздкіе канделябры, и швейцары съ булавами. Если до сихъ поръ они сохранились — это только анахронизмъ. За то безконечно разнообраз-

нѣе и утонченнѣе сдѣлалось отношеніе къ подробностямъ домашней обстановки, къ уютности жилья. — Не смотря на то, что въ настоящее время, подъ вліяніемъ культуры, внѣшніе національные признаки европейскихъ народовъ почти сгладились, тѣмъ не менѣе они не исчезли. Издѣлія Лялика, Гальяра, Фаллиза несомнѣнно—французскіе по духу, тогда какъ Макинтошъ остается англичаниномъ, Ольбрихъ, Ванъ де Вельде, Мозеръ — германцами, финляндскіе модернисты — финляндцами. Въ Россіи же, особенно выдѣляющейся своими внѣшними національными чертами, новый стиль получилъ рѣзко окрашенный народный русскій характеръ.—Наконецъ, что касается вліянія на современную культуру индивидуалистическаго міровоззрѣнія, то оно сказалось и въ области художественной промышленности, гдѣ каждый художникъ стремится къ формамъ свободнымъ отъ всякихъ шаблоновъ, рамокъ и правилъ. Здѣсь авторъ совершенно правильно замѣчаетъ, что опирающееся на этотъ принципъ свободы творчество не должно переходить въ простое проявленіе личнаго своевоія, такъ какъ за этой границей стиль теряетъ свои очертанія, свою убѣдительность и типичность. Однако, подойдя вплотную къ этому существенному для характеристики стиля вопросу, авторъ, къ сожалѣнію, тутъ останавливается и не проводитъ той черты, которая въ области стиля отдѣльное вольное творчество отъ творчества своевольнаго.

Конст. Сянербергъ.

Дѣла III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Изданы подъ редакціей С. Сухонина. Спб. 1906.

Полностью дѣла о Пушкинѣ, хранящіеся въ архивѣ Полиціи, печатаются въ первый разъ, но онѣ уже давно были извѣстны изслѣдователямъ и все существенно изъ нихъ обнародовано. Въ частности П. Ефремовъ, для своего послѣдняго изданія сочиненій Пушкина, использовалъ всѣ эти дѣла, кромѣ одного (о позволеніи Гончарову расплавить статую Екатерины). Настоящее изданіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать единственнымъ и объединяющимъ пособіемъ для ознакомленія съ официальной перепиской Пушкина. Для изученія ея существуетъ два совершенно отдѣльныхъ источника: во-первыхъ, архивъ III отдѣленія, гдѣ собирались подлинники писемъ Пушкина и копія съ писемъ, адресованныхъ Пушкину, во-вторыхъ, архивъ самого Пушкина, гдѣ сохранились подлинники писемъ, адресованныхъ ему, и черновые наброски его собственныхъ писемъ. Чтобы составить полное представленіе объ официальной перепискѣ Пушкина, нельзя ограничиться документами только того или другаго происхожденія. Во-первыхъ, въ III отдѣленіи остались копія не со всѣхъ писемъ, посланныхъ Пушкину Бенкендор-

фомъ и его сподручниками (какъ съ другой стороны у Пушкина уцѣлѣли подлинники не всѣхъ писемъ, извѣстныхъ намъ по копіямъ, оставшимся въ III отдѣленіи). Во-вторыхъ, черновые наброски Пушкинскихъ писемъ часто значительно разнятся отъ окончательной редакціи ихъ и содержатъ свѣдѣнія и поясненія, опущенныя впоследствии. Книга, изданная г. Сухонинымъ даетъ пока наиболѣе полный сводъ документовъ перваго источника; наиболѣе же полный сводъ документовъ втораго источника данъ въ изданной нами книгѣ „Письма Пушкина и къ Пушкину“ (Москва 1903). Оба изданія съ необходимостью пополняютъ другъ друга.

Научное значеніе книги г. Сухонина значительно уменьшается небрежностью ея редакціи. Г. Сухонинъ, въ предисловіи завѣряетъ, что дѣла напечатаны имъ „съ сохраненіемъ орфографіи“, но это неправда. При самомъ бѣгломъ просмотрѣ бросаются въ глаза въ Пушкинскихъ письмахъ формы, которыхъ онъ никогда не употреблялъ (напр., „счастіе“ вмѣсто „шастіе“). Иныя выраженія, прочитанныя г. Ефремовымъ, г. Сухонинъ опускаетъ, какъ неразборчивыя. Не мало у г. Сухонина прямыхъ описокъ и пропусковъ (иногда цѣлыхъ строкъ), что совершенно не позволяетъ полагаться на точность даваемыхъ имъ свѣдѣній. Въ общемъ, въ оцѣнкѣ труда г. Сухонина, мы вполне присоединяемся къ компетентному мнѣнію г. П.Щ., высказанному имъ въ его рецензіи въ журналѣ „Былое“ (1906, № 2): „Изданіемъ г. Сухонина, за неимѣніемъ другаго придется пользоваться, но отнюдь не для какихъ-либо изслѣдованій и специальныхъ работъ: безчисленныя ошибки лишаютъ его всякаго значенія“.

Съ внѣшней стороны издана книга отвратительно.

В. В.

II. БИБЛОГРАФІЯ.

Энциклопедическій Словарь. Дополнительный томъ, ч. 2-я (Гагская конференція — Кочубей). Брокгаузъ - Ефронъ. Спб. 1906 г.

Просмотрѣвъ литературныя статьи этого полутома, отмѣчаемъ нѣсколько пропусковъ и ошибокъ. Стр. 534: Стефанъ Георге (а не Георгъ — George); стр. 616: „Саломея“ драма Оскара Уайльда, а никакъ не Оскара Вильда (въ крайнемъ случаѣ, при буквальной транскрипціи, Wilde = Вильде, а не Вильдъ); стр. 798: „Знамя“ Н. Облеухова не „издается съ 1899 г.“, а прекратилось въ томъ же 1899 году, выпустивъ всего нѣсколько книжекъ; стр. 807: „Скорпионъ“ названіе книгоиздательства, а не какого-то „московскаго альманаха“; въ статьѣ о Реми де-Гурмонѣ не указанъ годъ его рожденія (1858);

въ статьѣ о Р. Дамелѣ не перечислены его произведенія, хотя бы важнѣйшія (кромя *Zwei Menschen*); въ статьѣ о Р. Гаггардѣ не указано, что большинство его произведеній переведено по-русски (какъ это указано въ статьяхъ о многихъ другихъ авторахъ); пропущены: Ф. Вьеле-Гриффинъ (хотя есть не только Верхарнъ, но даже Ф. Грегъ и Ш. Геренъ), И. Коневской, А. Добролюбовъ (хотя есть Вяч. Ивановъ) и Беръ-Гофманъ.

А.

Процессъ 1-го марта, 1881 года. Изданіе И. Балашева. С.-Петербургъ. Цѣна 80 коп.

Книжка, изданная г. Балашовымъ, воспроизводитъ цѣликомъ судебное слѣдствіе 26—20 марта 1881 г. по дѣлу объ убійствѣ Императора Александра II и заканчивается подробнымъ описаніемъ казни пяти цареубійць. Ничего новаго это изданіе не представляетъ. Въ безпристрастномъ изложеніи свидѣтелей ярко выступаетъ кротость и благородство Александра II. Длинная рѣчь прокурора (Н. В. Муравьева) напыщенна и цвѣтиста; она далеко не производитъ такого впечатлѣнія, какъ наивныя показанія очевидцевъ (стр. 90—91). Любопытно, что одинъ изъ главныхъ участниковъ преступленія, носившій свое право въ дуль револьвера (стр. 33), едва умѣлъ писать.

Борисъ Садовской.

RUDIARD KIPLING. The y. Illustrated by F. H. Townsend. Macmillan a. C. Londn 1905. 6/3.

Почти невѣроятно, что апостоль джингоизма—въ то же время авторъ этой книги, исполненный нѣжнаго мистицизма. Лучшій рассказъ, давшій имя всему сборнику—первый. Воображеніе слѣпой женщины населило ея домъ любимыми дѣтьми; къ ней приходитъ человекъ, понимающій ее, и слышитъ дѣтскіе голоса и видитъ образы дѣтей, прячущихся за кустами сада при его приближеніи. Киплингъ вновь, послѣ Метэрлинка, и совершенно иначе, чѣмъ онъ, проникъ въ тайникъ слѣпыхъ душъ.

(La Revue).

RIDER HAGGARD. The return of She. Tauchnitz edition.

Романъ, служащій продолженіемъ знаменитому роману „Она“ („She“), почти столь же увлекательный по сюжету, но написанный гораздо съ меньшимъ тщаніемъ и совершенствомъ.

А.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ. Гоголь и Чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. Книгоиздательство „Скорпионъ“. Мск. 1906 г. Ц. 1 р. 80 к., для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 53 к.

ВЪ ЖУРНАЛАХЪ И ГАЗЕТАХЪ.

Эмиль Верхарнъ.

Габріель Морей сохранилъ для почитателей Верхарна его образъ, какъ человѣка *. Вотъ эти страницы Морей.

Какъ только осенній вѣтеръ развѣетъ послѣдніе опавшіе листья, поэтъ „Мятежныхъ Силъ“ и „Свѣтлыхъ Часовъ“ покидаетъ свой пріютъ въ Saillou-qui-bique, маленькой деревушкѣ, въ лѣсу, въ одной изъ южныхъ бельгійскихъ провинцій, около самой границы съ Франціей, и поселяется въ своемъ зимнемъ жилищѣ, въ Сенъ-Клу, подѣ Парижемъ. Послѣ мѣсяцевъ трудолюбиваго одиночества среди природы, прерывавшагося только нѣсколькими поѣздками къ друзьямъ (напримѣръ, въ Зонненшинъ, на берегу тихаго озера Лисъ, къ художнику Эмилю Клаусу) или нѣсколькими днями отдыха на берегу Сѣвернаго моря, гдѣ-нибудь хорошенькомъ домикѣ Панна или Вестенде, среди сѣрыхъ дюнъ подѣ постоянной яростью безумно любимаго имъ вѣтра,—Верхарнъ чувствуетъ необходимость смѣшаться съ толпой, соприкоснуться вновь съ лихорадочной жизнью большихъ городовъ, вдохнуть воздухомъ искусства, мысли, той напряженной работы, въ которой наслажденіе и пытка.

Вся жизнь, вся внѣшность, все многообразіе громаднаго „города со щупальцами“, каковъ Парижъ,—возбуждаютъ поэта, зажигаютъ его душу, очаровываютъ и вдохновляютъ его: ему все любопытно, онъ хочетъ всего, умѣетъ насладиться всѣмъ. Онъ идетъ по грохочущимъ улицамъ, сквозь движеніе, сквозь крики, сквозь толкотню, пробѣгаетъ по заламъ музеевъ, выставокъ, бродитъ по предмѣстьямъ, гдѣ сверкаютъ по ночамъ высокіе фабричные корпуса, гуляетъ по набережнымъ мимо разгружаемыхъ баржъ, изслѣдуетъ отдаленные городскіе кварталы, изучаетъ молчаливыя пустынные, старыя зданія, памятники, заглядываетъ въ витрины магазиновъ, охотно даетъ себя увлечь въ тотъ водоворотъ безумія, который съ утра до вечера кипитъ подѣ стеклянными куполами универсальныхъ магазиновъ, влюбленъ въ вокзалы желѣзныхъ дорогъ, въ ихъ платформы, въ страшныя и сіяющія машины, побѣждающія пространства, въ желѣз-

* «L'Art Moderne» 1906, № 3. Новый, неизданный портретъ Э. Верхарна, по рисунку съ натуры Т. ванъ-Риссельберга, приложенъ при настоящемъ № «Вѣсовъ».

ныя архитектуры, во всю живописную неожиданность современной жизни, безстрашной и полной рѣзкихъ контрастовъ... И послѣ, вечеромъ, бредя образами, опьяненный движеніемъ и шумомъ, пресыщенный впечатлѣніями, онъ возвращается на высоты бульвара Монтруа, откуда ему еще видно за разсѣянными деревьями прежняго парка Поцца, на который выходятъ его окна,—великое, безконечное свѣченіе того города, въ которомъ днемъ и ночью работаетъ и гудитъ, вѣчно возрастающая сила Толпы, „мѣшающей въ глубинахъ улицъ свои ропоты, свои крики, свою ярость, свою жизнь“.

Вокругъ него, на стѣнахъ—залитыя солнцемъ картины, на письменномъ столѣ и вездѣ на мебели — изящныя, любимыя бездѣлушки, на полкахъ — прекрасныя книги, и все вмѣстѣ образуетъ теплую, уютную среду какой то задумчивости, привѣтливую гармонію вещей, которымъ привѣтствіе поэта придаетъ особое значеніе, особую духовную цѣнность; все кругомъ словно возвеличено и украшено, словно получило какую-то напряженность, какую-то восторженность отъ этого присутствія, отъ дружеской, лирической близости великой души. И онъ здѣсь,—вотъ онъ проходитъ по комнатамъ, въ мягкихъ туфляхъ, въ красномъ сукольномъ камзолѣ, съ шеей повязанной бѣлымъ фуляромъ, съ трубкой въ рукахъ, которую онъ держитъ почти такъ же, какъ бывало Маллармэ...

Очень ясные глаза, блестящіе и подернутые дымкой одновременно, съ кажущимися еще болѣе блестящими глазами и еще болѣе подернутыми дымкой сквозь стекло неизмѣннаго пенснэ; лобъ не очень высокій, но очень широкій, просторный, обширный—подъ спадающими прядями нисколько не вьющихся волосъ, русыхъ, но уже посѣдѣвшихъ; черты лица чистыя, четко вырисованныя, никогда не бывающія не одушевленными, съ волнистымъ подчеркиваніемъ густыхъ и гибкихъ усовъ, въ которые всегда впутывается и пѣпливается черный шнурокъ отъ пенснэ; спина согнутая, но могучаго склада; движенія увѣренныя и точныя; жесты — опредѣленные, рѣшительные, безповоротные; ни въ приемахъ, ни въ словахъ—никакой медлительности; разговоръ поразительно острый и богатый, чарующій мѣткостью мысли и наблюдательности, въ которомъ слова живутъ, создавая картины, открываютъ новые кругозоры, разговоръ стремительный, съ репликами, вызывающими новыя мысли, съ неожиданными выводами, съ восхитительными скачками, со вспышками веселости, со врывами радости, когда вдругъ громко раздается смѣхъ,—свободно разливается и звучитъ мощно и дѣтски-сердечно; таковъ этотъ человѣкъ, таковъ этотъ писатель, совершенно подобный своему творчеству, нервный, всегда неожиданный, пламенный, страстный, искренній, мятежный, краснорѣчивый, непобѣдимый, скорѣе человѣкъ дѣла, чѣмъ мечты!

Да! Верхарнъ подобенъ своему творчеству! Развѣ его лиризмъ, это не лиризмъ дѣла и его поэзія не поэзія дѣла? Развѣ не царить надъ его творчествомъ неодолимая воля, дѣйствующая во внѣ, упорная и терпѣливая жажда побѣды,—побѣды до тѣхъ предѣловъ, до какихъ только возможно,—жажда завоеванія сущаго, всего сущаго, жажда завоеванія черезъ познаніе самого себя, черезъ безмѣрное увеличеніе своихъ страданій, желаній, радостей, упоеній—завоеванія красоты, всей красоты природы и жизни!

Э. Каррьеръ. († въ мартѣ с. г.).

Камилль Мокларъ, въ „Art et Décoration“ (1906, февраль), рассказываетъ свои „Мысли о Э. Каррьерѣ“. Стоящій одиноко въ современномъ искусствѣ, Каррьеръ словно ничего не слышалъ о импрессионизмѣ. Его предшественниками надо считать Рембранта и Веласкеса, но его нельзя сблизить ни съ кѣмъ изъ его современниковъ. Самое большее можно подумать о Рикарѣ, о Уистлерѣ, но лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ увидать, что дѣло идетъ болѣе о внѣшней аналогіи, объ относительномъ сходствѣ на взглядъ, чѣмъ о существенномъ отношеніи. Идеаль Каррьерера ограниченъ. Но его исключительный геній, если и не разливается широко, то далеко идетъ въ глубину. Кажется, Каррьеръ избралъ своимъ принципомъ, что сосредоточенное созерцаніе одной точки во вселенной столь же и даже вѣрнѣе ведетъ къ проникновенію въ тайны вѣчныхъ законовъ, какъ и разсѣянная, всеобъемлющія порыванія души, жаждущей все постичь и охватить все многообразіе формъ и явленій. Каррьеръ обладаетъ рѣдкой силой воли. вмѣсто того, чтобы стремиться объять все и, можетъ быть, оказаться поверхностнымъ, при внѣшнемъ блескѣ, онъ заботится о томъ, чтобы отвергнуть все, что не кажется ему существеннымъ. Вотъ почему онъ довольствуется очень немногими сюжетами. Не найдя въ мірѣ ничего болѣе обобщающаго и болѣе увлекающаго, чѣмъ тайна лица своей жены, своихъ дѣтей, нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ — онъ удовольствовался этими темами и выразилъ въ нихъ всѣ свои общія идеи о ликѣ жизни. Онъ избралъ, какъ обычную обстановку своихъ образовъ, — тѣнь, но это лишь потому, что она вѣрнѣе, чѣмъ свѣтъ, позволяетъ сконцентрировать зрительное впечатлѣніе, скрывая несущественныя части. Тѣневое обрамленіе фигуръ Каррьерера — логическое послѣдствіе ихъ одноцвѣтности; только тѣнь позволяетъ отодвинуть на второй планъ все, что отягощаетъ образъ, не выявляя его... Въ послѣднемъ Салонѣ творчество Каррьерера, нѣжное, строгое, торжественное и увлекательное, казалось молчаливымъ урокомъ всѣмъ fulgurations импрессионизма, напоминаніемъ о неизмѣнной грусти великаго искусства.

Исландскій театръ.

„Mercure de France“ со словъ одной исландской газеты, даетъ свѣдѣнiя о исландскомъ театрѣ. Онъ основанъ, подъ именемъ Leikfelag, въ 1897 г. въ Рейквiавикѣ, столицѣ Исландiи, считающемъ не болѣе 9,000 жителей. Театръ получаетъ отъ городского совѣта субсидiю въ 500 кронъ. Бюджетъ его доходитъ (въ прошломъ году) до 8,500 кроннъ. Представленiя даются два-три раза въ недѣлю. Въ прошломъ году репертуаръ состоялъ изъ „Сѣверныхъ Богатырей“ и „Привидѣнiй“ Ибсена, „Банкротства“ Бьернсена, нѣсколькихъ классическихъ драмъ датскихъ драматурговъ и нѣсколькихъ пьесъ мѣстныхъ авторовъ. Всѣ пьесы идутъ въ переложенiи на исландское нарѣчiе (древне-норвежское). Газа въ Рейквiавикѣ не существуетъ и театръ освѣщается керосиномъ. Впрочемъ, устраивается электрическое освѣщенiе.

Memento.

„Der Amethyst“,—новый, издающiйся въ Берлинѣ, подъ редакцiей Фр. Блея, ежемѣсячникъ, изъ числа тѣхъ изданiй, которыя принято называть „любительскими“. Въ №№ 1—3 малоизвѣстные или вовсе неизданные рисунки О. Бердслея и Т. Т. Гейне, рассказъ О. Уайльда (переведенный въ настоящемъ № „Вѣсовъ“), стихи Верлена и т. п.— „Poesie“ (1906 № 1)—статья Гюстава Кана о Шарлѣ Гро, одномъ изъ пропущенныхъ Верленомъ „poètes maudits“.—„Die Neue Rundschau“ (1906 № 1)—статья М. Метерлинка „Кризисъ Морали“. — Отзвыы о „Вѣсахъ“ въ „Litterarisches Echo“ (15 марта), „Panathénaïa“ (15 февр.), „Nuova Antologia“ (1 марта), „Mercure de France“ (15 марта). Въ № 3 журнала „Българска Сбирка“, издающагося въ Софiи, переведена изъ № 1 „Вѣсовъ“ статья г. Лютера „Нѣмската литература“.

Поправки.

Въ № 1 „Вѣсовъ“ этого года на стр. 76, напечатано „изданiя“, надо—„созданiя“. — Въ № 2, на стр. 47, невѣрно напечатано слово *αισθησις*.—На стр. 59 сказано „Орестейя Софокла“ вмѣсто „Орестейя Эсхила“.

ЛѢТОПИСЬ

литературы и искусствъ.

Некрологъ. † 18 февраля, ст. ст., въ Петербургѣ, В. К. Петерсонъ (А—тъ), сотрудникъ „Новаго Времени“. — 28 февраля, ст. ст., В. А. Крыловъ (Александровъ), драматургъ. — 25 февраля, н. ст., Евгений Рихтеръ, депутатъ германскаго рейхстага, ораторъ, публицистъ.—4 марта, въ Петербургѣ, Я. Г. Гуревичъ, издатель „Русской Школы“. — 7 марта, ст. ст., Н. М. Павловъ, историкъ. — Хозе-Маріа де Переда, испанскій писатель (род. 1864 г.)—Въ Парижѣ, Э. Каррьеръ.

✱

Въ новой торговой конвенціи между Россіей и Франціей значится слѣдующая статья (7-я): „Императорское Россійское Правительство заявляетъ о своей готовности вступить, въ теченіе трехлѣтняго срока со времени введенія въ дѣйствіе настоящей конвенціи, въ переговоры съ правительствомъ французской республики относительно заключенія соглашенія о взаимной защитѣ авторскихъ правъ на произведенія литературы, искусства и фотографическія“.—Подобный же параграфъ включенъ въ торговую конвенцію съ Австріей, а раньше еще въ конвенцію съ Германіей.

✱

Въ Московскую городскую художественную галерею бр. Третьяковыхъ поступили за послѣднее время слѣдующія произведенія.

Присланы въ даръ галереѣ: И. Е. Рѣпина—портретъ В. Д. Полѣнова; В. Г. Перова — портретъ художника И. М. Прянишникова. Приобрѣтены совѣтомъ галлерей: работы И. Н. Крамскаго—портретъ В. В. Верещагина; В. Е. Борисова-Мусатова — „Призраки“; его же— „Весна“; К. А. Коровина—„Парижскій бульваръ ночью“; А. С. Голубкиной — женская головка (мраморъ); И. Н. Крамскаго — портретъ И. Е. Рѣпина; С. Ю. Жуковскаго—„Осенній вечеръ“; Л. В. Турманскаго—„Холодный вечеръ“; Анисфельда—„Букетъ“; Ф. А. Малявина— „На деревенскомъ праздникѣ“; П. А. Кузнецова — „Фонтанъ“; А. Я. Головина — портретъ трехъ мужчинъ; Е. Лансере — „Императрица Елисавета Петровна въ Царскомъ Селѣ“; И. Н. Крамскаго — „Въ Царскомъ Селѣ“.

✱

Въ музей Московскаго Строгановскаго училища произошелъ взрывъ отъ положенной тамъ бомбы, по счастью причинившій не слишкомъ большія (но все же значительныя) разрушенія. Газеты сообщали, какъ слухъ, что бомба была положена въ видѣ протеста противъ тѣхъ учениковъ училища, которые не хотѣли пристать къ забастовкѣ учащихся и продолжали заниматься. Мы, однако, не хотимъ вѣрить, чтобы лица, причастныя къ искусству, могли рѣшиться, и притомъ не подъ влияніемъ аффекта, но обдуманно, на такой вандализмъ, какъ разрушеніе музея. Неужели человѣкъ, хоть сколько-нибудь культурный, способенъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей пользоваться такимъ чудовищнымъ средствомъ, какъ уничтоженіе незамѣнимыхъ художественныхъ созданій?

*

Картина Семирадскаго „Тайная Вечеря“, въ алтарѣ Храма Спасителя въ Москвѣ, почти исчезла и на послѣднемъ собраніи Академіи Художествъ, 27 февраля, при разговорахъ о томъ, какъ возстановить ее. Прежде предлагалось замѣнить картину мозаическимъ воспроизведеніемъ ея, но теперь собраніе, какъ сообщаетъ „Слово“, во вниманіе финансовыхъ затрудненій, рѣшило не настаивать на мозаикѣ, и находя, что лучше имѣть вмѣсто копій съ Семирадскаго оригинала извѣстнаго художника, предложило обратиться къ В. М. Васнецову. Положимъ, упраздненіе „Тайной Вечери“ Семирадскаго, далеко не такое несчастье, какъ гибель „Тайной Вечери“ Леонардо да-Винчи, но все-таки при чемъ тутъ Васнецовъ?

*

Въ Петербургѣ состоялся Всероссійскій Съѣздъ драматурговъ и музыкальныхъ писателей, который и прошелъ такъ, какъ такимъ съѣздамъ проходить полагается.

*

Городъ Брюссель предложилъ бельгійскимъ художникамъ исполнить рядъ видовъ Бельгіи, которые, оставаясь истинными созданіями искусства, могли бы служить пособіемъ при изученіи родной географіи. Избранныя картины будутъ воспроизведены самими совершенными способами, и воспроизведенія расосланы въ начальныя школы.

*

Скончавшійся проф. Ант. Менгеръ завѣщалъ Вѣнскому университету свою замѣчательную библіотеку по социологіи, гдѣ собраны рѣдчайшія изданія, журналы, газеты и летучіе листки. Вмѣстѣ съ библіотекой завѣщанъ капиталъ на ея пополненіе и на изданіе новыхъ трудовъ по социологіи.

*

Въ Парижѣ среди открытыхъ и ожидаемыхъ выставокъ заслуживаютъ вниманія: выставка Фантенъ-Латура, въ помѣщеніи Ecole des Beaux-Arts, выставка Arts réunis у Жоржа Пти, выставка новыхъ созданій Р. Лялика, 23 Place Vendôme, выставка литографовъ въ Grand-Palais, выставка Национальнаго Общества (Salon de la Société National), выставка Общества французскихъ художниковъ (Salon de la Société des Artistes français).

*

На выставкѣ Национальнаго Общества въ Парижѣ (Société National des Beaux-Arts) устроена музыкальная секція, гдѣ разъ въ недѣлю, по вторникамъ, исполняются неизданныя музыкальныя произведенія, избранныя особымъ жюри подъ предѣдательствомъ Габріеля Фора.

*

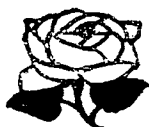
Клодъ Моне работаетъ въ настоящее время надъ новой серіей картинъ, въ которыхъ разрабатываются эффекты цвѣтовъ, отражающихся въ водѣ.

*

Въ Берлинѣ устроена выставка картинъ голландской и нидерландской школы, гдѣ удалось собрать около 200 полотень Рембрандта, Ф. Гальса, Остаде, обоихъ Рюисделей и т. д. Среди выставленныхъ картинъ есть вещи, первостепенныя по художественному значенію.

*

Д. С. Мережковскій прочелъ, по приглашенію Литературнаго Фонда, 18 февраля, въ залѣ Тенишевскаго училища, въ Петербургѣ, лекцію о Достоевскомъ. Залъ былъ совершенно полонъ. Лекція представляла — извлеченіе изъ статьи Д. Мережковскаго, печатаемой нынѣ на страницахъ „Вѣсовъ“.

ГОРЕСТНЫЯ ЗАМѢТЫ.

Кому не случалось видѣть тетрадки съ разводами, куда мелкіе лавочки и гимназисты среднихъ классовъ украдкой списываютъ „запрещенные“ стишки. Журналъ „Всемирный Вѣстникъ“ тоже стремится давать только запрещенное, не останавливаясь передъ перепечатками давнымъ-давно извѣстныхъ, безчисленное число разъ печатавшихся вещей, какъ „Сонъ Попова“ и „Русская Исторія“ А. Толстого или „Ноѣ!“ Пушкина. „Сонъ Толстого“ при этомъ напечатанъ съ такими ошибками, что „Сигналы“ нашли нужнымъ воспроизвести его еще разъ въ исправной редакціи. Нельзя ли любовь къ запрещенному сочетать, если не со знаніями въ исторіи литературы (какъ этого требовать отъ г. Сухонина?), то хотя бы съ нѣкоторой освѣдомленностью!

*

Г. Стародумъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (мартъ) укоряетъ публику, что она больше знаетъ Н. Ѳ. Анненскаго, какъ сотрудника „Русскаго Богатства“ и человѣка, претендующаго на политическую роль, чѣмъ какъ „тонкаго и вдумчиваго критика“, недавно выпустившаго „Книгу Отраженій“. Такъ какъ „критическія“ статьи самаго г. Стародума всегда на четыре пятыхъ, а то и на девять десятыхъ состоятъ изъ перепечатки разбираемыхъ произведеній (пріемъ, признаемъ, весьма облегчающій дѣло критики), то эти вступительные укоры проскальзываютъ передъ читателями незамѣченными. Однако, Н. Ѳ. Анненскій, Николай Ѳедоровичъ, сотрудникъ „Дѣла“, „Отечественныхъ Записокъ“ и „Русскаго Богатства“, не повиненъ въ „Книгѣ Отраженій“, надъ которой полно выставлены инициалы ея автора Н. Ѳ. Анненскаго, Иннокентія Ѳедоровича. И сходства между этими писателями такъ мало (вѣрнѣе, противоположность ихъ такова), что человѣкъ чуть-чуть смыслающій въ литературѣ не можетъ принять ихъ за одного! Заглянуть мелькомъ въ книгу, не прочтя даже толкомъ имени автора, вырвать пару страницъ, написать сверху „отъ себя“ десятокъ бессодержательныхъ строкъ, и это называется критикой?

СТАНИСЛАВЪ ПШИБЫШЕВСКІЙ
ВЪ Ч Н А Я С К А З К А
ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ РУКОПИСИ
ЕВГЕНІЯ ТРОПОВСКАГО.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

Москва, Леонтьевский пер., д. № 5

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Оригиналъ настоящаго перевода былъ доставленъ намъ авторомъ въ маѣ прошлаго года, съ тѣмъ чтобы русское изданіе появилось одновременно съ польскимъ. Въ октябрѣ того-же года авторъ извѣстилъ насъ, что драма „Вѣчная сказка“ имъ совершенно передѣлана, и что раньше доставленный намъ оригиналъ онъ считаетъ лишь эскизомъ этого произведенія. Въ виду, однако, несомнѣннаго историко-литературнаго интереса, представляемаго настоящей редакціей драмы, пользуясь разрѣшеніемъ автора, мы помѣщаемъ ее здѣсь, на страницахъ „Вѣсовъ“, въ этомъ первоначальномъ видѣ. Русское изданіе „Вѣчной сказки“ во второй, измѣненной редакціи, выйдетъ въ книгоиздательствѣ „Скорпіонъ“ въ недалекомъ будущемъ, одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ польскаго оригинала.

„Вѣсы“.

27 марта 1906.

ДѢЙСТВІЕ I.

Большая сводчатая зала средневѣковаго замка, тускло освѣщаемая высокими узкими окнами съ разноцвѣтными стеклами, вправленными въ свинцовыя рамы. Убранство богатое, въ готическомъ стилѣ, дорогіе обои, вышитыя шелкомъ и золотомъ, ковры, шелковыя пестро шитыя драпри свидѣтельствуютъ о склонности къ восточной роскоши.

Въ залѣ находятся въ сборѣ вельможи, государственные сановники, рыцари, канцлеръ, шутъ, Богдаръ и Стиборъ.

Среди присутствующихъ безпокойство и волненіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Одинъ изъ вельможъ. Повѣрить трудно, господа... послушайте вы только: великій и могучій властелинъ желаетъ, чтобы мы признали и униженно склонивши выи освятили покорности поклономъ его неслыханное вождельнѣе, чтобъ на главѣ возлюбленной имъ дѣвки, дочери какого-то бродячаго гусяра и пѣвца, который душу царскую въ годину скуки пѣснями своими услаждалъ и вмѣстѣ съ нимъ кудесничествомъ занимался, священная почила королевская корона, и дабы мы ее почтили, какъ его супругу и королеву.

Всѣ (возмущенно). Неслыханное дѣло!

Второй вельможа. Съ которою вѣнчалъ его не высокій сановникъ церкви, какъ изстари ведется въ королевскихъ семьяхъ, а гдѣ-то тайно въ пустыни безвѣстной какой-то жалкій нищій схимникъ.

Всѣ. Мы никогда на то не согласимся!

Третій вельможа. Которую, еще ребенкомъ, мать

покойная учила разнымъ чарамъ и колдовствамъ и даже, говорятъ, въ наслѣдство оставила ей перстень, якобы волшебный...

Всѣ. И вѣрно чарами-то этими она и короля къ себѣ приколдовала.

Канцлеръ. Изъ-за нея порвалъ онъ узы, которыя, при жизни королевы покойной, онъ съ богатыми заморскими странами изволилъ заключить. Теперь всѣ ожиданья выгоду, славы разрушилъ и разбилъ онъ самовольно. Ужель взамѣнъ за это должно подчиниться намъ прихотямъ его и на колѣни пасть передъ возлюбленной его капризовъ?

Первый вельможа. Мы сокрушимъ скорѣе наши знаки родовые, откажемся скорѣй отъ почестей, богатства, чѣмъ королевой нашею ее признаемъ.

Второй вельможа. Жену свою скорѣй увидѣть мертвою и дѣтокъ милыхъ я бы согласился, чѣмъ царскаго дворца порогъ переступить, чтобъ униженно преклониться передъ этой...

Третій вельможа. Скорѣе черепъ дамъ себѣ я обухомъ или топоромъ размозжить, чѣмъ соглашусь покорно подчиниться подобному тирана приказанью.

Шутъ. (Медленно выходитъ изъ толпы впередъ). О, да, да, славно было вамъ съ царевной чужеземной, которой чуждый легкій нравъ вамъ былъ по вкусу. Вамъ было хорошо льстить прихотямъ и гордости ея, за что взамѣнъ ловить улыбки милости и... хе! хе! хе!

Стиборъ. Намъ на позоръ, всѣмъ честнымъ рыцарямъ, заморскія новинки и любострастіе во дворъ она вводила!

Канцлеръ. Вашъ возрастъ старъ, почтенный воевода, но все же неприлично вамъ выражаться такъ о прежней, которой роду есть немного равныхъ!

Стиборъ. Позоръ тѣмъ большій, что такого благороднаго супруга достоинство и честь она пятнала.

Шутъ. Ха, ха, ха! Неприлично! Да, неприлично, потому что кому изъ васъ всѣ тайны неизвѣстны, ея чертоговъ благородныхъ?! Да, неприлично, потому что кому изъ васъ въ лучахъ ея богатыхъ прелестей купаться не

случалось? Не-при-лич-но... А я въ лицо вамъ брошу грубую свою, да шутовскую правду: Позоръ вамъ всѣмъ, обманывавшимъ съ нею вмѣстѣ столь благороднаго, прекраснаго монарха и за его спиною безпрестанно оргіи справлявшимъ, смѣясь надъ тѣмъ, что онъ такъ къ вамъ довѣрчивъ; позоръ вамъ, на которыхъ ласкъ и милостей несмѣтный лился дождь за то, что гордости, тщеславію, разврату и лицемѣрію вы необудзанную волю дали! Позоръ вамъ всѣмъ!

Всѣ. Прочь эту гадину!

Богдартъ. Да, правду шутъ сказалъ. Я повторяю ее стократно, и счастливъ я и гордъ, что въ сонмѣ прихвостней придворныхъ печальной памяти царицы я не бывалъ и потому теперь я тоже оставляю за собой отъ вашихъ козней злобныхъ и коварныхъ свободный голосъ.

Шутъ. И вамъ еще скажу Христовыми словами: вы отъ него спѣшите отречься, пока еще пѣтухъ не пѣлъ, а чуть только сюда ногой онъ ступитъ, какъ псы, его вы станете лизать подметки.

Всѣ. Прочь гадина, прочь жало скверное змѣи!

Шутъ. Зачѣмъ, достойные вельможи, вы гнѣвомъ такъ пылаете? Неправда развѣ, будто души вы свои грязнили и грязните? Но вы меня не бойтесь; я вашихъ словъ вѣдь королю и господину моему рассказывать не стану, чтобъ сердца благороднаго его не ранить. (Принимаетъ вдругъ шутовскую мину.) Погодите чуточку, я васъ еще сумѣю позабавить тоже. (Подпрыгивая, убѣгаетъ вглубь сцены.)

Канцлеръ. Теперь же, рыцари, и вы — достойные вельможи, прошу васъ: обсудите все дѣло. Пристало ль намъ, которые донынѣ на этотъ тронъ принцессъ сосѣднихъ государствъ взводили, пристало ль намъ — признать теперь своею королевой... дочь гуслера-волшебника, дѣвченку, которая, всѣ знаютъ, выросла въ лѣсу дремучемъ у своего отца, какъ дикая береза; которой, кромѣ гуслей и фокусовъ волшебныхъ, отецъ приданаго другого дать не можетъ?

Всѣ (хохочуть..). Ха, ха, ха!.. Чудесное приданое, достойное державнаго владыки!

Канцлеръ. Пристало ль намъ признать супругой короля и королевой ту, что смѣла стать возлюбленной невѣстой короля прежде, чѣмъ воля всего народа сдѣлала ее такою?

Всѣ. Долой ее! Долой!

Канцлеръ. Пристало ль намъ признать супругой королевской ту, что безъ согласія вельможъ и пастырей церковныхъ, украдкой, тайно въ пустыни какой-то съ королемъ вѣнчалась?

Всѣ. Никогда! Никогда!

Богдаръ (не слушая, говоритъ самъ со своими мыслями). ... Она такъ молода, такъ хороша собой. Не вѣрится, чтобъ мысль ея ужъ знала что-нибудь дурное. Какъ будто послѣ сна проснувшійся ребенокъ, она съ невинной радостью глядитъ на мѣръ лучистыми глазами, а въ нихъ еще такъ много радужныхъ, мечтательныхъ видѣній...

Канцлеръ. Вы слишкомъ юны, рыцарь, въ нечистой силы чарахъ вы видите невинность и память милостивой нашей покойной королевы вы оскорбляете.

Богдаръ (какъ прежде, не слушая). ... Глаза ея прозрачны, какъ вода изъ родника. Сейчасъ она войдетъ сюда. Поклонъ глубокий, полный уваженія, отдамъ я ей согласно волѣ короля. Пристало ль рыцарямъ пятнать свои сердца коварной ложью?

Канцлеръ. Вы слишкомъ молоды еще, чтобъ слово разумное бросать на чашку столь значительныхъ событій.

Первый вельможа. Велите замолчать молокососу, который, можетъ-быть, и самъ безъ памяти отъ розоцкой любовницы достойнаго владыки.

Всѣ. Любовницы! Да, да, любовницы, конечно. И мы должны позволить, чтобъ руки пастыря духовнаго на голову ея корону возложили? Нѣтъ, никогда!

Богдаръ. Какъ это низко! подло! Изъ глазъ ея, съ ея лица такую скромностью и чистотою вѣтъ, что, кажется, послѣдній сластолюбецъ не можетъ оскорбить ее нечистымъ взоромъ, какъ было съ вашей милостивой и на ласки щедрой госпожею. А вы... Нѣтъ, прочь изъ этой залы. Уйду съ сознаньемъ гордымъ, что голосъ мой не

могъ быть слышанъ въ этомъ грязномъ, ярмарочномъ крикѣ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Канцлеръ. Хе, хе! Смѣшной молокососъ намъ хотеть навязать свои сужденія незрѣлымъ.. Не тутъ-то было! Правда, на этотъ разъ смолчать придется намъ предъ сыномъ пменитаго и сильнаго вельможи. Но пусть онъ лишь еще разъ посмѣетъ намъ дѣло портить и пѣтушинымъ крикомъ пѣть гимны въ честь красивой королевской дѣвки, мы будемъ знать, какъ научить его держать языкъ свой за зубами. Шу, а теперь, вельможи, рѣшайте, что надо дѣлать, чтобъ отворотить отъ насъ позоръ, грозящій нашему сословію. Король могучъ и твердъ, онъ страшенъ быть умѣетъ, когда ему кто вздумаетъ перечить. Теперь же онъ еще суровѣй и презрительнѣе сталъ къ намъ относиться съ тѣхъ поръ, какъ сѣтъ измѣны, которою при жизни королевы любезной нашей былъ опутанъ, онъ прочувялъ и все узналъ. Но ваша мощь и власть сильнѣе королевской власти, страшнѣе и опаснѣй его силы. Вы бурною волной смыть можете сильнѣйшія преграды, залить и потопить, стереть съ лица земли... вы—мощь толпы — (сразу вдругъ вырастаетъ.) а я... я—голосъ вашъ!

(Раздаются фацфары, сообщающія о приближеніи короля.)

Старый воевода. Мнѣ слышится, король изъ собственныхъ покоевъ идетъ сюда, въ чертогъ, гдѣ царственнымъ принцессамъ крови епископъ возлагалъ на голову корону. Ужель допустимъ мы, чтобъ дочь какого-то бродяги, пѣвца какого-то, что чарами навѣрно приковала къ себѣ владыку нашего, тою же короной овладѣла.

Канцлеръ. Хе, хе... какъ будто вы не знаете, какъ несговорчивъ, какъ настойчивъ въ своихъ желаніяхъ умѣетъ быть король. Сѣкира скосятъ ваши выи, а воля короля свершится неизмѣнно. Ха, ха... послушайте, что я скажу вамъ: когда не захотите вы согнуть колѣней предъ этою любовницею королевской, когда не захотите лстять и руки цѣловать у новой королевы... гм! королевы! — ха, ха, ха... тогда прощай богатства ваши, ваши

жены и ваши дочери — все въ руки попадетъ свирѣпыхъ королевскихъ слугъ, иль въ нищетѣ погибнетъ. Нѣтъ, иначе намъ нужно поступать... Я, воплощенье вашихъ самыхъ сокровенныхъ желаній и тайныхъ мыслей, — и медленно, искусно, осторожно, за каплей каплю стану я впускать отраву въ сердце короля... Тончайшей ядовитой паутиной опутаю со всѣхъ сторонъ его я душу... А вы, вельможи, рыцари, старайтесь со всѣми почестями и всѣмъ внѣшнимъ блескомъ встрѣтить дочь гусляра-чародѣя... королеву... А коронаціи священный день еще далекъ...

Всѣ. Отлично говорить онъ... превосходно!

Канцлеръ. Я каждодневно незримымъ остриемъ все жалить буду сердце короля. Какъ раненый кабанъ въ глубокой чащѣ метаться будетъ онъ и рваться въ бѣшенствѣ, не зная, откуда пущена была стрѣла, его пронзившая. Метаться будетъ онъ, пытаясь вырваться изъ путь, его опутавшихъ, но больше еще онъ будетъ путаться въ незримыя тенета. А она, царица эта, королева, — ха, ха, ха... она выть будетъ, словно львица, у которой самца ея убили въ зеленой чащѣ въ то время, какъ вышла она въ полдень южнымъ солнцемъ насладиться.

Старый воевода Стиборъ. Ахъ, гадъ ты подлый! Ты, язва скверная! Вотъ этимъ старымъ кулакомъ разможу я твой черепъ, когда посмѣешь ты хоть часть того исполнить, что здѣсь ты говорилъ. Своими старыми костями я повалю тебя, чудовище, на землю, если ты посмѣешь гнусною отравой лжи тревожить сердце короля. Съ лицомъ открытымъ и совѣтомъ откровеннымъ мы должны предстать предъ королемъ.

Канцлеръ. Ха, ха, ха!.. Попробуй подступиться къ королю... На завтра же съ сѣдой своей простишься головою.

Всѣ. Прочь рухлядь старую! Совѣтъ намъ умный далъ нашъ канцлеръ; онъ — разумъ нашъ!

Стиборъ. Еще при жизни вашей веселой королевы, я и Богдаръ въ интриги ваши подлая и козни не мѣшались, довѣрѣя дѣтскаго къ намъ короля мы низко такъ обманывать не смѣли. И хоть намѣренія короля мнѣ не

совсѣмъ по сердцу, позоръ измѣны и коварства волосъ съдыхъ моихъ не запятнаеть; пусть весь падеть на васъ онъ. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Всѣ. Долой дочь гусляра-чародѣя!

КАНЦЛЕРЪ. Не торопитесь все-таки, достойные вельможи! Шагъ за шагомъ... Въ дѣлахъ подобныхъ хорошо коварство и лицемеріе прекрасно, ядъ клеветы—не грѣхъ и даже освященъ обычаемъ народнымъ. (Снова слышатся фанфары.) Король сейчасъ войдетъ. Теперь спасайте все, что силу вашу и опору составляетъ. На видъ покорны будьте волѣ короля, любовницѣ его вы поклонитесь въ ноги: пусть кажется ему, что отдали поклонъ вы королевѣ... А прочее (съ возрастающей силой) — прочее я сдѣлаю ужъ самъ... (Быстро выпрямляется.) Я—вѣчный и бессмертный!

ШУТЪ (медленно приближавшійся къ передней части сцены, оставаясь за спиной канцлера.) Какъ вѣчна и бессмертна подлость...

КАНЦЛЕРЪ (не обращая на него вниманія.) Цари земли, когда хотятъ, четвертовать и разрывать меня на части могутъ:— я снова возрожусь, изъ мертвыхъ снова встану!

ШУТЪ (по прежнему за спиной канцлера.) Какъ возрождается растоптанный червякъ или гадъ и голову свою и жало подымаютъ снова.

КАНЦЛЕРЪ (не обращая вниманія.) Я—голосъ вашъ, я—ваша мощь, я—гласъ и мощь толпы, могущество которой нерушимо, вѣчно...

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Всѣ слушаютъ въ изумленіи; въ это время входитъ Король, впереди него идутъ герольды, за нимъ свита придворныхъ; король ведетъ за руку Сонку, за которой слѣдуютъ придворныя дамы. Канцлеръ сразу мѣняется, становится меньше и принимаетъ полную покорности позу; подходитъ первый, отдаетъ глубокой поклонъ, за нимъ слѣдо слѣдуютъ всѣ остальные. Король между тѣмъ ведетъ Сонку на приготовленный тронъ.)

КАНЦЛЕРЪ. Владыка и король нашъ! Мы собрались здѣсь всѣ, первѣйшіе изъ твоего народа, чтобы поклонъ

тебѣ принести, великій государь... и избранной тобой супругѣ...

Король. (вставая.) Впервые я привелъ предъ ваши очи возлюбленную мной супругу, главу которой съ вашего согласья короною украсить мнѣ угодно. Желая же и вашего согласья я потому, что вамъ отцомъ родимымъ хочу я быть и Богу благодаренъ я глубоко за то, что далъ Онъ мнѣ возможность быть вашимъ предводителемъ, пекущимся о томъ, чтобъ благодати и свѣта дары на ваши головы обильно расточать...

В с ъ. Спасибо, государь, хвала тебѣ за это!

Король. Есть вещи, что такъ лучезарны, какъ небо миллиардами звѣздъ горящее въ лѣтнюю ночь, иль юга пылающимъ жаромъ объятые въ полдень. Есть вещи, столь мощныя, словно порывъ пробудившейся творческой силы, въ мгновенье одно создающей дивныя выси, и Альпы неприступныхъ верхушками острыми рвущейся къ небу. Есть вещи, покрытыя тайной, подобно божественной искрѣ, заброшенной въ душу поэта, глубокия, словно дремучаго лѣса бездонная мрачная чаща. Порывы бываютъ—столь юны и чисты, какъ рвущейся ввысь человѣческой мысли полетъ, расцвѣтшей въ душѣ молодой, свѣжи, какъ ребенка душа, когда съ изумленьемъ глаза онъ впервые на жизни просторъ раскрываетъ. И эти-то дивныя вещи я въ даръ приношу вамъ, назвавъ королевою вашей вотъ эту супругу мою дорогую. (Длительное тяжелое молчаніе.) Теперь же приблизьтесь ко мнѣ, отдайте достойную честь той, что вашей царицею станетъ.

К а н ц л е р ь (съ лицемѣрнымъ смрениемъ.) Великій государь! Когда народа воля медлитъ еще, чтобъ возложить на голову твоей избранницы корону, не значить то, чтобъ онъ твоей перечилъ волѣ; нѣтъ, значить это то, что болѣе достойной, торжественной ждетъ народъ минуты, когда слуга высокій Церкви помазанную миромъ привезетъ корону, дабы величественнѣй былъ тогда обрядъ священный. Пока же пусть избранница любезнаго владыки привѣтствіе услышать соизволитъ отъ именитѣйшихъ народа гражданъ, котораго корона засіяетъ вскорѣ на головѣ ея, и отъ

слуги покорнѣйшаго трона... (Кланяется, прижимая руку къ сердцу.)

(Шутъ сидящій у ступеней трона, тихо и протяжно хихикаетъ.)

Король (на мгновенье смущенный). Зачѣмъ торжественность минуты нарушаешь ты смѣхомъ шутовскимъ своимъ?

Шутъ. Величеству угодно было мнѣ позволить торжественныхъ пріемовъ скуку порою прерывать своимъ веселымъ смѣхомъ. А посмотрите только, повелитель, на эту обезьянью рожу служителя покорнѣйшаго трона— на канцлера смиренную фигуру...

Король. Умолкни, шутъ, теперь твои не встали шутки!

Шутъ. Молчу, молчу, и до тѣхъ поръ молчать послушно буду, пока мнѣ не придется снова размѣяться...

Одинъ изъ вельможъ. Повелитель, прикажите удалиться въ великую сію минуту пустосмѣху: пусть хохотомъ своимъ дурацкимъ ея торжественности онъ не нарушаетъ!

Король (смотритъ испытующе на говорящаго вельможу и на шута). Онъ тутъ останется... (Вельможа краснѣетъ и отходитъ въ сторону.)

Король (встаетъ снова и говоритъ твердымъ и непоколебимымъ голосомъ). Я полюбилъ любовью безконечной дочь мудреца и пѣснопѣвца дорогого, который своею пѣснью душу мою будилъ и пламень въ ней священный сумѣлъ зажечь; и оттого ее такъ безконечно я полюбилъ, что болѣе прекрасной и болѣ чистой, свѣтлой во всемъ мірѣ я отыскать не могъ бы. Я полюбилъ ее, вельможи, потому что одна земля ее на свѣтъ родила, что и меня—земля моя родная, съ которою я связанъ неразрывно. И волей королевской порѣшилъ я, дабы женой моею и королевой ее избрать вы нынѣ пожелали. Не чужеземную и гордую принцессу изъ дальнаго чужого государства, съ которою душа всегда въ разладѣ, хочу своей довѣренной подругой, подругой радостей и горя сдѣлать, а ту, которой каждое движеніе души моею и сердца, каждый трепетъ знакомы и понятны, потому что одна насъ съ ней сыра-земля взростила, одинъ и тотъ же шумъ лѣсовъ дремучихъ насъ убаюкивалъ и навѣвалъ намъ сны золотые, одинъ и тѣ же воды озера поили нашъ взоръ своимъ пріятнымъ серебристымъ блескомъ. Она и васъ понять и полюбить сумѣетъ любви и

свѣта полною душою. Она вамъ матерью и провидѣньемъ будетъ. А если нѣтъ еще пока старинной митры и коронацію придется отложить, то я на волю вашу соглашаюсь, но вы, собравшіеся здѣсь вельможи, и дворяне, и рыцари моей короны, вы отдадите ей дань почести, ея достойной. (Вельможи и рыцари подходят къ королевѣ и цѣлуютъ ея руку. Сонка сіяетъ какъ ребенокъ.)

Сонка. Какъ благодарна я вамъ всей моею душою за вашу привѣтъ сердечный и смиренный.

Одинъ изъ вельможъ. Ты матерью и госпожою нашей будешь.

Другой. Лѣкарствомъ будешь ты для страждущихъ и нищихъ.

Третій. Убѣжищемъ ты будешь для гонимыхъ.

Четвертый. Усладой будешь ты въ трудѣ и горѣ великаго супруга твоего!

Пятый. Ты будешь волею супруга своего и господина и съ волей этою ты все сумѣешь сдѣлать!

Шестой. На головѣ твоей почившая корона пусть лучшимъ украшеньемъ трона будетъ.

(Шутъ слова тихо и долго хихикаетъ.)

(Король просіявшій сначала отъ привѣтствій, приносимыхъ Сонѣ, хмурится вдругъ.)

Шутъ. Не удивляйся, господинъ, и не сердись; вѣдь шутство и смѣхъ порой бываютъ глубже мудрости людской. (Между тѣмъ всѣ остальные собравшіеся въ залѣ проходятъ съ поклонами мимо Сонки, которая смотритъ на нихъ съ сіяющимъ и полнымъ дѣтскаго довѣрія лицомъ.)

Канцлеръ (слѣдуетъ въ концѣ шествія.) Позвольте, благородная царица, мнѣ еще разъ отъ имени всего народа вамъ выразить слова любви и уваженья, а также искреннее пожеланье, дабы корона вскорѣ засіяла на вашей головѣ.

(Шутъ раздражается неудержимымъ смѣхомъ. Король смотритъ на него пылая глѣвомъ.)

Шутъ. Прости, король! но въ шутствѣ есть больше иногда ума, чѣмъ думать ты изволишь...

Король (проводитъ пеныущимъ взоромъ по окружающимъ, потомъ дѣлаетъ движеніе, какъ будто стравивая съ себя какую-то тучу.) Молчи ты, шутъ! (Овладевъ собою, обращается къ присутствующимъ. Первому изъ вельможъ.) Цѣпь златокованную я тебѣ дарю. (Второму.) Тебѣ съ

алмазомъ перстень. (Третьему.) А для тебя я золотую сбрую на шесть горячихъ чистокровныхъ жеребцовъ отдѣлать приказалъ. (Четвертому.) А для тебя вотъ пряжка съ бриллантомъ и страуса перомъ спадающимъ до пояса. (Пятому.) А для тебя доспѣхи среброкованные, усьянные самоцвѣтными камнями. (Всѣмъ.) Для всѣхъ же, кто чего ни пожелаетъ, сокровища мои открыты.

Одинъ изъ вельможъ. Помѣстій часть твоихъ, король, лежитъ вблизи моихъ угодій...

Король. Бери себѣ ихъ.

Другой. Въ прудахъ твоихъ, король, нельзя ловить намъ рыбы...

Король. Отнынѣ разрѣшаю. Теперь же разоидитесь по домамъ. И знайте, что съ тѣхъ поръ, какъ счастье въ мой домъ вошло, никто съ пустыми не уйдетъ руками. (Капшлеру.) А ты вели уставить во дворѣ чертога моего столы такъ, чтобъ отъ тяжести серебряныхъ сосудовъ они ломились, полныхъ яствъ и фруктовъ и напитковъ, въ кувшинахъ золотыхъ пусть пѣнитса вино изъ погребовъ моихъ. Пусть радостью всеобщей станетъ радость короля, пусть веселятся всѣ, узнавъ, что я отнынѣ не только королемъ, но щедрымъ ихъ отцомъ намѣренъ быть.

(Всѣ уходятъ съ поклонами. Остаются Король и Сонка.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Король (опускается на колѣни передъ Сонкой). О, если бъ могъ я растворить мои слова въ дрожащемъ мощными волнами колокольномъ звонѣ, плывущемъ съ колокольной поднебесной, и такъ всему, всему повѣдать міру, какъ я люблю тебя... О, если бъ могъ я словно вихремъ огненнымъ тебя обнять и понести съ безумной силой, чтобъ глубину любви моей, всю мощь ея могла познать ты, милая, любовь моя, души моей созданье.

Сонка. Я вѣрю; вѣрю въ силу я твою. Въ душѣ моей пылаетъ тотъ же пламень священный, что мой отецъ въ тебѣ зажегъ. Тобою пробужденный во мнѣ къ жизни, онъ разгорается все ярче, лучезарнѣй и, подожди, вотъ

вспыхнетъ и проникнетъ когда-нибудь въ тѣ сумрачныя нѣдра, которыми ты думаешь вести народъ свой къ таинственнымъ сокровищамъ Сезама.

Король. Да, ты—голосъ, которымъ говорилъ со мною Богъ изъ пламени горящаго куста и судьбы мнѣ мои прорекъ, и далъ познать мнѣ силу духа моего. Среди темной ночи я бродилъ. Морозный вихрь и вьюга туманомъ мнѣ слѣпили очи. Я долженъ былъ бороться съ ураганомъ. Зной тропиковъ и жажда — беспощадный бичъ пустыни — меня насквозь прожечь хотѣли. Но все я поборолъ, все, все — ужь позади: твоя любовь зардѣлась предо мной пурпурнымъ свѣтомъ миллиардовъ зорь; твоя любовь явилась для меня могучей силой, могучѣе, чѣмъ всѣ земныя силы, — изъ страшной бездны, въ которой я беспомощно тонулъ, она, твоя любовь, меня исторгла, спасла и стала новой жизни родникомъ...

Сонка (какъ эхо). ...Новой жизни...

Король. Ты помнишь, какъ бурлили, въ бѣшенствѣ клубясь, стихіи грозной волны, когда тебя я—сердца моего сокровище — въ первый разъ прижалъ къ груди, впервые сталъ съ тобой одной душой и тѣломъ... помнишь...

Сонка (въ упоеніи). ...Помнишь...

Король. Ты помнишь... пустынные пески, метель печальная кругомъ бушуетъ, надъ нами опрокинутое небо — тяжелое, свинцовое, — а впереди — самумъ, ужасный, грозный, смерчъ отъ земли до облаковъ, косматою трясущей головою... А ты со мной, мы на спинѣ верблюда, ты не думаешь о томъ, что каждую минуту смерть можетъ насъ схватить свирѣпными когтями, — ты счастлива, что вырвала меня изъ адской бездны, гдѣ я ужь погибалъ, довѣрчиво ты къ сердцу моему прижалась... помнишь...

Сонка (какъ эхо). ...Помнишь...

Король. Тогда подъ вѣяншемъ любви ты расцвѣла, какъ пышный молодой цвѣтокъ, облетый солнцемъ, а теперь я исполиномъ сталъ отъ счастья, что я могу сказать всѣмъ людямъ, какъ я люблю тебя, могу сказать, что для меня ты... Видишь, вотъ оно — Сегодня наше...

Сонка. Да... Сегодня наше...

Король. А царствованье наше все, владычество — наше Завтра...

Соня. Наше Завтра...

(Во дворѣ замка посреди собирающейся толпы слышится за стеной злобщій гулъ.)

Соня (вздрагивая, словно очнувшись ото сна). Ты слышишь?

Король. Что это? (прислушивается). Среди приготовлений къ пиршеству какой-то гулъ, какъ будто приближающейся бури. Какіе-то сердитые тамъ крики, шумъ, говоръ, все растущій... (Ударяетъ въ ладони. Входитъ Герольдъ.) Призвать мнѣ канцлера сюда. (Герольдъ уходитъ.) Ужель посмѣлъ онъ, канцлеръ, не съ полной точностью исполнить мой приказъ? Быть-можетъ, онъ не слишкомъ щедрой руку мою народу показалъ, и вотъ народъ волнуется. Придется мнѣ его за непокорность примѣрно наказать! (Пауза.) Такого шума еще не слышно было въ стѣнахъ замка моего. Что жъ можетъ это быть? (Пауза.)

(Входитъ Канцлеръ и, молча, съ таинственнымъ выраженіемъ лица останавливается у дверей.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Король. Что это тамъ за шумъ я слышу? Доселѣ никогда еще подобныхъ звуковъ эхо не отражалось ото стѣнъ дворца моихъ великихъ предковъ. Не мало ли тамъ хлѣба у народа?

Канцлеръ (говоритъ тономъ, дающимъ о многомъ погадывать). Да, король, народу мало хлѣба, но...

Король (быстро перебиваетъ). Открыть имъ житницы мои. Пусть все берутъ, вѣдь первымъ дѣломъ хлѣбъ долженъ быть у нихъ.

Канцлеръ. Да, государь, имъ хлѣба нужно, но...

Король (перебиваетъ). Всѣ погреба мои раскрой имъ, всѣ виноградники мои имъ раздари...

Канцлеръ. Не только хлѣба и вина для счастья имъ недостасть...

Король (перебиваетъ). Мою казну имъ отвори, сокровища мои и драгоценности разсыпь передъ толпою. Пусть полной горстью все они берутъ.

Канцлеръ. Однихъ земныхъ богатствъ народу не довольно, государь... они тамъ рошщуть.

Король (перебиваетъ все порывистѣ). Темницы растворить, невольникамъ свободу подарить. Пускай цвѣтетъ свобода средь подданныхъ моихъ!

Канцлеръ (кланяется). Главу свою смиренно, государь, предъ вами я склоняю... однако же... я не о томъ сказать хотѣлъ вамъ...

Король (порывисто перебиваетъ его). Теперь же ступай и сдѣлай все скорѣе; тотчасъ же объяви имъ все, что я тебѣ сказалъ. Пусть радостные клики раздаются. А царственность моя во мнѣ самомъ, во мнѣ самомъ—величіе и сила королевской власти моей и, чтобъ во всемъ величіи явиться, не нужно мнѣ ни дорогой казны моей, ни замковъ золоченыхъ, ни виноградниковъ, ни широко раскинутыхъ угодій. Вели имъ все раздать; я безъ богатствъ владычествовать буду надъ толпою, которою ты правишь, канцлеръ. Теперь же поспѣвши скорѣе мои исполнить приказанья.

(Канцлеръ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Король (принадаетъ къ Сонгѣ). О, милая моя. Ты, какъ фея, пробудила короля во мнѣ дремавшего. Ты силу мнѣ дала, которою сумѣлъ я нещадно растоптать всю мелочность земли, всю грязь, что въ прошломъ мерзкой паутиной меня опутала. Все это было сномъ, мучительнымъ кошмаромъ, когда я, утомленный пробирался черезъ топкія трясины и болота, черезъ чащи непролазныя кустовъ колючихъ, чтобы добраться до волшебныхъ замковъ, мечтой твоей взлелѣянныхъ прекрасной. Вотъ я стою передъ тобою на колѣняхъ... Но что это... душа такъ страстно хочетъ рукой обнять все небо и въ пламенномъ порывѣ бросить его къ ногамъ твоимъ, царица! Какъ я хотѣлъ бы мракъ ночной развѣять и тысячею солнцъ алмазныхъ міръ озарить передъ тобою!.. Ахъ, если бъ обладалъ я силой власти, чтобъ на краю скалистаго утеса, купающаго въ бурной пѣнѣ моря кремнистое свое подножье, волшебный для тебя воздвигнуть замокъ,

обвѣянный невозмутимой тишиною, и чащею охранимый кипарисовъ .. пурпурныхъ розъ гирляндой изукрашить, какъ лентой огненной, твои чертоги!.. Но бурная и темная стихія препятствуетъ моимъ желаньямъ... Скорѣе могъ бы я песчаную пустыню заставить порости ковромъ цвѣтовъ душистыхъ, скорѣе могъ бы звѣздъ алмазныя гирлянды сорвать съ небесъ, но обуздать стихіи темной этой ужасныя рокочущія волны невозможно...

Сонка (какъ эхо). ... Стихи грозной, темной унять рокочущія волны невозможно...

Король (смотреть на нее съ безпокойствомъ). О чемъ ты думаешь?

Сонка. Ты слышалъ только что тамъ эти крики? Не такъ ли бурное, взволнованное море изъ вѣдръ своихъ выбрасываетъ горы, материкъ и острова, а послѣ съ адскою силой бросается, съдою покрыто пѣной, на каменныя гранитныя громады, чтобы свое жъ творенье въ прахъ измолоть?!.. Но ты вѣдь ихъ сильнѣе!.. (Слышится снова шумъ.) Миѣ страшно, прижми меня къ себѣ, прижми покрѣпче... Слышишь? Какъ будто ураганъ вдали свирѣпствуетъ... все ближе... ближе...

Король. Что ты... Что ты... мой ненаглядный птенчикъ. Не тревожься. Есть силы у меня довольно, чтобы ураганомъ этимъ овладѣть и укротить его. Не изъ одной грозы я вышелъ побѣдителемъ. Прижмись, прижмись къ моей груди, которая тебѣ одной приютомъ служить. Ты чувствуешь, какъ глубока ея спокойна, невозмутима, полна къ тебѣ любовью безпредѣльной. Какъ будто океанъ безбрежный, когда полдневною объятый тишиною, онъ въ сладостномъ величїи ласкается у ногъ лазури неба. (Прижимаетъ Сонку къ груди.) Безъ тебя — день мой темень, ночь — глуха. А съ тобой — я расту и сдается миѣ, будто небо главою раздираю; безъ тебя же лечу я, лечу въ непроглядную тьму, въ безконечную пропасть безъ дна... Съ тобой — я король! безъ тебя — жалкій нищій!..

Сонка. Ты — словно кедръ неполнелетій, вѣками вросшій въ землю корнями, а верхушкой глядящій въ небесную высь... Вдругъ обрывается и прислушивается въ испугъ. Слы

ишь? (Король прислушивается тоже.) Буря страшнѣй и страшнѣй... (Вдругъ въ ужасѣ.) Это толпа такъ бѣшетъ.

Король. Я укрошу и ее. Бури страшнѣй ударили въ стѣны родимаго замка. Грозно дрожала земля, небо пылало огнемъ... (Отдается воспоминаніямъ.)

Сонка. Тогда... о тогда... какъ былъ ты прекрасенъ, когда на террасѣ дворца ты стоялъ и съ тихой улыбкою мнѣ говорилъ: „Что жъ это все предъ нашей безбрежной любовью!“

Король. А ты, облитая сіяніемъ молній, пылала какъ пурпурная денница отблескомъ любви моей. (Смотритъ на нее съ любовью.) Но теперь ты еще красивѣе, — красотой безконечною дѣвы, которой корону всей мощи моей на голову я одѣну. И что жъ, не прекраснѣй ли наше Сегодня?— Что молній ревущихъ вспѣнныя волны, что трепеть земли, когда одинокій нашъ островъ пылающимъ моремъ огня вулканъ обдавалъ, предъ этимъ неистовымъ ревомъ толпы, готовой сейчасъ разнести по камню нашъ замокъ?

Сонка (упоенная мечтою). Пусть разнесутъ, пускай дворцы золотые въ руины превратятъ; волшебные еще у насъ есть замки, мечтой взлелѣянные, и сотканы они изъ всѣхъ красотъ земли и неба. Ихъ стѣны—словно гобелены, изъ грезъ и сновидѣній сшиты неуловимыхъ, чудныхъ; ихъ сводовъ арки гордыя—стремленье души твоей съ моею къ нездѣшному, прекрасному, святому...

Король. Эола арфа милая, что сотни лѣтъ, вѣковъ о тайнахъ дивныхъ людямъ пѣла; святилище, въ которомъ дивныхъ, неизъяснимыхъ мистерій исполняются обряды— вотъ я, король и властелинъ, лежу у ногъ твоихъ, хочу служить тебѣ, рабомъ твоимъ желаю стать я, потому что—люблю тебя... люблю тебя, царица... Мысль, зрѣвшая въ душѣ, во мнѣ созрѣла; для дѣла духъ готовъ, и остріемъ его могу я поразить ту чернь, что тамъ реветъ, и бросить къ твоимъ ногамъ; весь міръ я принесу къ твоимъ стопамъ и небо сорву и разстелю передъ тобою. И въ этой дивной безднѣ лазури, на тронѣ изъ облаковъ, ты властной будешь и неба и земли царицей.

Сонка (слушаетъ въ упоеніи; вдругъ взоръ ея становится безпокоенъ,

глаза съ испугомъ смотрятъ въ пространство, словно видя передъ собой какой-то призракъ). А тамъ внизу, въ глубокой скользящей безднѣ, весь извиваясь, ползетъ какой-то гадъ противный, добычи жаждущій. Въ толпѣ онъ прячется, чтобы коварно изъ-за угла во тьмѣ нанести ударъ смертельный...

Король (обнимаетъ Сонку и баюкаетъ ее, словно сказкой). А замки наши сотканы изъ драгоцѣнной пряжи неувимыхъ грезъ и сновъ волшебныхъ; а замки наши сотканы изъ пурпура и алыхъ зорь любви, священныхъ полной таинствъ; а замки наши висятся на висяхъ порывовъ вдохновенныхъ мысли, и только скорби необъятной вѣчной муки ведутъ къ волшебнымъ стѣнамъ нашихъ замковъ... Тамъ золотая пыль мяльярдовъ звѣздъ, которою усыпать на небѣ млечный путь, какъ грозди бѣлоснѣжныхъ, весной разбуженныхъ цвѣтовъ пахучихъ на золотистую твою головку будутъ ниспадать душистою волною, а ты ихъ всѣхъ бѣлѣй и чище... я передъ нами необъятнаго лазурнаго пространства безмолвный океанъ, подобный океану счастья любви твоей... Вотъ наши грезы... вотъ Сегодня наше, наше Завтра...

Сонка (въ мечтательномъ упоеніи). Вотъ наши грезы... Сегодня наше... Завтра... Ахъ, замки наши, грезы, грезы...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(Медленно входитъ Витинъ, мудрый старикъ, отецъ Сонки.)

Витинъ. Прости, мой сынъ, что я здѣсь не былъ, когда сюда съ торжественнымъ величьемъ вельможные, нарядные бояре собирались; не правится мнѣ съ этимъ пышнымъ блескомъ смѣшивать свой сѣрый и безхитростный нарядъ; тамъ, въ этой раззолоченной толпѣ богатыхъ, знатныхъ, откормленныхъ вельможъ, гораздо больше ничтожества и пустоты, чѣмъ у голодныхъ, несчастныхъ бѣдняковъ. Теперь я прихожу, когда вы здѣсь одни; хочу я съ вами съ любовію проститься, мои дѣти, ты, дочь моя, и ты мой сынъ. (цѣлуетъ ихъ головы, сложенные передъ нимъ.) Я далъ вамъ все, что могъ: тебѣ, мой сынъ, побѣду надъ прошлымъ и власть надъ человѣческой душою, мощь подвига, тоску по немъ и жадное стремленье, твой духъ я заковалъ въ металлъ, что ни одна не можетъ вражья сила сокрушить. (Сонкѣ.)

Святую милость неба, которой я сподобленъ былъ, алмазныхъ сповъ росу, и красоту, которой равной на землѣ не сыщешь, вотъ что тебѣ я подарилъ, дитя мое.

Сонка (съ мольбою). Отецъ, остаешься. Какъ безъ тебя нести намъ бремя жизни.

Король (съ гордостью). Сумѣемъ, Сонка.

Витинъ. Прощайте, чайки бѣлыя; прощайте, золотоперые орлы мои, прощайте птицы вѣщія, въ небесныхъ высяхъ ищущія тайны глубокой жизни трудную разгадку. Теперь пойду я дальше, пѣснь, сказку вѣчную свою нести—о новомъ откровеніи Святого Духа, который спизойдетъ въ сердца людей; иду я дальше сѣять искръ Божьихъ посѣвъ обильный, рождающихъ въ могучихъ душахъ подвигъ.

(Медленно удаляется. Король и Сонка стоятъ, пропикнутые значеніемъ его словъ. Минута молчанія.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Король (встаётъ вдругъ съ рѣшимостью). Его пророчество я исполню и исполнителемъ его я буду воли. Свершится то должно, чего онъ хочетъ... Ты — сладкая моя, алмазная мечта,—вѣщунья, я — сплю твоей могучею пдѣломъ буду! (Крики снова усиливаются на дворѣ.)

Сонка (опять впадая въ состояніе испуга и ясновидѣнья). Алмазныхъ грезъ таинственную дымку разсѣютъ вихри буйные и злые, клубящіеся тамъ внизу глубоко. Невидимый, неуловимый, страшный клубится онъ, губитель-вихрь, и землю всю онъ облетаетъ; онъ всюду проникаетъ и тѣнью своею каждое онъ лижетъ сердце: а самаго его словить или хотъ сыскать никто не можетъ...

(Вдругъ появляется **Канцлеръ** и останавливается у дверей съ дерзкимъ и увѣреннымъ видомъ.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Канцлеръ. Не нужно вамъ искать меня, король, я— всюду. Всевидящій и вездѣсущій, вѣчный, не одному я королю ужъ размогилъ высокоподнятую голову и не одну я съ гордой головы корону сбросилъ, и скипетръ дерзкою своей рукою я не одинъ изъ рукъ исторгнулъ королевскихъ.

Меня жь ничто не можетъ уничтожить: на мѣстѣ срубленной сто сразу вырастаетъ опять головь, и вмѣсто одного сто тысячъ жалъ опять шипятъ въ моей гортани. Такъ сказка вѣчная живетъ, не умирая, несмѣтный рядъ вѣковъ, и въ царствіе твое жить будетъ неизмѣнно...

Король (спасала испугавшись, потомъ приди въ ярость). Какъ смѣешь, подлый песь, ты дерзко такъ при королѣ своемъ и господинѣ говорить... (Замахивается скипетромъ надъ головою Канцлера.)

Канцлеръ. Ты раздавить меня, король, не можешь: я голосъ и могущество толпы, а голосъ этотъ вѣченъ и безсмертенъ.

Сонка (удерживаетъ руку короля). Боже!..

Король (опускаетъ руку). Прочь! прочь! Уйди, пока ты живъ еще. Да знай, что гидръ этой я голову желѣзнымъ каблукомъ разможжу, хоть тысяча, не сто, ихъ было бь у нея!

Канцлеръ. Попробуй, государь... (Насмѣшливо хохочетъ.)

Король. Прочь съ глазъ моихъ теперъ. Последнимъ деньщикомъ ты станешь у меня; ты — прежде первый, посмѣшищемъ здѣсь будешь и примѣромъ, какъ я караю дерзость и непочитительность къ моей священной власти. Теперъ же уходи!

Канцлеръ (удаляясь). Моей пастойчивости и упорству нѣтъ, король, предѣла...

ЯВЛЕНИЕ XI.

Король. Какая-то невѣдомая сила растеть во мнѣ, бурлить, крѣпчаетъ, такъ океанъ, взволнованный грозою, бушуетъ, громадой волнь о скалы ударяетъ, срываетъ ихъ и въ бездну поглощаетъ, чтобъ новое, невиданное чудо изъ нѣдръ своихъ родить...

Сонка. А душа моя, какъ будто омутъ глубокий озера, который топить въ своей спокойной, бездонной глубинѣ сердитый ревъ и бурю жизни...

Король. Возлюбленная ты моя, царица!

Сонка. Возлюбленный мой, царь мой!

ДѢЙСТВІЕ II.

Декорация та же.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сонка сидит задумавшись, окруженная толпой прислужницъ и придворныхъ дѣвушекъ, которыя стараются развеселить ее.

Сонка. Ахъ, подружки мои дорогія, ваши руки будутъ держать мою горностаевую королевскую мантию...

Прислужницы (подобострастно склоняются къ колѣнямъ Сонки) Для насъ это будетъ высшее счастье, высшее наслажденье.

Сонка. Подружки мои, я пройду промежь васъ, словно свѣтлый лучъ солнца межъ цвѣтовъ садовыхъ разноцвѣтныхъ.

Прислужницы. Государыня наша!

Сонка. Я буду смотрѣть на вашу красу, словно на пышную рощу розъ, бѣлыхъ и пурпурныхъ...

Прислужницы. Мы недостойны, государыня, чтобы ты такъ смотрѣла на насъ...

Сонка. Я буду смотрѣть, какъ вы будете склонять головы предъ величіемъ и могуществомъ моего супруга и господина, словно поле маку и васильковъ, колыхаемое легкимъ вѣтромъ.

Прислужницы. Государыня наша!

Сонка. Красавицы, подружки мои... (замѣчаетъ вдругъ въ толпѣ холодную, мрачную фигуру вороженъ Божены.) А ты отчего не радуешься съ другими моему счастью?

Божена. Потому что я сердце твое государыня полюбила...

Сонка (съ удивленіемъ). Что же значать слова твоя?

Божена. Я сердце короля полюбила.

Сонка. Что ты говоришь? Говори яснѣ!

Божена. Можно ли яснѣй сказать, что полюбила я святое пламя, что изъ двухъ душъ взлетаетъ къ небу и раздуваетъ святой пожаръ въ несмѣтныхъ сонмахъ душъ отъ края и до края...

Сонка (задумавшись). Отъ края... и до края... (Встрепенувшись.) Ахъ подружки мои, на вашихъ рукахъ будетъ лежать тяжелый пурпуръ моей королевской мантии — тяжелый.

Прислужницы. Приятно будетъ для насъ эта тяжесть.

Божена. Быть-можетъ, и не понесутъ ея ваши руки; быть-можетъ, и иѣтъ... Хороша собой королева и много власти у нея и силы, но есть одна большая...

Сонка. Какая жъ можетъ быть сила больше, чѣмъ красота любви, красота искренней жажды правды, красота сѣянья золотыхъ зеренъ любви и правды среди людей? Что жъ это за темная сила — та, о которой ты говоришь мнѣ?

Божена. Лицемеріе, ложь...

Сонка. Что значить ложь? Гдѣ видишь ты ее? Я до сихъ поръ знала только свѣтъ правды. Есть развѣ что-нибудь, что могло бы загрязнить красоту и свѣтъ правды? (Шумъ среди собравшихся рядомъ вельможъ и рыцарей.)

Божена. Вы слышите, любезная государыня? Вотъ эта темная сила, что можетъ забрызгать грязью красоту любви и свѣтъ правды...

Прислужницы. Не слушай ея, государыня, не слушай. Это колдунья, она со злыми духами въ сговорѣ!

Божена (не обращая вниманія). Не одѣвай ты бѣлой, золотистой королевской одежды, — тебѣ ее обрызгаютъ грязью; не одѣвай ты на свои стройныя плечи пурпурной королевской мантии, — обольютъ тебѣ ее помоями; не одѣвай ты на чело свое чистое блестящей короны — скуютъ ее тебѣ, для посмѣшища, изъ подлой жести. Не садись ты на тронъ королевскій, — стоять онъ на свѣтящейся гнили земной...

Прислужницы. Безумная! Безумная! Безумная...

Божена. Не безумная я, — только вижу тайну правды сквозь блескъ лицемѣрья и лжи...

Сонка (пораженная, хватается Жену за руку). Я вѣдь красоту и счастье несу съ собой!

Божена. Испачкаютъ грязью красоту любви твоей, государыня.

Сонка. Я вѣдь чистое золото солнца правды хочу во-кругъ себя сѣять!

Божена. Гаснетъ и чернѣетъ блескъ солнца въ грязной лужѣ...

Сонка. Я хочу вѣдь щедрой рукою сѣять счастье въ моемъ народѣ.

Божена. Народъ, о которомъ ты думаешь, безвластенъ и спитъ... пѣтъ народа... есть только толпа, вонь та. (Указываетъ рукой въ сторону, откуда доносится шумъ, затѣмъ медленно удаляется; Сонка бѣжитъ за нею и хватается ея за руку).

Сонка. Я сердце вырву изъ груди и брошу имъ въ подарокъ!

Божена уходитъ. Растопчутъ...

Сонка (бѣжитъ за нею). Подожди! Подожди! Что ты говоришь!?

Божена (въ дверяхъ). Пойдемъ за мною.

(Сонка хватается ея за руки и уходитъ съ нею).

ЯВЛЕНИЕ II.

Прислужницы (разражаются громкимъ, псамфилливымъ хохотомъ; расходятся, дѣлился на группы, шепчутся и перекрикиваются другъ съ дружкой). Смѣйтесь, смѣйтесь, подружки! Будемъ мы носить короны и діадемы! Будемъ мы склоняться подъ тяжестью горностаевыхъ королевскихъ мантій! Будемъ мы колыхаться, какъ цвѣты на лугу! Ха, ха, ха!

Одна (другой). Пошла себѣ, пошла съ этой юродивой дѣвкой! Чему дивишься, къ свояку свояка тянетъ изда-лека...

Другая. А когда я сегодня сидѣла съ вечера у ея постели, я слышала, какъ она шептала слова заклинаній...

Третья. А когда солнце заходило, видѣли вы, какъ

глаза у ней остолбенѣли, словно душа у ней отлетѣла?.. Это она съ чортомъ вела тайные разговоры.

ЧЕТВЕРТАЯ. А не видѣли вы, какъ у ней глазищи сверкали, когда она на короля смотрѣла? Это она чары дьявольскія на него наводила...

ПЯТАЯ. Хочетъ она колдовствомъ короля къ себѣ привязать! Ха, ха, ха! Оттого-то, хоть красна она, никто на нее, какъ на другихъ дѣвокъ, посмотрѣть не смѣетъ. Видитъ всякъ, что духи ее стерегутъ. Ха, ха, ха! А король думаетъ, что это чистота и невинность!

ШЕСТАЯ. А знаете, — и отецъ ея чертей вызываетъ, надъ людьми колдуетъ, ртуть превращаетъ въ золото. Это онъ-то, колдунъ этотъ, дочку свою чорту продалъ да ее чертовскимъ фокусамъ научилъ, чтобъ короля ей на удочку поймать!

ПЯТАЯ. И подумать только, что эта дочка бродяги-колдуна должна стать нашей королевой, а мы ей въ ноги кланяться будемъ!

Всѣ. Долой ее! Долой колдунью!

ТРЕТЬЯЯ. Говорятъ, мать ея тоже ничѣмъ лучшимъ не была, а умирая оставила ей всего приданого — одинъ перстенекъ, заколдованный, говорятъ, который ее отъ отравы и желѣза бережетъ и вѣчную ей даетъ молодость.

ВТОРАЯ. И это все приданое королевы! Ха, ха, ха!

Всѣ. Ха, ха, ха! Прекрасное приданое! Такого еще ни одна королева съ собой не приносила!

ПЕРВАЯ. А король вѣрнѣ въ эти чары и колдовство и свѣта за ней не видитъ! На любую изъ насъ, хоть красивую, что твой маковъ цвѣтъ, и однимъ глазомъ не посмотритъ! (Съ ненавистью.) Ахъ, колдунья!

ВТОРАЯ. Изъ-за нея забылъ онъ все свое прошлое, такое блестящее, связи и сношенія съ сосѣдними дворами.

ПЯТАЯ. Красотой называетъ то, что стереть съ земли нужно, потому что народъ такъ хочетъ, а народная воля — свята...

ЯВЛЕНИЕ III.

(Въ комнату, украдкой, согнувшись, вползаетъ Канцлеръ)

КАНЦЛЕРЪ (со сдержаннымъ злобнымъ смѣхомъ). Я слышалъ...

что вы говорили, слышалъ... Вы хорошо, отлично говорите... Да, да, народа воля — свята. А я тружусь, работаю усердно, надъ тѣмъ, чтобы исполнилась святая эта народная незыблемая воля. Ха, ха, ха! Коронуемъ мы ее, чепцомъ колдуньинымъ ее коронуемъ! На мѣсто бисера, порфиры, горностаевъ, въ отрепья грязныя ее мы разодрѣемъ. На мѣсто жемчугомъ унизанныхъ сапожекъ, мы туфли грубые ей, деревянные, дадимъ, чтобъ ихъ о камни острые не скоро износила! На цѣпь колдунью прикуемъ мы у воротъ собора, на посмѣянье зѣвакамъ любопытнымъ... (Всѣ смѣются.) Ей красоты и королевской славы захотѣлось! Ха, ха, ха! Дадимъ ей красоту! А вы, прислужницы, ее вы грязью и мусоромъ засыпите, а подъ ноги ей будете бросать горящій уголь и кремни острые. А тѣло, тѣло бѣлое ея щипцами рвать вы будете... а... (Обрываетъ вдругъ и быстро скрывается въ уголокъ комнаты; входитъ К о р о л ь.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Всѣ отдають низкій поклонъ и смолкають.)

К о р о л ь (увидѣвъ Канцлера, прислѣдывшагося къ стѣнѣ). А ты, что дѣлаешь здѣсь?

К а н ц л е р ь (выходитъ впередъ съ покорностью). Совѣтоваться я пришелъ съ прислужницами тутъ и дамами двора, какъ бы торжественнѣй отпраздновать обрядъ высокой коронаціи нашей королевы.

К о р о л ь (грозно). И смѣешь ты смотрѣть въ глаза мнѣ прямо?

К а н ц л е р ь (опуская взоръ къ землѣ). Я, государь, всегда могу отважно властелинамъ въ глаза смотрѣть...

К о р о л ь. Змѣи нахальнымъ взоромъ, глазами низкаго безстыдства!...

ЯВЛЕНИЕ V.

(Вбѣгаетъ Шуть.)

Ш у т ь. Счастье, веселье въ твоемъ замкѣ! Прыгаетъ, ахъ, какъ прыгаетъ весь твой дворъ и танцуетъ! Только не подь твою, король дудочку... (Подпрыгивая.) Ай, быть! быть! быть! (Останавливается.) А, можетъ быть и не быть? Батюшки, какъ сладко,

какъ прекрасно... (Принимаетъ вдругъ серьезный видъ, весь мѣняясь;— порывисто) И нѣтъ развѣ у тебя силы, чтобъ вырасти могучимъ дубомъ высоко за предѣлы жалкой жизни? Нѣтъ силы у тебя — изъ мутныхъ волнъ рвануться и въ небо пѣнистымъ каскадомъ брызнуть? Нѣтъ силы у тебя для этого? За небеса рвануться!? (Вдругъ въ ужасѣ) Нѣтъ!?!..

Король (отталкиваетъ его съ гнѣвомъ). Прочь!

Шутъ (испугавшись собственной смѣлости, отступаетъ назадъ). Государь...

Король (смотритъ на него глубоко и долго). Да... ты мой... Ну, а теперь найди... найди мнѣ королеву!

(Шутъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

(При входѣ короля прислужницы и придворныя дамы разбѣжались въ испугъ. Король смотритъ кругомъ.)

Король. Что это значить? Вы, прислужницы и по други здѣсь одни, безъ вашей госпожи и даже не знаете, гдѣ ваша королева?

Одна изъ придворныхъ. Государыня ушла, она пошла въ свои чертоги.

Король. Одна?

Та же. Съ Боженой, государь.

Король. Вы можете уйти.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Король (канцлеру, который въ покорной хитрой позѣ со скрещенными на груди руками стоитъ у стѣны). Ты снова здѣсь, чтобы заговоры строить противъ меня, чтобъ окружать меня измѣной, ложью, какъ дѣлали вы всѣ при жизни королевы умершей съ нею во главѣ же?

Канцлеръ. Она для насъ любезной королевой была. Дворъ блескомъ поражалъ роскошнаго величья и красоты...

Король (съ ironiей). О, да, любезною была она для прихвостней своихъ и ловеласовъ, а до народа, до всего народа, страдавшаго отъ голода, ей дѣла было мало. Да, да; краса, велпчье, роскошь, были для васъ, толпы придворной, жадной до блеска мшшуры. Свѣтящееся порошно

васъ ослѣпляло, внутри котораго все гнило, разлагалось. Величіемъ считали вы, въ чемъ я ничтожество тщеславья видѣлъ. Теперь несу я свѣтъ иной, свѣтъ ясный истины, котораго всѣ ваши козни коварныя не могутъ погасить.

КАНЦЛЕРЪ (съ безсильной злобой и насмѣшкой). А помнишь, государь, однако, какъ ты цвѣткомъ прекраснымъ покойную супругу называлъ.

Король. Ха, ха, какъ ни умень ты, все-таки иначе ты не сумѣлъ понять мои слова? Не понялъ ты, что видя, какъ разросся сорный паразитъ, я звукомъ сладкихъ словъ старался заглушить его?

Канцлеръ. А этого не помнишь ты, какъ все, что дѣлала она, ты называлъ поступками невиннаго ребенка, и все, что королева говорила, ты правдой называлъ?

Король (съ горькою насмѣшкой). Да, да, когда развратъ въ мой королевскій дворъ она вводила, а вы, негодная собачья свора, ей помогали всѣми силами, тогда презрѣніемъ, стыдомъ и отвращеніемъ объятый, я маской закрывалъ лицо, невидящимъ и ни о чемъ не знающимъ какъ будто притворяясь...

Канцлеръ. Остановись, король! вѣдь ты ее еще святою называлъ!?

Король (съ глубокимъ презрѣніемъ). Величіе наследственнаго трона спасать мнѣ приходилось. Ложь лицемѣрная единственный разъ въ жизни уста мои сумѣла загрязнить, чтобы оскверненное развратомъ королевское гнѣздо закрыть завѣсой лжи. Святую чистоту и честь отцовъ и праотцовъ моихъ чертога, — ха, ха... — я ложью обмыть хотѣлъ! Но — будетъ! Время эту маску сбросить! Хочу я жизнью полной, ясною зажечь и возрожу себя я этимъ и мой народъ. А то — такъ далеко осталось позади, не существуетъ больше для меня оно, не существовало никогда! Ошибся ты на этотъ разъ, почтенный канцлеръ. Ты этимъ гнѣва даже моего не возбудишь. (Презрительнымъ жестомъ даетъ канцлеру знакъ уйти и ходить по комнатѣ. Канцлеръ не трогается съ мѣста и упорно стоитъ въ той же покорной позѣ, слѣдя глазами за королемъ.)

Король (останавливаясь вдругъ передъ канцлеромъ). Чего еще ты хочешь?

Канцлеръ. Благоволите, государь, слова покорныя мои услышать: по-моему общеніе съ Богоженой—кто, ворожей, говорить, а кто—колдуньей,—вліяетъ пагубно на душу королевы. Всѣ замѣчаютъ, что она въ послѣднія недѣли задумчива и безпокойна стала, и все тревожится, хотя вѣрнѣйшіе вокругъ нея все слуги, вѣрнѣйшіе все подданные. Да, любовью нашею и нѣжною заботою она окружена.

Король. Ну, повтори еще разъ то-же и прямо мнѣ въ глаза смотри!

Канцлеръ. Не смѣю я взглянуть въ величественныхъ глазъ твоихъ сіянье, блескъ ослѣпителей его; позволь мнѣ лучше всепокорно колѣни цѣловать твои.

Король (съ большою силой). Въ глаза мнѣ посмотри!

Канцлеръ (извиваясь). Не смѣю. Я хотѣлъ бы лучше облобызать стопы твои, мой властелинъ и государь. (Опускается на колѣно передъ королемъ).

Король (хватаетъ его вдругъ за плечи и потрясаетъ имъ). Свой ядовитый черепъ подыми и прямо мнѣ въ глаза смотри!

Канцлеръ. Не смѣю я. Вѣдь истина—всегда стыдлива...

Король. Такъ говори мнѣ, гадина, скорѣй истину твою!

Канцлеръ (показывая видъ, будто глубоко страдает). Не въ силахъ я, король...

Король. Ну, говори, не то я этими руками безъ капли жалости сверну тебѣ твой черепъ!

Канцлеръ (съ еще большимъ страданіемъ). Король, я не могу...

Король (бросаетъ его на землю и топчетъ ногой). Говори!

Канцлеръ. Пусти меня, король и государь, я все тебѣ скажу. Я знаю хорошо, что ждетъ меня за это смерть; я не хочу погибнуть отъ твоей руки, но все сказать я долженъ...

(Король пускаетъ его, стоитъ съ грознымъ видомъ. Канцлеръ подымается съ земли и лепечетъ, какъ будто разбитымъ страданіемъ голосомъ.)

Канцлеръ. Народъ, король, не хочетъ королевой твою признать супругу...

Король. Что должно это значить?

Канцлеръ. Возлюбленной твоей, король, народъ не хочетъ королевою признать, супругою твоею даже не хочетъ народъ ее назвать, мой государь...

Король (отталкиваетъ ногой стоящаго на колыняхъ канцлера). Врешь, хитрый змѣй! (Шатается отъ волненія). Прочь съ глазъ моихъ! Опускается безъ силъ на тронъ и закрываетъ рукой глаза, желая скрыть страданіе. Канцлеръ медленно подымается съ земли и смотритъ на короля съ безпредѣльной ненавистью).

Канцлеръ (шепчетъ, шипя, какъ змѣя). Стоглавой гидрѣ головы ты не растопчешь: на мѣсто срубленной сто новыхъ, тысяча вдругъ вырастетъ. Одинъ ей глазъ ты выколешь, — сто тысячъ глазъ Аргуса тотчасъ же жечь тебя начнутъ пальцимиъ взоромъ. Языкъ ей ядовитый вырвешь, — сто новыхъ жалъ начнутъ шипѣть въ ея гортани... (Медленно, не спуская полного ненависти взгляда съ короля, выходитъ изъ комнаты).

Король (немного спустя подымаетъ голову, какъ будто проснувшись отъ глубокаго сна. Протираетъ глаза и съ тоской смотритъ кругомъ). Гдѣ ты, Сонка... гдѣ ты?

ЯВЛЕНИЕ VIII.

(Медленно, тихо, входитъ Сонка, садится около короля и прижимается къ его груди).

Сонка Я здѣсь, съ тобой... Во снѣ и на яву, — всегда съ тобой я...

Король. Ты это, жизнь моя, да—это ты? Твой голосъ дымкою окутанъ грусти какой-то...

Сонка (вдаль, словно во снѣ). Не въ этомъ мѣрѣ царствовать мы будемъ.

Не въ этомъ мѣрѣ мишуры и лицемѣрья.

Тамъ, тамъ далеко, —

гдѣ царитъ безбрежной жизни

Святая красота, —

гдѣ моря гладь лазурной грудью

Полуденному небу отдается, —

Гдѣ горъ вершины, пламеннымъ сіяньемъ солнца

Облитыя, цѣлуются любовно съ облаками.

Король. Что говоришь ты мнѣ? Какой-то вѣщій сонъ

Сонка. Тамъ, гдѣ стоять на неприступныхъ скалахъ
Изъ мглы красота земли и неба сотканныя стѣны
Волшебныхъ нашихъ, чародѣйскихъ замковъ —
Тамъ царствовать мы будемъ...

Не въ дорогой коронѣ,
Не въ пурпуромъ украшенныхъ одеждахъ,
Не во дворцахъ изъ мрамора и дорогого золота —
Въ сердцахъ, обвитыхъ пламенемъ любви пурпур-
нымъ,

Въ сіяніи восторгомъ окрыленныхъ нашихъ душъ
Мы будемъ царствовать.

(оживляясь) И развѣ недостаточно сильны мы,
Чтобъ пламенемъ сердецъ и душъ своихъ завѣсы
Тумановъ разодрать, что насъ тяжелой пѣбью
Сковали и къ землѣ все давятъ, давятъ,
Чтобъ вырваться изъ ихъ оковъ далеко въ высь —
далеко...

Король (увлеченный, порывисто встаетъ). Нѣтъ, больше:
огненною лавой

Въ небеса лазурное пространство брызнуть,
Огнемъ ся спалить врата ихъ
И въ нихъ войти...

Сонка (полная радости). Смотри! Какъ счастлива теперь
твоей я силой!

Какъ радостнымъ твоей души парнемъ
Душа моя объятая растеть!..

Король. Ты, ясная денница дней моихъ!
Ты, откровеніе туманныхъ моихъ сновъ!
Корону я свою кладу у ногъ твоихъ,
Все королевство, жемчугъ, пурпуръ —
Бросаю я къ твоимъ ногамъ!

Сонка (опускаетъ вдругъ руки). Ахъ — не то это, не то!

Не этой мнѣ короны нужно,
Что мысль, летящую въ заоблачныя выси
Къ землѣ притягиваетъ, давить...
Не надо мнѣ ни пурпура, ни золота,
Не надо мнѣ дворцовъ роскошныхъ, трона,
Что на землѣ свѣтящей гнили стоятъ.

Иного царства нужно,
 Не царства надъ землей и надъ толпой я жажду;
 Туда... туда...

гдѣ на крутыхъ вершинахъ

Изъ грезъ алмазныхъ сотканныя стѣны
 Стоять волшебныхъ нашихъ, дивныхъ замковъ —
 Туда, туда веди меня, король мой, мой любовникъ!

Король (порывисто встаетъ). Нѣтъ! Нѣтъ! Я молодецъ!

Кровь моя играетъ въ жилахъ
 И къ дѣлу, къ подвигу зоветъ меня!
 Борьбы, борьбы мнѣ хочется, побѣды!
 Хочу я, чтобъ весь этотъ мѣръ
 Въ мягчайшій, шелковый коверъ бы превратился,
 Чтобы по немъ, ступая маленькою ножкой,
 Могла пойти ты и воссѣсть на тронъ мой королевскій.
 Побѣдоноснаго величія сияньемъ,
 Всѣмъ блескомъ королевской моей мощи
 Хочу твои точенныя покрыть я плечи.
 Блескъ лучезарный власти надъ толпою
 Послушной мнѣ пусть будетъ той короной,
 Которую я на твою головку златовласую одѣну...
 Бесплодную пустыню я плодородной сдѣлаю,
 Цвѣтами ее усѣю и разстелю ковромъ передъ тобою...

Сонка (Тяжело опускается; немного спустя встаетъ опять, задумавшись и словно во снѣ, говоритъ вдаль, медленно уходя). Не одѣвай ты бѣлыхъ королевскихъ платьевъ — забрызгаютъ тебѣ ихъ черной грязью; не одѣвай на плечи стройныя порфиры — помоями ее тебѣ испортятъ; не одѣвай на голову короны драгоценной, — на смѣхъ ее тебѣ скуютъ изъ подлой жести. И не садись на тронъ ты королевскій — стоитъ онъ на землѣ свѣтящей гнили... (Медленно уходитъ. Король бессознательно слѣдуетъ за нею. Когда Сонка исчезаетъ за дверями комнаты, онъ останавливается въ полузабытьѣ на порогѣ. Въ комнату тихо, осторожно заглядываетъ Шутъ, останавливается въ дверяхъ, смотритъ съ заботой и состраданіемъ на короля, затѣмъ быстрыми шагами подходитъ къ нему, останавливается за самой его спиной и говоритъ ему почти на ухо).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Шутъ. Ты грезишь, государь? (Король пробуждается отъ забытья, протираетъ глаза, подымаетъ голову). А гдѣ жъ копье твое,

которымъ гидру стоглавую толпы ты поразить намѣренъ? Гдѣ когти острые, которыми ей жало изъ пасти вырвать хочешь ты? Гдѣ силы чуткія твои?

Король (встрепенувшись, выпрямляетъ мощную фигуру, ударяетъ въ ладоши. Все это онъ дѣлаетъ не видя шута. Входитъ Герольдъ.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Король. Объявить тотчасъ же, чтобы вельможъ и рыцарей совѣтъ немедленно собрался и сюда ко мнѣ явился. (Герольдъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Шутъ. Они давно ужъ ждутъ здѣсь въ залахъ боковыхъ и коридорахъ, чтобъ объявить тебѣ народа волю...

Король. Какую волю?

Шутъ. Народъ подъ ихъ давленьемъ и подстрекательствомъ все громче негодуетъ на то, что безъ его согласья король украдкой въ пустыни вѣнчался съ дочерью волшебника и ворожея, который, какъ говорятъ, туманомъ королю глаза затмилъ, такъ что на блескъ и роскошь въ государствѣ онъ пересталъ смотрѣть и весь предался занятію гадашемъ и волшебствомъ.

Король (въ гнѣвъ). Не нужны мнѣ ихъ добрые совѣты. (Ходитъ по комнатѣ). Никто еще донинѣ не смѣлъ пытаться волѣ противодѣйствовать моей и подвергать суду мои поступки. Не будетъ этого и впредь, а... канцлеръ... Власть его моей не равна! (Уходитъ въ волненіи. Вслѣдъ за нимъ удаляется также печальный шутъ).

ЯВЛЕНИЕ XII.

На пустую сцену, осторожно оглядываясь кругомъ, входитъ **Канцлеръ**. Садится, разваливаясь, на одно изъ креселъ поближе къ трону и, въ ожиданіи, насмѣшливо смотритъ въ сторону входа, откуда начинаютъ появляться шумно и надменно вельможи и рыцари).

Одинъ изъ вельможъ. Сегодня, кажется, король опять бороться съ нашей волей хочетъ.

Всѣ. Нѣтъ, не дадимся, не дадимся!

Другой голосъ. Долой проклятаго кудесника! Долой и дочь его!

Канцлеръ (насмѣшливо). А что? Не такъ-то было намъ, когда покойная супруга короля еще жила? Родъ знатный и богатый; величья сколько было въ ней. При ней плясали, веселились, пили вина. Венерѣ, Вакху жертвы приносились. Король одинъ корпѣлъ надъ книгами и думалъ о благѣ своего народа, скотины тупоумной. Но мы напрасно времени не тратили и съ доброй госпожой безопасно веселились. Теперь же что? Хе? Книги маговъ, угрюмое уныніе и скука, скука, господа вельможи. А король съ проклятою своей любовницею погруженъ въ свои видѣнья сонныя и колдовство.

(Всѣ смѣются пустымъ смѣхомъ).

Канцлеръ. А что? Великолѣпная будетъ коронація? Всѣ. Ха, ха, ну ужъ и коронація!

Другой голосъ. Долой проклятыя волхованія, что свили себѣ гнѣздо при дворѣ!

Третій. Долой унылую любовницу!

Канцлеръ. Ну, а теперь потише! Я слышу королевскіе шаги! Такъ помните же все, что я вамъ говорилъ!

(Всѣ умолкаютъ. Канцлеръ поспѣшно ускользаетъ. Входитъ Король, за нимъ тотчасъ же Стиборъ и Богдаръ, значительно позже незамѣтно входитъ Шуть).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Король (Въ гордой, величественной позѣ стоитъ, опершись о ручку трона). Я слышалъ, господа, что нѣсколько часовъ уже вы ждете меня въ сосѣднихъ комнатахъ и галлерейхъ. Скажите же мнѣ, съ чѣмъ приходите ко мнѣ вы? Если просить хотите вы о благѣ вашемъ, исполню ваши просьбы я. А если кто-нибудь обиженъ недругомъ и съ жалобой пришелъ, я справедливый судъ свершу и накажу обидчика. Но если вы пришли съ моей бороться волей — я сокрушу васъ въ прахъ!

Стиборъ. Король и государь! Рукой своею дряхлой не прикасался я къ коварнымъ кознямъ; съ совѣтомъ чи-

стымъ и откровеннымъ я сразу предъ тобой предстать хотѣлъ, чтобъ усмирить изволилъ ты мятежь, волнующій умы народа твоего; но не допущень былъ къ тебѣ. А волосы мои, что въ рыцарскихъ дѣлахъ ужъ посѣдѣли, не позволяютъ мнѣ уязвать, кто къ мятежу народъ твой подстрекалъ и лицемерно лгать передъ тобой училъ. Я самъ, — король, прости, — хотя въ намѣреніяхъ твоихъ ошибку видѣлъ, всегда, однако, вѣренъ былъ тебѣ и вѣрности своей не измѣню.

Б о г д а р ь (съ жаромъ) И я, король, и я! Всю молодую кровь свою готовъ пролить я за тебя и королеву!

(въ толпѣ вельможъ глухое молчаніе.)

К о р о л ь. Спасибо вамъ. Ну, а теперь другіе, собравшіеся здѣсь, скажите мнѣ, съ чѣмъ вы пришли сюда? Я васъ созвалъ, чтобъ объявить вамъ разъ еще, что непреклонно я желаю, чтобъ королевою супругу вы мою признали. И воли я своей не измѣню, хотя бы вмѣстѣ съ вами пришлось мнѣ на развалинахъ королевства моего погибнуть.

О д и н ѣ и з ѣ в е л ь м о ж ь (выступая отъ имени собранія). Мы именно явились предъ лицо твое, любезный государь, объявить, что волю мы твою хотимъ исполнить, но въ настоящую минуту это невозможно и коронацію твоей супруги придется отложить въ виду того, что есть формальныя и слишкомъ очевидныя причины...

С т и б о р ь (вполголоса). Опять ихъ лживыя, пустыя отговорки...

В е л ь м о ж и. Вели ему молчать, король! Онъ хочетъ очернить насъ предъ тобою!

К о р о л ь (съ гордостью и презрѣніемъ). Не клеветайте! Хорошо извѣстны мнѣ намѣренія ваши. Вижу я ихъ слишкомъ глубоко и ясно. Съ недѣли на недѣлю и съ мѣсяца на мѣсяцъ откладываете вы моей супруги коронацію. Но доводы пустыя и предлоги ваши все менѣе становятся похожими на правду. Разъ говорите вы, что у епископа на сохраненіи корона находится, а епископъ въ Римѣ будто бы теперь и лишь не скоро будетъ. Я разослалъ гонцовъ и мнѣ принесли извѣстіе, что ужъ давно корона у васъ

въ рукахъ находится. Въ другой разъ говорили вы, что будто папскаго легата здоровье пошатнулось и онъ сюда не можетъ явиться, чтобъ голову моей супруги помазать миромъ. Между тѣмъ, я письма получилъ, изъ коихъ видно, что легать находится въ прелестнѣйшемъ здоровьи. Къ какой же цѣли эти выдумки ведутъ?

Голосъ изъ толпы вельможъ. Не лжемъ тебѣ мы, государь; хотимъ мы только короновать твою супругу лишь тогда, когда спокойнѣе наступитъ время; не въ ту минуту, когда внутри домашніе раздоры начались, а извнѣ врагъ грозитъ на насъ напасть.

Король (съ порывомъ). А кто въ побѣдоносныхъ битвахъ вами предводилъ, кто съ вами бралъ добычу богатую у этого жъ врага? Кто велъ отряды и съ презрѣнемъ къ смерти самъ въ первый шелъ огонь, чтобъ вамъ лишь славу и земли пространства у недруга отнятыя добыть? Не я ли? Не помните вы той минуты, когда опасностью презрѣвъ мнѣ угрожавшей, рискуя, что вотъ-вотъ роі ядовитыхъ стрѣлъ мнѣ въ спину попадетъ, я, стремглавъ, одинъ съ ничтожной горстью отважныхъ смѣльчаковъ преслѣдовалъ врага? Не помните? Ну, отвѣчайте!

(Угрюмое молчаніе.)

Король. Не требую отвѣта я отъ васъ, молчанье ваше говоритъ краснорѣчиво о вашей наглости.

Вельможи. Прости намъ, государь, неблагодарность нашу, но какъ же праздновать намъ коронацію супруги твоей, когда болѣзнь и голодъ надъ страной свирѣпствуютъ?

Король (опять вспыхиваетъ гнѣвомъ). А развѣ щедрою рукою я не осыпалъ васъ подарками богатыми? Не отворилъ я развѣ бѣднымъ и голоднымъ амбары полные мои? Жена моя своими же руками не одѣляетъ развѣ милостыней бѣдныхъ и хлѣбомъ голодныхъ подданныхъ? А я сокровища свои не роздалъ нищимъ и голоднымъ? Когда же моръ свирѣпствовалъ, съ супругой развѣ я изъ дома въ домъ самъ не ходилъ, а она съ любовью полнымъ сердцемъ не перевязываетъ развѣ ранъ несчастнымъ, не утѣшаетъ развѣ ихъ въ послѣднія минуты жизни? Пусть выйдетъ тотъ, кто смѣетъ отрицать все это. (Глухое молчаніе.) И мало ль

приложилъ труда я и затратъ, чтобъ русла вашихъ рѣкъ установить, чтобъ хлѣбъ вашъ вы сплавлять могли? Не приказалъ я развѣ плотинами и множествомъ канавъ болота ваши въ плодородныя поля преобразить? И не пекусь ли я, какъ бы отецъ родной, о всемъ своемъ народѣ, и такъ вы благодарность мнѣ приносите...

Голосъ изъ толпы. Мы чтимъ тебя король!

Король (вспыхиваетъ гнѣвомъ). Да, чтите вы меня, а то, что для меня всего дороже, всего святѣе въ мѣрѣ — супруги дорогой моей — признать вы не хотите! О, знаю я, зачѣмъ пришли вы. Я чую это вокругъ себя. Ворчанье ваше слышу я и вой, хоть мнѣ въ глаза не смѣете сказать вы слова... (Глубокое молчаніе.) Заговорите жъ...

Голосъ изъ толпы. Тебѣ за насъ твой канцлеръ пусть отвѣтитъ...

(У входа шумъ и крикъ, кто-то съ кѣмъ-то борется.)

Король. Что тамъ за шумъ?

Стиборъ (подходя къ входу и выглядывая). Не знаю, государь. Какой-то человѣкъ къ тебѣ пробиться хочетъ и непременно тебя онъ хочетъ видѣть. Но не пускаютъ сторожа его; онъ все-таки дерется и пытается пройти. Изодрана въ лохмотья вся его одежда; кричитъ онъ громко, чтобъ услыхалъ ты здѣсь, его государь.

Король. Кто жъ это можетъ быть? Обиженный быть-можетъ? Онъ справедливости пришелъ просить? (Хочетъ подойти къ выходу.)

Стиборъ (загораживая ему дорогу). Любезный государь, навѣрно тамъ какой-нибудь бродяга, мошенникъ, можетъ быть. Я милостыню дать ему велю и пусть идетъ своей дорогой. Ты жъ, государь, къ нему не выходи.

Король (нетерпѣливо отталкивая въ сторону Стибора). Но видѣть я его хочу!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Въ залу вбѣгаетъ, вырываясь изъ рукъ прислужниковъ, полу-безумный человѣкъ въ изодранной одеждѣ, похожій на бродягу или злодѣя.

Бродяга (кричитъ отчаянно). Мнѣ нужно съ королемъ самимъ поговорить, мнѣ нужно!

Король (прислужникамъ). Пустите его тотчасъ же! (Бродяга, освободившись, бросается передъ королемъ на колѣни, вынимаетъ изъ-за пазухи мѣшокъ, изъ котораго сыпется золото, и бросаетъ его къ ногамъ короля. Ударяетъ лбомъ о землю и, не въ состояніи перевести духъ, подымаетъ съ мольбой руки вверхъ).

Король. Говори! Я каждую печаль и жалобу, хотя бы нищаго послѣдняго выслушивать привыкъ. Я справедливость учиню и просьбу всякую исполню. Не бойся же, безъ страха говори!

Бродяга. Всемиловѣйшій король и государь, не прикажи казнить, вели помиловать. Я, негодяй послѣдній въ королевствѣ твоемъ, далъ соблазнить себя вотъ этимъ золотомъ и за него хотѣлъ убить...

Король (движимый предчувствіемъ перебиваетъ его съ выраженіемъ немовѣрнаго ужаса). Кого, кого? Скажи..

Бродяга. Твою супругу, государь!

(Король падаетъ на тронъ и смотритъ кругомъ съ выраженіемъ глубокаго страданія и ужаса.)

Вельможи (съ притворнымъ негодованіемъ). О, ужась! ужась!

(Стиборъ и Богдаръ закрываютъ глаза руками.)

Король (овладѣвъ собой). Продолжай! Все говори, какъ было! Ничего дурного тебѣ не сдѣлають, хоть взора моего достаточно, чтобъ въ прахъ тебя стереть въ одну минуту.

Бродяга. Пришелъ ко мнѣ одинъ вельможа, государь... (Водитъ глазами по толпѣ окружающихъ.) Его не вижу здѣсь я, милосердный государь. Онъ далъ мнѣ этотъ золота мѣшокъ, который бросилъ я къ твоимъ ногамъ, король, и приказалъ, чтобы твою супругу я убилъ. Я — нищій; золото меня и соблазнило. Я притаился во дворцѣ, въ саду, когда одна, безъ стражи, по своей привычкѣ королева тамъ гуляла. За дуба стараго стволомъ я спрятался. Гляжу, идетъ задумчива, печальна, королева шагами медленными. Я сильнѣе рукоять кинжала обхватилъ и вдругъ подыалъ глаза... Невиннаго и безоружнаго ребенка лицо увидѣлъ я; такой небесной красотой и ангельскою чистотой она сіяла, что я скорѣй на Бога руку подыалъ бы, чѣмъ это свѣтлое, невинное и беззащитное обидѣть существо. И я, разбойникъ, воръ, впервые въ жизни затре-

петаль, кинжалъ изъ рукъ моихъ дрожащихъ выпаль, какъ сумасшедшій я бѣжалъ сквозь заросли и чащи, пока не добѣжалъ до дома своего, хотя земля проваливалась подъ моей ногою, а сердце молотомъ стучало стопу-довымъ. Мѣшокъ Іудия възялъ и сюда пришелъ, пробившись сквозь отряды стражи, чтобъ тебѣ его къ ногамъ съ раскаяніемъ бросить.

Король (вскакиваетъ, дрожа отъ волненія, хватаетъ его за плечо) Скажи! Кто далъ тебѣ червонцы? Говори! Тебѣ дурного ничего не сдѣлаютъ. Ты удалишься съ наградою отъ меня.

Бродяга (смѣло). Твой канцлеръ собственный, великій государь!

(По толпѣ придворныхъ проносится тревожное волненіе.)

Король (протираетъ рукою глаза). Канцлеръ... да, канцлеръ... (Бродягѣ). Теперь тебѣ я вѣрю. Можешь уходить. Ты безсознательнымъ орудіемъ служилъ. Свободу и жизнь тебѣ дарю я. (Казначеев.) Дукатовъ сотню и новую одежду дать ему.

(Бродяга, ошеломленный, бьетъ поклоны и уходитъ съ казначеемъ.)

ЯВЛЕНИЕ XV.

Одинъ изъ вельможъ. Подумай, государь, вѣдь это сумасшедшій былъ!

Король (съ презрѣніемъ). Онъ менѣе безуменъ, чѣмъ вы, когда противитесь одѣть корону на женщину, передъ невинностью и красотой которой послѣдній негодяй смутился. Разойдитесь. Я слушать не могу теперь рѣчей коварныхъ вашихъ, полныхъ лжи и козней скрытыхъ. Противно мнѣ разлитое на вашихъ лицахъ лицемѣрье. Правдиво, откровенно заговорите, тогда я слушать буду васъ.

Стиборъ (съ укоромъ). Король!

Король (перебиваетъ его). Я знаю, что ты вѣрный, честный рыцарь.

Богдаръ (съ жаромъ, припадая къ колѣнямъ короля). Король! Я грудь свою одинъ готовъ поставить, готовъ сразиться съ цѣлымъ міромъ и пасть, пробитый тысячею стрѣлъ, въ борьбѣ за жизнь твою и за твою супругу.

Король. Спасибо вамъ. Не къ вамъ я обращался. (Послѣ минутнаго раздумья съ выраженіемъ трудно скрываемого страданія уда-

раеть въ щигъ. Входить Герольдъ.) Найти и привести сюда мнѣ канцлера, хотя бы связаннымъ.

Одинъ изъ вельможъ. Подумай, государь, бродяга, можетъ быть, все выдумалъ, чтобъ отъ тебя награду получить.

Король. Онъ правду говорить. Онъ былъ орудіемъ невиннымъ въ рукахъ змѣи негодной, которую я на груди своей взростилъ. (Обращаясь къ Герольду.) Найти мнѣ канцлера. Схватить его, связать и въ подземелье засадить. На пытки и на смерть позорную его я осуждаю!

Одинъ изъ вельможъ. Остановись, король, безумный это былъ. Какъ можетъ быть, чтобъ канцлеръ смѣлъ...

Король. Я знаю эту гидру, которой наконецъ, сломить главу я долженъ. А кто отважится противу моей воли хоть словомъ занкнуться, отправится туда же въ подземелье! Довольно мнѣ измѣны и козней вашихъ! Довольно мерзкой лжи и низкаго коварства. Смерть канцлеру во что бы то ни стало.

Герольдъ. Великій государь! Увы, его ужъ нѣтъ давно. Когда бродяга намъ сказалъ всю правду, мы хотѣли тотчасъ же канцлера, какъ бѣшенаго пса связавши, предъ тронъ твой притащить, чтобъ должная его постигла кара. Сто человекъ, по всей странѣ тотчасъ же побѣжали искать его. Но не нашли! Нигдѣ нѣтъ канцлера; какъ будто онъ сквозь землю провалился!

Король (въ сильѣйшемъ порывѣ гнѣва). Не можетъ онъ уйти отъ моей власти! Во всеуслышанье я властью королевской объявляю, что кто бъ ни повстрѣчалъ въ предѣлахъ королевства злодѣя-канцлера, тому даю я право средь бѣла дня, какъ подлаго преступника, какъ пса убить, а голову его мнѣ въ доказательство принести. До самой смерти не смѣетъ онъ ногой ступить на эту землю и пусть никто изъ подданныхъ моихъ ему поддержку оказать или пріютъ не смѣетъ. И не наградами иль обѣщаньемъ платы хочу я поощрить васъ волю мою исполнить; но тотъ, кто хочетъ любовь свою ко мнѣ, привязанность и вѣрность трону на дѣлѣ доказать, того не испугаютъ опасности и труд-

ности исканій и козни канцлера. И голову его къ подножью трона моего тотъ принесетъ. Ну, кто жъ изъ васъ отважится на этотъ подвигъ?

БОГДАРЪ (выходитъ впередъ съ полной достоинства и скромности осанкой). Я, государь...

(Есть молчать.)

КОРОЛЬ (молча подаетъ ему руку, которую тотъ цѣлуетъ). Пусть Богъ тебя ведетъ по праведной дорогѣ!

Отъ васъ отвѣта я не жду; пускай за васъ поступки ваши отвѣчаютъ. Разойдитесь!..

(Вельможи направляются къ выходу; вдругъ вбѣгаетъ казначей блѣдный отъ ужаса.)

ЯВЛЕНИЕ XVI.

КАЗНАЧЕЙ. Бродяга, которому, король, ты жизнь и волю даровалъ и щедро наградилъ, палъ труномъ въ темномъ коридорѣ, ведущемъ въ одѣвальню, кинжаломъ пораженный какою-то невидимой рукою.

(Есть стоять, окаменѣвъ отъ ужаса.)

ШУТЪ (изъ глубины сцены). Я руку канцлера въ убійствѣ этомъ вижу...

КОРОЛЬ (приди въ себя, въ бѣшенствѣ). А все-таки ему не скрыться отъ руки моей! Я самъ пойду искать его, изъ-подъ земли его я вырою и собственной рукою я въ клочья изорву его!

ШУТЪ (съ застывшимъ спокойствіемъ). Не отыскать тебѣ его, король, нигдѣ, нигдѣ тебѣ его не отыскаль...

ДѢЙСТВІЕ III.

Декорація та же. Сумерки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Король (задумчиво). Знаешь, когда здѣсь такъ я ждалъ тебя, въ таинственномъ чертога полумракѣ, я вдругъ увидѣлъ, будто ты идешь ко мнѣ въ лучистомъ ореолѣ, твоихъ волосъ которые одни во тьмѣ чертога сіяли лучезарнымъ свѣтомъ: за каплей капля золото стекало съ нихъ, какъ будто нити дорогого жемчуга, и чудилось, какъ будто водопадъ расплавленнаго золота твой путь обозначалъ.

Сонка (не глядя на него). Это — любовь моя къ тебѣ и слезы мои, которые ведутъ тебя...

Король (перебиваетъ). Слезы? Не вѣришь развѣ больше ты, что я своей любовью ихъ въ счастья и гордости улыбку превращу?

Сонка. Вѣрю, вѣрю, возлюбленный ты мой, единственный. Но, помнишь ли тотъ странный сонъ, который посѣтилъ меня въ тотъ день, когда я въ первый разъ вошла въ чертоги эти, ты помнишь, какъ была потрясена я ужасомъ тогда?

Король. О, говори! о, говори! Я сны твои люблю. Мнѣ кажется тогда, какъ будто въ новомъ мірѣ, чудесномъ, дивномъ я блуждаю...

Сонка. Я шла съ тобой по берегу морскому; какъ ночь черна была вода. Мы оба были грустны и въ мысли, полныя тревоги погружены. Вдругъ намъ навстрѣчу по-

падаетъ старикъ-рыбакъ. Онъ выбросилъ изъ сѣти золотую рыбку, и на пескѣ прибрежномъ она сверкала чешуей, какъ будто миллионы искръ. Когда онъ увидалъ меня, онъ поднялъ рыбку, свернулъ ее въ кольцо и этотъ перстень живой на палецъ мнѣ одѣлъ. „носи“, сказалъ онъ мнѣ, „пусть амулетомъ счастья и сплы будетъ этотъ перстень для тебя“. Но въ эту же минуту изъ-подъ каждой чешуйки этой страшной золотистой рыбки кровь каплями сочиться начала въ ужасной, но безмолвной мукѣ. „Нѣтъ нѣтъ, я не хочу“, я вскрикнула, „такого счастья, цѣной страданій купленнаго“, и кровавый перстень я бросила обратно въ море. Тогда на краѣ горизонта начала вздыматься волна, такая громадная, что, казалось, верхушкою своею облаковъ она касалась. Темная, неопишимо ужасная и необъятная, неудержимую стихіей она неслась на насъ суровая, неумолимая, какъ будто затопить всю сушу она должна была,—она неслась, повсюду сѣя разрушеніе и гибель.

Король (блѣдный отъ ужаса). Это злой духъ чудовища, которое я умертвить велѣлъ. Онъ вѣрно ужъ убитъ мечомъ Богдара, а тѣнь его то въ сновидѣніяхъ, то на яву по нашимъ царственнымъ чертогамъ бродить. Я вижу, какъ она украдкою ползеть, какъ ластится у ногъ, какъ вдругъ, нахально голову поднявши, раздражается злораднымъ смѣхомъ. Не видишь ты ея?

Сонка (обнимая руками короля, какъ будто желая защитить его отъ чего-то невидимаго). Нѣтъ, нѣтъ... то призракъ, изстрадавшийся твоей душою порожденный...

Король. Есть сказка о стоголовой гидрѣ, у которой, когда ей голову одну отсѣчь, сто новыхъ тотчасъ же на томъ же мѣстѣ вырастаетъ. Я вижу, вижу эту гидру адскую (Смотрить мутными глазами въ пространство, какъ въ галлюцинаціи) Я вижу предъ собой ее: ногой своей я пасть ея ужасную топчу, а на меня она зѣяетъ страшнымъ пламенемъ геенны. Все ближе, ближе... еще минута—поглотить насъ она своей бездонной пастью. (Вдругъ поворачивается къ Сонкѣ). Ты тоже вся дрожишь?

Сонка. Я трепещу отъ страха, потому что духъ твой слабнетъ...

Король. Какъ ты прекрасна, когда ты такъ своею слабой ручкой меня какъ будто хочешь защитить. Какъ я люблю тебя! Не бойся за меня, не бойся, покуда ты со мной. Желѣзнымъ молотомъ могучей воли, разсѣянные силы духа своего я снова въ остріе стальное сплавлю, скую и поражу чудовище, или погибну.

Сонка. Какъ можешь ты погибнуть, ты — король?

Король. (задумавшись). Да... это правда... Погибнуть ради этой гидры стоголовой, презрѣнной черни, и тебя ей на глумленіе оставить? Быть столь ничтожнымъ, чтобъ тѣни испугаться? Мнѣ, королю—бояться тѣни канцлера?

Сонка. Не нужно мнѣ короны, которую ты такой кровавою цѣной получить стремишься. Я силу исполнина только въ тебѣ хотѣла видѣть, который ни предъ чѣмъ не дрогнетъ, на все дерзаетъ, который мощною своею рукою сумѣетъ колоннады мраморныхъ дворцовъ снести, и золото, и тряпки пурпура сорвать и подъ развалинами ихъ блескъ мишуры ничтожной схоронить и на руинахъ этихъ станетъ — величественный, гордый, хотя безъ мантии пурпурной и безъ трона...

Король (борясь самъ съ собой). Нѣтъ, нѣтъ еще! Не уничтожить, но въ прахъ повергнуть, покорить, желѣзной цѣпью опутать, къ тачкѣ приковать, заставить пирамиды строить, моря песками засыпать... (Перывисто). Да, да, такъ будетъ. Кровь во мнѣ кипитъ. Я чувствую, какъ голову чудовища хватаю въ руки... вотъ, вотъ верчу ее, душу въ желѣзныхъ пальцахъ.. бросаю подъ ноги, топчу, топчу..

Сонка. Король мой, стоитъ ли на это силы духа тратить?

Король (ударяетъ въ щитъ. Входитъ Герольдъ). Разошли гонцовъ, чтобы вельможи и рыцари собрались и сюда ко мнѣ явились на совѣтъ.

Сонка. Супругъ мой, что ты хочешь сдѣлать? Ужели не дороже для тебя та лучезарная любви корона, которую въ сіяніи моихъ волосъ ты видѣлъ!

Зачѣмъ намъ это торжество? Зачѣмъ намъ это царство лжи?

Сильнѣе царство въ нашихъ душахъ и могучѣй всѣхъ королевствъ земли.

Мечтою созданные наши замки волшебные прекраснѣй всякой власти и могущества здѣсь, на землѣ.

Не въ этомъ мѣрѣ, мѣрѣ слезъ и скорби, царство наше...

Входитъ Герольдъ.

Герольдъ. Гонцовъ по всей столицѣ, государь, я разослалъ, чтобъ предъ твое лицо созвать сановниковъ; но только что явился благородный рыцарь Богдаръ изъ дальняго похода; онъ проситъ разрѣшенья явиться предъ твои глаза...

Король (порывисто). Скорѣйпусти его!

(Герольдъ уходитъ; немного спустя входитъ Богдаръ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

БОГДАРЪ (блѣдный и изнуренный труднымъ страстіемъ). Съ печальнымъ, государь, извѣстіемъ я прихожу. Ты помнишь, государь, какъ я поклялся рыцарскою честью, что изловлю я канцлера и предъ твое лицо, король, живымъ представлю. Ты знаешь, какъ глубоко я уважаю твою супругу, что какъ святыню я чту ее, и всей душой хотѣлъ я положить конецъ постыдной клеветѣ и уничтожить ядъ, который канцлеръ по твоей странѣ повсюду разсѣваетъ, чтобъ отвратить народъ отъ королевы. Какъ пса, въ намордникѣ, хотѣлъ я привести его и къ королевскимъ твоимъ ногамъ повергнуть. Я всю страну твою обѣгалъ изъ конца въ конецъ. Повсюду низкихъ козней его слѣды встрѣчалъ я; вотъ-вотъ, казалось иногда, лишь руку протянуть—и онъ въ моихъ рукахъ... Но, государь... Онъ—всюду... но изловить его нѣтъ никакой возможности...

Король. Какъ это? Что могутъ значить слова твои? Онъ—всюду, но нѣтъ возможности поймать его?

Богдаръ. Король! Ты видѣлъ, съ какой отвагой и юношескимъ жаромъ въ походъ я тронулся. Но горькое отчаяніе и бессилья чувство привели меня сюда, къ ногамъ твоимъ. Клеветы ничтожныхъ, ядовитыхъ испаренья, отраву зависти, невидимыя никому—не въ силахъ руки человѣка уловить ихъ. Мой государь! Безуміе порой овла-

дѣвало мною въ погонѣ этой, превосходящей силы человека. Мнѣ днемъ и ночью слышался его бѣсовскій вой, и днемъ, и ночью чувствовалъ я вокругъ себя его простертой паутины сѣть. Стремглавъ бросался я повсюду, гдѣ только видѣлся мнѣ слѣдъ его. Но какъ туманъ, какъ тѣнь, какъ огонекъ болотный разсѣивался онъ и исчезалъ, и снова велъ меня по дикимъ, обманчивымъ тропинкамъ. Усталый, весь въ крови, я по притонамъ скрытымъ, по пустырямъ и чащамъ, по садамъ, по селамъ, городамъ, по замкамъ рыцарскимъ преслѣдовалъ его — напрасно: тѣнь его скитается повсюду, а самого его нигдѣ никто не знаетъ, не видитъ. Не человекъ это, король, онъ—дьяволъ зависти, коварства, низкой клеветы, инстинктовъ низменныхъ толпы...

Король. Какое же пятно найти возможно на этомъ дѣвственномъ ребенкѣ?

Богдаръ. Хотя бѣ ты Богомъ былъ, король, а ангеломъ святымъ твоя супруга, тѣмъ больше клеветать кощунственно противъ нея онъ будетъ, тѣмъ больше ядовитую слюной ее онъ оплюетъ; самъ воплощенье грязи—онъ чистоты не переноситъ. Опоры трона онъ потрясаетъ и корону съ головы пытается сорвать...

Сонка (съ тоскою). Отецъ, отецъ мой! Зачѣмъ корону эту мнѣ носить ты предназначилъ. Король, я не хочу ея, я никогда короны этой не желала. Я духъ и сердце лишь съ твоимъ сковала духомъ вѣнчанія таинственнымъ обрядомъ. Зачѣмъ корона эта намъ, которую любого негодая зависть и низкое коварство оплевать сумѣетъ?

Богдаръ. Простите, государыня, что я дерзаю слово молвить, но для толпы нужна корона непременно, толпа умѣетъ чтить и преклоняться лишь предъ этимъ пустымъ символомъ внѣшняго величья, что предразсудками столѣтья осятели. Предъ ними голову свою она склоняетъ и ползаетъ предъ ними на колѣняхъ, хотя бы на послѣдней распутницы надменной головѣ они почили; безъ нихъ же, государыня, чистѣйшую и благородную, какъ ты, она забрызжетъ грязью и назоветъ наложницею королевской.

Сонка. Боже!

Король. Какъ ты осмѣлился, молокососъ, въ глазахъ монахъ и королевы такое слово вымолвить!

Богдаръ. Осмѣлился я, государь, лишь потому, что чту васъ и люблю; лишь потому, что кровь свою за это оскорбленіе я въ странствіи своемъ не разъ пролилъ и до послѣдней капли за честь твоей супруги готовъ пролить.

Король. Я подлость эту низкую и тьму искореню! Я прикажу все тюрмы растворить, я выпущу на волю всехъ преступниковъ, злодѣевъ, чтобъ ихъ имущества они разграбили, ихъ семьи перерѣзали, чтобъ въ нищету они погибли! Я прокаженныхъ среди нихъ разею, чтобъ отравить колодцы ихъ, тѣла ихъ заразить, чтобъ ихъ болѣзни пожрала! Чтобъ истребить ихъ, какъ червей поганыхъ!

Сонка. Мой господишь, король мой! Если для меня ты это сдѣлать хочешь, то знай, что никогда изъ рукъ твоихъ я даже короны не приму, обрызганной народной кровью.

Король. Неполниться должно, что я велю! А ты, мой вѣрный рыцарь, ступай опять, борись за правду!

Богдаръ (низко кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Стиборъ.

Стиборъ. Я не просилъ, король, чтобъ ты меня впустилъ. Я самъ пришелъ сюда: мой возрастъ престарѣлый и сѣдина волосъ монахъ мнѣ позволяютъ входить сюда безъ слугъ придворныхъ, которые бы объявляли о моемъ приходѣ.

Король (смуръ). Съ чѣмъ ты приходишь? Говори! Вѣстей хорошихъ я уже не жду.

Стиборъ. Я прихожу, слуга твой вѣрный, человекъ, который презираетъ неправду и обманъ, я прихожу какъ человекъ, который всей душою, какъ отецъ, тебя, король мой, любитъ. Я, государь, въ своихъ помѣстьяхъ такой же добрый господишь, какъ ты, король, въ своемъ прекрасномъ замкѣ, я — самый престарѣлый изъ рыцарей твоихъ и ничего не сдѣлаю, чтобъ совѣти моеи противорѣчило. И лишь одно я говорю тебѣ, король: ни санови-

тые вельможи, ни народъ, безмысленно и слѣпо слѣдую за ними, не хотятъ на голову избранную твоей супруги корону возложить, хотя тебѣ открыто этого они не скажутъ, и тайныя лишь будутъ строить козни.

Для меня избранна голова ея, я долго на нее смотрѣлъ и взоромъ ясновидящимъ людей, къ могилѣ близкихъ, провидѣлъ я въ ней душу чистую и сердце дѣтское, невинное. Они же въ темнотѣ своей и злобѣ, въ ея неотразимомъ обаяннѣ и неземной красѣ нечистыя лишь видятъ чары и за глаза ужасный приговоръ готовятъ ей.

На меня они надѣялись, что первый я свою сѣдую руку къ ихъ дѣлу приложу, но обманулъ я ихъ надежды и вотъ они съ позоромъ прогнали меня изъ своего собранья.

Сонка (съ благодарностью). Воевода!..

Король (борясь съ мыслями, мрачно). Ты знаешь, что на сегодня я велѣлъ созвать совѣтъ, чтобы послѣднее упорство ихъ сломить?

Стиборъ. Да, государь, я знаю и потому пришелъ я, чтобъ удержать тебя, потому что тебя и королеву я уважаю глубоко. Я пришелъ, волосъ моихъ глубокой сѣдиною смѣлый, предостеречь тебя, чтобъ королевскаго величья своего ты не унижилъ.

Король (съ внутренней борьбой). А все-таки ихъ выи я согну, сотру гордыню ихъ и королевская исполнена должна быть воля, хотя бъ до одного пришлось мнѣ ихъ на плаху повести.

Сонка. Я не хочу, король, я не хочу короны, обрызганной чужою кровью!

Стиборъ. Остановись, король, изъ силъ земли твое могущество не больше всѣхъ...

Король. А чье же больше, скажи?

Стиборъ. Канцлера, государь...

Король. Нѣтъ больше канцлера.

Стиборъ. Не видишь ты его, король, но всюду—онъ. Въ обманѣ, клеветѣ онъ поселился, притаился въ инстинктахъ низкихъ черни, и сильной, тысячекратной жизнью онъ въ нихъ живетъ.

(Въ эту минуту две, и порывисто отворяются и въ нихъ появляется блѣдный и дрожащій Герольдъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Герольдъ. Король, второй я разъ являюсь съ столь ужасной вѣстью...

Король (съ покорностью судьбъ). Что жъ скажешь мнѣ еще?

Герольдъ. Король, весь замокъ обставленъ стражею, у входа каждаго двойные караулы стоятъ, тѣнь, кажется, проникнуть не могла бы. А между тѣмъ... Король мой, государь! Я вѣрно служу тебѣ, я предпочелъ бы самъ погибнуть, чѣмъ то увидѣть, что моимъ глазамъ представилось.

Король. Что же столь страшное твоимъ глазамъ представилось?

Герольдъ. Трупъ рыцаря, того прекраснаго и молодого рыцаря, который часъ тому отсюда вышелъ, — удрушеннаго подлой петлей какого-то невидимаго палача.

Сонка (закрываетъ лицо руками и вся дрожитъ). Боже! Боже!

Король (пораженный, блѣдный). Быть не можетъ...

Стиборъ. (падаетъ на ступени трона и плачетъ). О, Боже мой, тотъ отпрыскъ молодой и полный силъ! Этотъ рыцарь доблестный — погибъ такою подлой смертью! Милге сына былъ онъ мнѣ, я на колѣняхъ вынявчилъ его, а послѣ, отрокомъ, училъ его искусству рыцарскому. (Герольду) Веди меня туда, гдѣ трупъ его лежитъ. Пускай еще разъ старческіе очи его увидятъ. (Обращается къ Королю). Король, король! Нечистой этой сатанинской силы желѣзное оружіе не одолѣетъ...

(Уходитъ съ Герольдомъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Сонка встаетъ съ сильною рѣшимостью, долго смотритъ на Короля, погруженнаго въ мрачную задумчивость.

Сонка. Послушай, государь и мужъ мой, оружіемъ своимъ не одолѣешь ты канцлера, который выросъ въ тысячеголовую толпу, а къ трону шествіе свое я трупами и кровью обозначать не захочу...

Я полюбила горячо тебя, я сердце изъ груди прочь вырвала бы и кровь его тебѣ бы въ жертву принесла. Но не могу я, не могу остаться при тебѣ, пока не вырастешь ты выше трона и тряпки мантии пурпурной на себѣ не разорвешь.

Волосъ моихъ ты золотистаго сiянья не запятнай горячей кровью, потоками багрянными ея ты не мутн прозрачной глубины, свѣтящейся въ глазахъ моихъ.

А я теперъ ужъ чувствую, какъ кровь горячая струится по моимъ ланитамъ, я чувствую, что никогда ужъ больше не могу волосъ своихъ златистыхъ расчесать, которые ты такъ любишь, и никогда тебѣ позволить не могу лицо твое въ ихъ мягкихъ волнахъ прятать. Я чувствую, что никогда уста твои къ моимъ губамъ горячимъ не прильнуть и никогда руки своей довѣрчиво и ласково въ твои могучія не положу я руки.

К О Р О Л Ъ (очнувшись вдругъ отъ раздумья.) Ты—отъ меня уйдешь? Я—безъ тебя? Нѣтъ, этого не сдѣлаешь ты никогда.—Ты смерть бы духу моему твоимъ уходомъ нанесла. — Одно это...

С о н к а. А это развѣ не смерть для духа: считаться и бороться съ слабостью толпы, которая поганой грязью въ Сонку твою бросаетъ?

К О Р О Л Ъ (въ борьбѣ съ самимъ собою.) А все-таки, когда бы сокрушить все это...

С о н к а. Я предпочту покинуть твой дворецъ и побреду одна дорогою кремнистой среди дождей и града, вихрей, молній, которыя въ степи пустой за мною гнаться будутъ, средь громовъ, вокругъ главы моей рокочущихъ. . одна, одна пойду туда я, гдѣ безсильна власть канцлера, гдѣ сотканые изъ волшебныхъ грезъ стоятъ на неприступныхъ скалахъ замки наши... А здѣсь... (Прижимается вдругъ къ королю.) Ты слышишь этотъ адскій вой и скрежетъ за стѣной дворца. Тутъ, тутъ, сейчасъ за нами? Слышишь? (Король прижимаетъ ее крѣпко рукой.)

С о н к а. Нѣтъ, нѣтъ, король, я не останусь дольше здѣсь, я не останусь. Мнѣ страшно здѣсь, какъ будто я попала въ гнѣздо змѣиное. Здѣсь по ночамъ являются видѣнiя и призраки, а днемъ витаетъ смерти дуновение тѣхъ, что за меня погибли... Да, я уйду одна, когда не хватить силы у тебя уйти со мною...

К О Р О Л Ъ (хватаетъ ее за руки, какъ будто боясь, чтобъ она сейчасъ же ушла.) Не уходи! не уходи! Ты знаешь вѣдь, что безъ тебя

день слѣпъ мой, ночь — глуха... Ужели неизмѣнна твоя воля?

Сонка. Да, неизмѣнна, мужъ мой, хотя возлюбленнымъ своимъ тебя избрала я, хоть безъ тебя жизнь для меня не въ жизнь, хотя съ тоски я по тебѣ иссохну. — Но лучше смерть мнѣ въ чистотѣ любви и правдѣ, чѣмъ призракъ жизни посреди пустого блеска лжи...

(Король молча ударяетъ въ щитъ. Входятъ Герольдъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Король. Вельможи собрались уже?

Герольдъ. Приходятъ понемногу они, король...

Король. Отправься къ казначею, скажи ему, что я велю изъ сундука съ сокровищами вынуть регалии моей монаршей власти, которыя при самыхъ важныхъ торжествахъ употребляются и безъ задержки ихъ принести сюда.

(Въ эту минуту откидывается тяжелая завѣсъ и медленно входитъ Витинъ, отецъ Сонки. Герольдъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

(Король спѣшитъ навстрѣчу Витиву. Сонка тоже. Оба цѣлуютъ его руки.)

Король. Отецъ мой, мой отецъ!

Сонка. Ахъ съ какой тоской тебя я ожидала, мой отецъ!

Витинъ. Я обошелъ, мой сынъ, твой владѣнья и знаю все теперь, что угрожаетъ тебѣ и дочери моей. Я сѣмена святого духа Божьяго хотѣлъ въ сердца народа сѣять, но твердый камень встрѣтилъ я, и урожая не принесъ посѣвъ мой. Я знаю, что народъ твой дочь мою признать не хочетъ, что злые люди въ темнотѣ своей разбойника хотѣли подослать, чтобы убить ее, а когда не захотѣлъ онъ преступленье это совершить, они заочно звѣрскіи приговоръ надъ ней пропознесли, въ нечистомъ колдовствѣ ее невинно обвиняя. Я знаю, сынъ мой, что твой духъ ослабъ, и я пришелъ, чтобы раздуть огонь святой въ душѣ твоей...

Король. Отецъ мой, мой отецъ...

Витинъ. Всѣ силы духа своего ты собери. Страхни съ себя ты тряпки здѣшней жалкой жизни. Есть счастье иное выше наслажденья власти надъ толпой...

Король. Отецъ мой, развѣ ты не видишь, какъ призракъ канцлера по царственнымъ моимъ чертогамъ бродить, по стѣнамъ ползаетъ, топорщить когти грифа острые, летучей мышп крылья распростираетъ и тѣнь ихъ черную бросаетъ на меня, на душу мою. Я не могу найти его, но чувствую и вижу я его вездѣ вокругъ себя, я вижу, какъ смѣется надо мной онъ дикимъ хрюканьемъ кабаньимъ. Когда выходитъ Сонка за порогъ чертога, я боюсь, не подослалъ ли на нее онъ новыхъ негодяевъ. На картахъ вижу я его и на страницахъ книги, изъ которой ты научилъ меня, отецъ, ученій мудрыхъ черпать правдивыя слова... Вездѣ кругомъ... онъ... онъ... Убить его вѣдь надо, уничтожить необходимо эту силу темную.

Витинъ. Помни, сынъ мой, что месть могучихъ — гордое презрѣнье... презрѣнье! Тогда его ты только уничтожить можешь, когда сумѣешь, наконецъ, подняться выше блестящей мишуры, своихъ и черни слабостей... Не забывай ты этого...

Король (молчитъ въ раздумьѣ).

Витинъ (обращаясь къ Сонкѣ). А ты зачѣмъ дрожишь, голубка бѣлая моя? Ужель не вѣришь ты ужъ въ силу мощныхъ рукъ его, которыя отъ канцлеровъ всѣхъ міра сумѣютъ защитить тебя? Не вѣришь развѣ ты въ величественную силу его духа, которая корону съ чела сорветъ и броситъ ее къ ногамъ толпы, а тебя возьметъ на руки могучія свои и понесетъ, какъ дорогую святыню туда, куда не достигаетъ ужъ больше сила канцлера?

Король (задумчиво). Снять корону съ головы — и мантию пурпурную сорвать и бросить все къ ногамъ толпы, которая дала ихъ мнѣ.

Витинъ (не обращая вниманія на короля). Онъ красоту величественную эту въ міръ понесетъ все далѣе и далѣе, пока онъ избранныхъ тѣхъ, наконецъ, найдетъ, которые въ благоговѣніи предъ этой новой доброй вѣстью колѣни преклонять и въ сердца свои какъ высшую святыню замкнутъ. И что же эта

золотая бляха на головѣ твоей въ сравненіи съ святымъ огнемъ, пылающимъ въ груди твоей супруги? Что скипетръ королевскій и держава предъ тайною, которую ты съ нею пережилъ? (съ силой). Имѣю ль право я тебѣ повелѣвать?

Сонка. Отецъ, пускай король рѣшаетъ самъ...

Король. Повелѣвать никто мнѣ не имѣетъ права, пока король я, но мысли сѣмена твоей мнѣ въ душу глубоко запали и сочные ростки пускаютъ.

... Стоитъ ли власть надъ толпой удерживать, которая величіе священное духовной силы моей способна только загрязнить?... Стоитъ ли кровь проливать свою въ борьбѣ съ презрѣнной чернью, которая ее съ помоями и грязью смрадною своей смѣшаетъ?... Стоитъ ли чело свое златою бляхой украшать и добиваться признанія толпы, когда мы сами величественной мантией нездѣшной власти царственной одѣты?..

Сонка. Иного царства мнѣ не нужно, кромѣ какъ въ сердцѣ и душѣ твоей, не нужно мнѣ другого трона, кромѣ того, что въ сердцѣ ты своемъ воздвигнулъ для меня, не нужно мнѣ иныхъ сокровищъ, кромѣ какъ тѣхъ неисчерпаемыхъ сокровищъ любви и творческой могучей силы духа твоего, откуда полною рукой ты можешь черпать и сѣять предо мной златыя жизни сѣмена.

Король. Въ тебѣ, возлюбленная, воплощеніе мечтаній сокровеннѣйшихъ моихъ увидѣлъ я; въ тебѣ явился предо мною въ земной одеждѣ символъ тотъ священный, который Провидѣнье въ моей душѣ навѣкъ запечатлѣло!

Витинъ. Теперь я васъ оставлю. Благослови Васъ Богъ и дай вамъ силы для этого тернистаго, но славнаго пути! (Хочетъ уйти.)

Король (послѣдно удерживаетъ его). Нѣтъ, нѣтъ, теперь я не пущу тебя, отецъ. Ты долженъ быть при томъ, какъ королевское величіе свое я проявлю. Ты глубиною мудрости своей и пронзательнымъ чутьемъ пѣвца и мудреца рѣшишь, прекрасенъ ли мой шагъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Казначей Согласно волѣ, государь, твоей, я драгоценнѣйшіе знаки королевской власти, какіе въ сундукѣ твоёмъ хранятся, принесъ тебѣ. Вотъ золотыми бляхами обитая желѣзная корона, которую твой пращуръ на голову свою своей согласно волѣ и волѣ своего народа возложилъ. А вотъ корона золотая изъ чистаго отлитая металла, усѣяна крупнѣйшими на свѣтѣ алмазами и брилліантами, которую епископъ папскимъ перстнемъ украшенной рукою возлагалъ на голову сѣдую дѣда твоего и твоего отца, которая и на твоей главѣ почилъ. А вотъ держава королевская изъ византійскихъ императоровъ сокровищницы взятая, вотъ скипетръ, котораго никто не знаетъ перваго владѣльца и мастера, столь отдаленной стариной онъ намъ завѣщанъ. Вотъ мантия пурпурная, обшита парчей и жемчугомъ, которую одѣли на плечи юношескія твои, когда епископъ плечи и чело твое помазывалъ и сталъ ты съ той поры избранникомъ народа своего. А черезъ день въ походъ ты выступилъ и возвратился, побѣдоносной славой покрывъ народъ свой, а врагамъ внушая ужасъ.

Король. Благодарю. Ты можешь удалиться и объявить вельможамъ, что могутъ ужъ войти они сюда.

Сонка. Супругъ мой, что ты хочешь дѣлать. Быть можетъ, противъ воли ихъ ты хочешь возложить на голову мою корону? Я не приму ея, король.

Король. Я пѣснею сердца своего въ душѣ моей тебя короновалъ. Ты слишкомъ хороша, чтобъ на чело свое прозрачное другія возлагать короны.

(Одѣваетъ на себя мантию, золотую корону, беретъ въ руки державу и скипетръ и принимаетъ величественную и недвижимую позу).

ЯВЛЕНИЕ IX.

(Въ залъ входятъ толпою вельможи, сановники и рыцари, громко и надменно разговаривая, но смолкаютъ при видѣ короля облеченнаго въ символы власти, и отдаютъ низкіе поклоны королю).

Король. Найдется ли среди васъ хотя бъ одинъ, который скажетъ мнѣ, гдѣ канцлеръ мой находится?

(Молчаніе. Нѣсколько опустя.)

Нѣсколько голосовъ. Не знаемъ, государь, не знаемъ!

Король. Тогда я вамъ скажу, гдѣ онъ гнѣздится: въ змѣиной ямѣ вашихъ мыслей преступныхъ, вашихъ низменныхъ инстинктовъ, въ вашей лжи, обманѣ, лицемѣрѣ.

(Бросаетъ жъ ихъ ногамъ державу.)

Сонка (съ радостью). Мой мужъ возлюбленный!

Витинъ (невозмутимый и спокойный). Такъ, сынъ мой, хорошо ты поступаешь.

Одинъ изъ вельможъ (выступая впередъ). Ты насъ braniшь, король, но переносимъ мы покорно твои слова лишь потому, что ты законный наслѣдникъ этой королевской золотой короны, потому, что сами мы тебя на этотъ тронъ, когда ты былъ еще почти ребенкомъ возвели. Честь хвала тебѣ за это. (Держко.) Но никогда того мы не допустимъ, не согласимся никогда, чтобъ дочь кудесника какого-то на тронъ вступила, на который до сихъ поръ принцессы крови лишь вступали.

Сонка (встаетъ съ достоинствомъ и гордостью). Я никогда къ коронѣ вашей не стремилась и добиваться не хочу теперь. Не нужно мнѣ ея: короной драгоцѣннѣйшею для меня любовь супруга моего мнѣ служить.

Король. Когда бъ не презиралъ я васъ такъ глубоко, какъ въ этотъ мигъ я презираю васъ; когда бъ хоть на минуту я вѣрилъ, что слюной своей вы чистоту ея красоту могли бы загрязнить; когда бъ повѣрить могъ я, что солнце завтра не взойдетъ, сумѣлъ бы я вамъ показать, какъ мщю я непокорнымъ слугамъ и ваши спеси полныя слова вдавить обратно въ ваши дерзкія уста. Я драгоцѣннѣйшія дать хотѣлъ вамъ мысли и сердца сокровища, но вы ихъ топчете ногами. Неисчерпаемую красоту любви хотѣлъ я дать вамъ, вы грязью гадкою мараете ее своей. Я чистоту и истину возвелъ на тронъ, а вы по темнотѣ своей ее со злобой оттолкнуть хотите. Я клялся вамъ служить во имя истины, а не во имя лжи! Ступайте жъ прочь изъ сердца моего! (Ломаетъ скипетръ и бросаетъ его къ ногамъ толпы. Придворные стоятъ въ глухомъ молчаніи и въ испугѣ.)

Голосъ изъ толпы. Король, будь снисходителенъ, не покидай насъ, мы готовы уступить тебѣ... немного.

Другой. Да, да, свой гнѣвъ лишь укроти, король!

Король. Не вѣрю я коварнымъ вашимъ увѣреньямъ. Въ уступчивости вашей, вѣрно, скрыты козни — въ ней слышу я шипѣніе змѣи, гнѣздящейся невидимо въ травѣ. Я канцлера не вижу между вами, но чувствую его я въ вашихъ душахъ. (Срываетъ съ плечь мантию и бросаетъ ее на землю.) Берите эти тряпки пурпурныя, прикройте ими язвы смраднаго презрѣнныхъ вашихъ душъ.

(Среди присутствующихъ подавленные крики.)

Король нашъ, государь, помилуй насъ!

Король. Я клялся вамъ заботиться о васъ и клятву я свою сдержалъ, когда за васъ въ побѣдоносныхъ битвахъ кровь столько разъ я проливалъ свою. О благѣ вашемъ и имуществѣ заботиться я клялся вамъ, и всячески вѣдь я старался богатства ваши увеличить. Когда же голодомъ Господь насъ покаралъ, я отворилъ вамъ житницы и роздалъ всю казну свою. Я милостивымъ былъ и щедрымъ вамъ отцомъ, а въ благодарность вы хотите сердце скорблять мое. (Срываетъ съ головы корону и бросаетъ.) Корону эту возложите вы на голову невидимаго вашего канцлера. Пусть предводительствуетъ вами тотъ, кто въ душахъ вашихъ вопарится сумѣлъ... Вы правду чистую моей души, любовь мою къ моей супругѣ убить и подавить хотѣли насильно. Власть надъ такимъ народомъ унижаетъ мое достоинство. Я навсегда отнынѣ уйду отъ васъ.

Витинъ. Такъ, сынъ мой, хорошо ты поступаешь. Когда ты отдавалъ одинъ такъ за другимъ всѣ знаки власти своей, могущество твое росло!

(Король отворачивается и съ этой минуты не видитъ вовсе толпы, которая въ оstonблѣннн смотритъ на все, что происходитъ. Шутъ, который сначала скрывался въ глубинѣ сцены, медленно выходитъ все ближе впередъ и, глядя съ возрастающимъ восторгомъ и благоговѣніемъ на короля, скидываетъ съ себя шутовской колпакъ, срываетъ бубенчики, бросаетъ свой шутовской посохъ въ толпу и опускается на колѣни передъ королемъ и Сонкой.)

Король (опускаясь передъ Сонкой на колѣно). Ты говорила мнѣ: Не въ здѣшнемъ мѣрѣ мы будемъ царствовать"... Да, слишкомъ жалкіе дары къ ногамъ твоимъ повергъ я. Слишкомъ жалкая корона это, чтобы на твоихъ златистыхъ волосахъ почить, и слишкомъ жалкой тряпкой бы-

ла бы эта мантия, чтобъ украшать величіе твоей пречистой красоты. Нѣтъ, я инымъ тебя покрою,—порфирой мощной силы духа моего! Я діадемою иной тебя вѣнчаю: плодъ творческой души, въ минуту вдохновенія рожденный, пусть діадемой царственной твоей и вмѣстѣ символомъ союза нашихъ душъ и цѣлью вождельной будетъ. Изъ чашъ иныхъ ты будешь счастье пить и душу усладить свою изъ чаши вдохновеннаго восторга, познанія невѣдомыхъ, глубокихъ тайнъ бытія. Въ дворцахъ иныхъ, не этихъ — мраморныхъ и золоченныхъ — жить ты будешь, — въ чертогахъ, изукрашенныхъ богатствомъ неземнымъ, души моеѣ тебѣ я тронъ воздвигну.

СОНКА (въ порывѣ восторга). Великій мой, могучій, властелинъ, король!

ВИТИНЪ (береть ихъ за руки). Теперь идите, дѣти дорогіе, идите... въ путь.

СОНКА (уходя уже съ отцомъ и королемъ). Туда, гдѣ замки сотканы мечтой... (Уходятъ.)

ПУТЬ (подбѣгаетъ вслѣдъ за ними къ выходу). Ты побѣдилъ, король!

К О Н Е Ц Ъ .